

В.П. Зиновьев

ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ КАДРЫ СТАРОЙ СИБИРИ

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В.П. Зиновьев

ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ КАДРЫ СТАРОЙ СИБИРИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2007

УДК 94(57)»18/20»
ББК 63.3(2)
З 63

Научный редактор:

Э.И. Черняк – д-р ист. наук, профессор

Рецензенты:

М.В. Шиловский – д-р ист. наук, профессор

В.А. Скубневский – д-р ист. наук, профессор

Зиновьев В.П.

З 63   **Индустриальные кадры старой Сибири.** – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – 258 с.

ISBN 978-5-7511-1791-8

Монография освещает дискуссионные и малоизученные проблемы формирования индустриальных кадров в Сибири в XVIII – начале XX в.

Для историков, преподавателей и студентов, интересующихся историей дореволюционной России.

УДК 94(57)»18/20»
ББК 63.3(2)

Издание осуществлено при финансовой поддержке проекта «Освоение Северной Азии как социокультурный процесс», выполняемого в рамках аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы. 2006-2008»

ISBN 978-5-7511-1791-8

© В.П. Зиновьев, 2007

Оглавление

Предисловие	5
Глава 1. Индустриальное развитие Сибири в XVIII – начале XX в.....	13
1.1. Особенности перехода России от аграрного общества к индустриальному	13
1.2. Крепостная и капиталистическая мануфактура Сибири в XVII – первой половине XIX в.	18
1.3. Капиталистическая мануфактура и начало первой модернизации в Сибири	32
1.4. Сибирь в период фабричной промышленности.....	44
1.5. Экономическая политика государства в Сибири.....	50
1.6. Внешнеторговые связи Сибири.....	55
Глава 2. Формирование и состав индустриальных кадров Сибири	66
2.1. Формирование сибирского отряда рабочих России в XVIII – первой половине XIX в.....	66
2.2. Формирование сибирского отряда рабочих России во второй половине XIX – начале XX в.	81
2.3. Управляющие и служащие	99
Глава 3. Правовое и экономическое положение индустриальных рабочих Сибири в XVIII – начале XX в.	114
3.1. Правовой статус рабочих Сибири.....	114

3.2. Временные промысловые поселки в Сибири (XIX – начало XX в.).....	126
3.3. Методы эксплуатации и жизненный уровень рабочих Сибири	132
Глава 4. Формы социальной активности в индустриальной сфере Сибири.....	158
4.1. Побегі рабочих в XVIII – первой половине XIX в. как форма социального протеста	160
4.2. Волнения на крепостных мануфактурах Сибири в XVIII – первой половине XIX в.....	172
4.3. Волнения и стачки наемных рабочих Сибири в XVII – первой половине XIX в.	180
4.4. Обзор рабочего движения в пореформенный период	197
4.5. Политическая ссылка и рабочее движение в Сибири накануне революции 1905–1907 гг.	203
4.6. Экономические организации рабочих Сибири во второй половине XIX – первые годы XX в.....	210
4.7. Обзор рабочего движения в Сибири в 1895 – феврале 1917 г.....	225
Заключение	251
Список сокращений	256

Предисловие

История рабочего класса сейчас не относится к популярным предметам исследования в нашей современной историографии, охотней изучают историю предпринимательства, управления, дворянства, чиновничества. В региональной сибирской историографии точно такая же ситуация. С одной стороны, это закономерно, так как названные сюжеты в советское время изучались явно недостаточно. С другой стороны, это не нормально, когда история класса, составляющего 70 % самостоятельного населения страны подвергается остракизму. Индустриальная страна не желает больше изучать историю своего демиурга. Сам рабочий класс, деморализованный и разобщенный, не интересуется своим славным прошлым, занятый борьбой за кусок хлеба с маслом. В российской историографии очаг изучения пролетариата и рабочего движения еще теплится в Институте российской истории, в котором продолжается с 1992 г. под редакцией И.М. Пушкаревой издание фундаментального исследования «Рабочее движение в России. Хроника»¹. Выдающимся событием в русской историографии является выход книги Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой о сословно-классовой структуре России². Но это почти все.

На фоне десятков специальных журналов, десятков центров по изучению истории рабочего класса, которые действуют в Европе, США, Канаде, Латинской Америке, российская историография ра-

бочего класса выглядит сейчас весьма жалко и недостойно. Она лишена поддержки государства, профсоюзов и политических партий. Названная выше хроника публикуется на деньги европейских социалистов. История российского рабочего движения не нужна даже КПРФ и ФНПР. Иван, не помнящий родства, кажется, победил сознательного пролетария.

Историки понимают опасность создавшегося перекоса в историографии. Академик А.О. Чубарьян на совещании историков 28–29 июня 2005 г. с тревогой говорил об отсутствии «серьезных работ по социально-экономической истории и истории социальных движений, написанных с новых позиций, с учетом последних достижений мировой историографии»³.

Вот уже полтора десятилетия тема рабочего класса не изучается совершенно и в Сибири. Исследование истории индустриального освоения Сибири по этой причине ведется вновь односторонне. Если в советское время отдавали явное преимущество изучению рабочего класса, его политической активности, но и буржуазию не забывали, то сейчас изучается в основном буржуазия. Эта тенденция, обнаружившая себя в 1990-е гг., сейчас вполне определилась. Вышли хорошие и нужные труды по истории предпринимательства. Лидером этого направления являются ученые Барнаула⁴. Здесь же сделана заявка на планомерное исследование экономической истории⁵, ведутся новаторские исследования по исторической геоинформатике, демографии⁶. Крупные работы по экономической и социальной истории дореволюционной Сибири вышли в Новосибирске, Иркутске, Красноярске⁷. Продолжается изучение роли городов и городских сословий в освоении Сибири⁸. В этом направлении лидерство также за Алтайским университетом. Рассматриваются этнические аспекты присоединения и хозяйственного освоения края⁹. Проведены ряд конференций и опубликованы исследования по истории хозяйственного освоения и социокультурного развития Сибири в Томском университете, в том числе по грантам Томского института межрегиональных исследований¹⁰. Крупные труды вышли по истории управления Сибирью, которые сделали более понятной административную и экономическую политику государства в крае¹¹. Серьезный научный вес приобрели сейчас краеведческие исследования, так как

за них взялись повсеместно профессиональные историки¹². Важной составной частью исследования истории индустриального освоения Сибири являются труды, посвященные общественно-политической жизни обширной окраины¹³. Хорошим тоном современного издательского дела является переиздание сибирской классики – трудов П.А. Словцова, Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина, других путешественников и ученых, воспоминаний сибирских общественных деятелей как в серии «История Сибири. Первоисточники» под редакцией академика Н.Н. Покровского, так и отдельными трудами, поиск и публикация рукописного наследия сибиряков¹⁴.

Из общей ситуации выпали индустриальные кадры – рабочие, служащие, менеджеры. Только инженеры Алтайского горного округа и рабочие Колыванской фабрики удостоились внимания исследователей¹⁵. Конечно, во время подготовки «Истории рабочего класса Сибири» и в последующее десятилетие были выполнены фундаментальные исследования по социально-экономической и политической истории рабочего населения. Но далеко не все сюжеты истории рабочих были рассмотрены, ряд важных проблем даже не был поставлен. Так, не изучен основной элемент, организовывавший труд и быт рабочих дореволюционной России, – артели. Нуждается в специальном освещении история служащих индустриальной сферы, сибирских менеджеров. Целые отраслевые отряды рабочих не изучены совершенно – рыбаки, промысловики-охотники, лесорубы, ремесленники. Слабо исследована история судорбочих, работников коммунального хозяйства и транспорта.

Нуждаются в дополнительном рассмотрении и теоретические вопросы истории хозяйственного освоения Сибири: методы ее освоения, характер государственной политики и управления окраиной, особенности модернизации, формирования социальной структуры индустриального общества с его особой культурой и менталитетом, адаптации традиционных культур коренных народов к новой ситуации и т.д. Если советскую историографию можно обвинять в том, что она преувеличивала уровень развития капитализма в России, в Сибири в частности, для того, чтобы доказать достаточную зрелость общества для социалистических преобразований, то современная

историография склонна недооценивать достигнутый уровень модернизации страны и Сибири в том числе. Американские исследователи Ф. Хилл и К. Гэдди вообще поставили под сомнение способность русских «правильно» осваивать сибирские просторы и ресурсы¹⁶. Эта мысль понятна, хотя она опирается на ложную предпосылку о преобладании методов штрафной колонизации в освоении Сибири и абсолютно игнорирует интересы сибирского населения. Непонятно выглядит другое – отказ государства от планомерного изучения исторического опыта освоения Сибири. Программы 1980-х гг. свернуты, координация усилий историков в этом направлении отсутствует. Мне уже приходилось писать об этом¹⁷.

Очевидно, что без изучения старого опыта трудно выработать новую стратегию освоения Сибири, а прежние методы уже не годны. В стране нет лишних людей, которых можно загнать в тайгу и тундру насильно или за нищенскую плату. Однако не стоит, следуя американским советам, выводить население из Сибири в теплые места, в России их на всех не хватит, нужно оставлять в регионе больше денег в виде платы за ресурсы, а не сетовать, что ресурсы достаются слишком дорого. Это привычные для англо-саксов рассуждения колонизаторов родом из «теплых и сырых» мест. Они находят отклик среди московских цивилизаторов, которые искренне считают, что настоящая жизнь заканчивается за пределами Садового кольца. Такие люди не в состоянии понять, что в Сибирь большинство населения пришло добровольно и не собирается ее покидать. Это еще в 1827 г. пытался внушить своим крепостным собратьям беглый от русского помещика дворовый человек: «И в Сибири также солнце светит и здесь народ живет, но только гораздо лучше вашего, потому что здесь нет кровопийц и тиранов господ»¹⁸. «Господам» из Европы и Москвы пора усвоить нехитрую мысль, что Сибирь не кладовая, а горница, где люди живут. Россия не Америка, нам следует прислушиваться к своему историческому инстинкту, а не действовать по западным образцам.

В настоящей монографии не ставится цель закрыть все проблемы изучения становления индустриального общества в Сибири в процессе ее освоения. Назовем и попытаемся разрешить некоторые из них. Те сюжеты, которые исследованы в историографии, будут на-

мечены пунктирно или обойдены совсем, неизученные или спорные вопросы будут освещены полнее. Остановимся на особенностях модернизации России и Сибири, на процессе становления индустриальной сферы, формировании кадров, их социокультурной характеристике, на экономическом и правовом положении работников, на анализе социальной активности индустриального населения.

Примечания

¹ Рабочее движение в России 1895 – февраль 1917 г. Хроника. М.: Ин-т российской истории РАН, 1992–2005. Вып. 1–9.

² *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М.: Наука, 2004.

³ Второе Всероссийское научно-методическое совещание деканов и заведующих кафедрами исторических факультетов университетов РФ // Новая и новейшая история. 2005. № 6. С. 5.

⁴ *Старцев А.В., Гончаров Ю.М.* История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX в.). Барнаул, 1999. 214 с.; *Предприниматели и предпринимательство в Сибири.* Барнаул, 1995–2001. Вып. 1–3, *Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М.* Купечество Алтая. Барнаул, 2001. 241 с.; *Щеглова Т.К.* Ярмарки юга Западной Сибири в XIX – начале XX века. Из истории формирования и развития всероссийского рынка. Барнаул, 2001. 504 с.; *Старцев А.В.* Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул, 2003. 308 с.; *Деловая элита Сибири: Ист. очерки* / Под ред. д-р ист. наук А.В. Старцева. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 264 с.; *Современное историческое сибиреведение XVII – начало XX вв. К 60-летию профессора В.А. Скубневского.* Барнаул, 2005. 378 с.; *Еремин И.А.* Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005. 278 с.; *Тяпкин М.О.* Охрана лесов Томской губернии во второй трети XIX – начале XX в. Барнаул, 2006. 226 с.; и др.

⁵ Экономическая история Сибири XX века: Материалы Всерос. науч. конф. 30 июня – 1 июля 2006 г., Барнаул. Барнаул, 2006. Ч. 1–3.

⁶ *Владимиров В.Н.* Историческая геоинформатика: геоинформационные системы в исторических исследованиях. Барнаул, 2005. 192 с.; *Семья в ракурсе социального знания: Сб. науч. ст.* Барнаул, 2001. 272 с.; *Гончаров Ю.М.* Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2002. 384 с.

⁷ *Ламин В.А.* Золотой след Сибири. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск, 2002. 142 с.; *Кириллов А.К.* Городские банки Западной Сибири (вторая четверть XIX – начало XX века). Новосибирск, 2003. 180 с.; *Катионов О.Н.* Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск, 2004. 569 с.; *Сибирский плавильный котел. Социально-демографические процессы в*

Северной Азии XVI – начала XX века Новосибирск, 2004 234 с., *Резун Д Я., Шитовский М В* Сибирь, конец XVI – начало XX века фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов Новосибирск, 2005 194 с., Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. Сб. науч. тр. Новосибирск, 2005 304 с., Сибирь в XVII–XX веках демографические процессы и общественно-политическая жизнь. Сб. науч. тр. Новосибирск, 2006 256 с., *Комлева Е В* Енисейское купечество (последняя половина XVIII – первая половина XIX века) Новосибирск, 2006 284 с., Восточные регионы России стратегии и практики освоения Новосибирск, 2006 272 с., *Шахеров В П* Социально-экономическое развитие верхнего Приленья в XVII – первой половине XIX в Иркутск, 2000 86 с., *Агеев А Д* Сибирь и американский запад движение фронтиров Иркутск, 2002 294 с., *Дацишен В Г* Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616–1911 гг. Томск, 2005 250 с.

⁸ *Ивонин А. Р.* Западносибирский город последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. Барнаул, 2000 337 с.; *Шахеров В П* Города Восточной Сибири в XVIII – первой половине XIX вв. Очерки социально-экономической и культурной жизни Иркутск, 2001 254 с., Города Сибири XVIII – начала XX вв. Сб. науч. ст. Барнаул, 2001. 168 с., Иркутск в панораме веков. Очерки истории города / Под ред. проф. Л. М. Дамешека Иркутск, 2002 512 с., *Скубневский В А., Гончаров Ю М* Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в Барнаул, 2003 Ч. 1 Население Экономика 360 с., *Гончаров Ю М., Чутчев, В. С.* Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в Барнаул, 2004 206 с., Города Сибири XVII – начала XX в. Сб. науч. ст. Барнаул, 2004 Вып. 2 История повседневности 230 с., *Гончаров Ю М* Семейный быт горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в Барнаул, 2004 132 с., Томск История города от основания до наших дней 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. проф. Н. М. Дмитриенко. Томск, 2004 464 с.; Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири: Сб. ст. Барнаул, 2005. 320 с., Очерки истории города Омска. Омск, 1997 Т. 1 Дореволюционный Омск 292 с., Омск, 2005 Т. 2. Омск, XX век. 398 с., Судьба регионального центра в России (к 400-летию г. Томска) Томск, 2005 254 с., Проблемы урбанизации восточных регионов России в XIX–XX вв. (к 60-летию проф. В. П. Андреева) Томск 2007 210 с., и др.

⁹ *Кирих Е В* Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения XIX – начало XX в. Томск, 2004 232 с., *Ковалышкина Е П* «Инородческий вопрос» в Сибири Концепции государственной политики и областническая мысль Томск, 2005 324 с., От средневековья к новому времени: этносоциальные процессы в Сибири XVII – начала XX в. Сб. науч. тр. / Под ред. д-ра ист. наук Д. Я. Резуна Новосибирск, 2005, 358 с., *Шерстова Л И* Тюрки и русские в Южной Сибири этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века Новосибирск Изд-во Ин-та

археологии и этнографии СО РАН, 2005 312 с., *Курилов В.Н., Люцидарская А.А., Майничева А.Ю.* Освоение Сибири: сохранение и трансформация русской культуры в XVII – начале XX века: Истор.-этнограф. очерки Новосибирск ПреПресс-Студио, 2005 100 с., *Гончарова Т.А.* История Нижнего При-
томья в контексте межнациональной коммуникации (XVII – начало XXI в.) Томск, 2006 226 с

¹⁰ Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. Сб материалов Всерос конф (Новосибирск, 22–23 сентября 2003 г.) Новосибирск, 2003 324 с.: Факторы формирования духовного мира и социального облика населения Западной Сибири с древности до современности. Томск, 2004 288 с.; Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в. Материалы Всерос. науч. конф (Томск, 19–21 октября 2005 г.). Томск, 2007 304 с., *Жеравина А.Н.* Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.) Томск, 2005. 324 с.; *Гайдашева В.А., Жеравина А.Н., Никулин П.Ф. и др.* Интеграция приписной деревни и горнозаводского производства на кабинетских землях в Сибири / Томск, 2006. 198 с.; Региональные особенности управления государственным хозяйством России XVIII – начала XX в.: Материалы Всерос. науч. конф (Томск, 22 мая 2007 г.) / Под ред. доцента В.В. Шевцова. Томск, 2007 278 с

¹¹ *Матхасова Н.П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX. Проблемы социальной стратификации Новосибирск, 2002. 250 с.; *Дамешек И.Л.* Сибирь в системе имперского региона (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.) Иркутск, 2002 208 с., Административно-судебная система Восточной Сибири конца XIX – начала XX века в лицах и документах Материалы к энцикл Иркутск, 2004. 400 с., *Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004 550 с., Власть в Сибири XVI – начало XX в. Новосибирск, 2005. 696 с., Азиатская Россия. люди и структура империи Сб науч ст Омск, 2005 600 с., *Волчек В.А.* Осуществление имперской политики на восточных окраинах России в деятельности второго сибирского комитета. Новосибирск, 2006. 416 с., История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века / Под ред М.В. Шиловского. Новосибирск, 2006. 352 с.; и др

¹² См., например. Новосибирская область в контексте российской истории, Новосибирск, 2001. 290 с., *Дмитриенко Н.М.* День за днем, год за годом хроника жизни Томска Томск, 2003 346 с., Томск от А до Я Краткая энциклопедия города / Под ред проф Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004. 440 с.; История промышленности Новосибирска. Новосибирск, 2004. Т. 1. Начало (1893–1917) 656 с.; От чистого истока Век томского водопровода. Томск, 2005. 304 с.; *Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р.* Очерки истории города Тары конца XVI – начала XX вв. Барнаул, 2006. 188 с., *Дробченко В.А.* История Анжеро-Судженского каменноугольного района (конец XIX в. – май 1918 г.). Томск, 2007. 334 с.

¹³ Дегальцева Е.А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.) Барнаул, 2002. 288 с.; Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003. 428 с.; Попов Д.И. Культурно-просветительские общества в Сибири в конце XIX – начале XX вв. Омск, 2006. 512 с.; и др.

¹⁴ Шемелев В.И. История Кузбасса с древнейших времен до отмены крепостного права. Кемерово, 1998. 368 с.; Варпаховский Н. Рыболовство в бассейне реки Оби. В 2 ч. Тюмень: Мандрика, 2003. 242 с. Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков / Под ред. проф. В.А. Скубневского. Барнаул, 2005. 446 с.; Скалон В.Н. Русские землепроходцы XVII века в Сибири. Новосибирск: Сова, 2005. 280 с.; Кочнев П.Ф. Жизнь на большой реке: записки сибирского приказчика. Новосибирск: Сова, 2006. 386 с.; и др.

¹⁵ Гришаев В. Алтайские горные инженеры. Барнаул, 1999. 256 с.; Ведерников В.В. Горные инженеры на Алтае в 1747–1896 гг. Барнаул, 2005. 160 с.; Пережогин А.А. Военизированная система управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул, 2005. 264 с.; Тихобаева Л.С. Рабочие Колыванской шлифовальной фабрики в XIX в. Барнаул, 2006. 126 с.

¹⁶ Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России. М., 2007. С. 237–240.

¹⁷ Зиновьев В.П. Современная отечественная историография индустриального развития Сибири в XIX – начале XX в. // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX вв.): Материалы международного науч. конф. Новосибирск, 2002. С. 208–213; Zinoviev V. The problem of trust in the EU – Russia relations. A view from Siberia // EU and Russia. Face to Face: Materials of the International conference. Tomsk, 2007. P. 375–381.

¹⁸ О возмутительном письме военнорабочего // ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 427. Л. 6–7.

Глава 1. Индустриальное развитие Сибири в XVIII – начале XX в.

1.1. Особенности перехода России от аграрного общества к индустриальному

Сибирь, как и Россия в целом, в XVIII–XX вв. переживала период перехода от аграрного общества к индустриальному. Именно этот процесс являлся главным движущим механизмом жизни страны, а прочие экономические, социальные и политические процессы были производными от основного сущностного течения истории. Становление индустриального общества в каждом регионе России имело свои особенности, хотя в основном определялось общероссийскими факторами.

В изложении индустриальной истории Сибири в XVIII–XX вв. целесообразно исходить из теории постиндустриализма, согласно которой все общества проходят как минимум три стадии эволюции – аграрную, индустриальную и постиндустриальную, или информационную. Переход от аграрной стадии к индустриальной именуется обычно модернизацией. По этой причине постиндустриальные теории еще называются модернизационными. Они продолжают прогрессистские традиции мыслителей эпохи просвещения XVIII в., позитивистские и марксистские формационные теории XIX в. С 60-х гг. XX в. именно постиндустриальные теории претендуют на роль наиболее общей исторической парадигмы. Постулатами ее остаются по-прежнему признание законов в истории, стремления человеческого общества к прогрессу и справедливости на основе совершенствования технологии жизнеобеспечения.

Теория эта также признает многовариантность, альтернативность исторического процесса, которая обусловлена многообразием историко-географических условий жизни людей. Чем ниже уро-

вень развития технологии жизнеобеспечения, тем больше человеческое общество в своей организации зависит от окружающих условий. Аграрная стадия предполагает множество способов производства и основанных на них культурно-исторических типов общества. Известны античный (рабовладельческий), феодальный, азиатский, тропический, номадный, американский и т.д. способы аграрной стадии развития общества. По достижении обществом индустриальной стадии варианты развития сокращаются до двух исторически известных – капиталистического (западного), основанного на частной собственности, наемном труде, свободном рынке и политическом лидерстве класса собственников; и социалистического (советского), основанного на государственной собственности, наемном труде, регулируемой системе производства и распределения, политическом лидерстве класса работников. Китай и другие развивающиеся страны, возможно, покажут иные варианты индустриализма.

Альтернатива возникает на стадии завершения промышленной революции (первой модернизации), когда формируются основные классы индустриального общества: промышленная буржуазия и промышленный пролетариат. Они вступают в борьбу за социальное лидерство и политическую власть в новом индустриальном мире. Вспомните период чартизма в Англии, Парижскую коммуну, «героический период» германской социал-демократии, классовые бои в США в 80–90-е гг. XIX в., наконец, революционную Россию первой четверти XX в. История показала, что победа той или другой стороны реальна и определяется конкретной ситуацией.

Автор исходил также из того, что переход от аграрного общества к индустриальному в России, как и в любой другой стране, прошел ряд последовательных этапов, которые здесь будут обозначаться привычными для нас марксистскими терминами: 1-й – первоначальное накопление капитала, 2-й – промышленная революция, 3-й – индустриализация. 4-й этап – общество массового потребления – был замаскирован в советской социологии как «развитой социализм». Последующая научно-техническая революция подготовила предпосылки к переходу в постиндустриальный мир, в котором главную роль играют не аграрное или промышленное производства, а информационные технологии и производство услуг. Страны «золотого миллиарда» уже близки к новой модели общест-

ва. Россия же на этом переходе, по мнению многих ученых, застряла, недостаточно созрев для новой трансформации¹.

Догоняющий тип модели индустриального развития России определился еще в аграрную эпоху, когда в стране затянулся период ее земледельческого освоения, вследствие перманентного расширения границ и гигантской географической протяженности государства. Последним актом экстенсивной аграрной колонизации стало освоение целинных и залежных земель Сибири и Центральной Азии в 50-е гг. XX в. Общество в России, еще не завершив процесса экстенсивного аграрного развития, начало переход в индустриальное. Возможность линейного роста экономики России обусловила запаздывание ее качественных изменений по сравнению с Западной Европой, а также узость сферы индустриальных преобразований в экономике в XVIII – первой трети XX в.

Первый этап становления индустриального общества в России – это первоначальное накопление капитала, которое, как известно, характеризуется разложением классов-сословий старого аграрного общества и созданием предпосылок для формирования новых социальных слоев, определяется временным отрезком с XVIII в. по 1930-е гг. Начало ему положила не экспроприация собственности мелких товаропроизводителей (крестьян и ремесленников), как в классическом английском варианте, а использование крестьянского труда на мануфактурах. Так был рожден «особый строй» русской промышленности. Перенесение традиций аграрного общества в индустриальную сферу не могло дать прочного результата, но крепостной труд на протяжении 150 лет сохранял конкурентоспособность и тормозил развитие капиталистической индустрии.

Отмена крепостного права в сельском хозяйстве и промышленном производстве ускорила процесс разложения крестьянства и дворянства, но и в начале XX в. аграрная сфера занимала 4/5 населения России. Ликвидация классов аграрного общества произошла во время революции 1917 г., гражданской войны и коллективизации. Экспроприацию пролетарским государством крестьянской собственности в период массовой коллективизации в 1929–1933 гг. можно считать завершением процесса первоначального накопления капитала в России. На самом деле, И.В. Сталин лишь завершил дело разорения мелких крестьянских хозяйств, начатое Петром I, продолженное Александром II, С.Ю. Витте, П.А. Столыпиным.

Второй этап индустриальной эволюции России – промышленная революция (первая модернизация), длился с первой половины XIX в. до 60-х гг. XX в. Промышленная революция в России началась в 20–40-е гг. XIX в. в текстильном и механическом производствах, в водном транспорте, продолжилась в других отраслях обрабатывающей промышленности, проявилась в строительстве железных дорог, автотранспорте, электросвязи во второй половине XIX – начале XX в., а завершилась механизацией добывающих отраслей промышленности, строительства, сельского хозяйства в 30–60-е гг. XX в.

Особенностями промышленной революции в России стали: 1) решающая роль английской технологии в начале технического переворота и западноевропейской технологии – впоследствии; 2) значительная, часто решающая роль государства в финансировании и управлении индустриальным сектором экономики; 3) переход функции политического лидера общества к рабочему классу на завершающем этапе промышленной революции; 4) верхушечный характер промышленного переворота в XIX в. (обрабатывающая промышленность, транзитный транспорт), отсюда узость индустриальной сферы; 5) большая, чем в Европе, роль механизации транспорта и связи.

Третий этап становления индустриального общества в России – индустриализация (экстенсивное расширение индустриальной сферы) шел параллельно с промышленным переворотом в догоняющих отраслях экономики и первоначальным накоплением в аграрной сфере. Это обусловило многоукладность российской экономики, отмеченную В.И. Лениным в начале XX в.

Процесс индустриализации начался в России во время промышленного подъема 90-х гг. XIX, а завершился на рубеже 50–60-х гг. XX в., когда большая часть национального дохода стала получаться в промышленности, там же стала трудиться большая часть самодеятельного населения, а больше половины жителей страны стали горожанами. К этому времени были исчерпаны трудовые ресурсы деревни, возможности экстенсивного роста советской экономики и начался поиск путей ее реформирования. Сталинский «большой скачок» резко увеличил индустриальную сферу, сделал решающий шаг в механизации добывающих отраслей, начал механизацию сельского хозяйства, сделал первые шаги второй модернизации обрабатывающих отраслей на основе внедрения конвейерного про-

изводства и научной организации труда. Решения партийных съездов конца 50-х – начала 60-х гг. зафиксировали построение в СССР индустриального общества. Советской спецификой индустриализации была государственная, плановая ее форма, ликвидация рыночных отношений, политическая, экономическая, моральная диктатура рабочего класса в виде партийно-бюрократической административной и репрессивной системы.

Четвертый этап становления индустриализма в СССР – общество массового потребления пришелся на 60–80-е гг. XX в. В партийных документах это нашло отражение в термине «развитой социализм». Так же, как и в других странах, в России революция массового потребления произошла на основе второй модернизации, давшей массовую стандартную продукцию. В это время резко возросли доходы населения СССР, произошла смена жизненного стандарта, появились современный набор жизненных благ, бытовая техника. Конечно, жизненный стандарт в СССР был невысок по сравнению с развитыми капиталистическими странами, но далеко опережал развивающиеся страны. СССР уверенно входил в число наиболее развитых стран мира по индексу человеческого развития. Особенности жизни в СССР были дефицит товаров и услуг вследствие отставания производства предметов потребления от роста заработной платы, корпоративное распределение товаров, нарушение главного продекларированного принципа советского общества – оплаты по труду, медленность демократизации. В результате начавшейся революции потребления выделился небольшой слой среднего класса – 10–15 % населения. Сформировалась потребительская психология и сознание населения, но они не получили адекватного удовлетворения. Уравнительная политика в оплате труда, ограничения творческой и трудовой инициативы, чтобы не допустить расслоения общества, двойная мораль партхозноменклатуры лишали стимулов к труду основную часть населения, раскололи общество, лишили его устойчивости и скомпрометировали социалистическую идею. Плановое централизованное управление уже не могло эффективно руководить усложнившимся хозяйственным механизмом, требовавшим перехода на саморегулирование. Сложившаяся система не принимала новшества научно-технической революции. Механизм торможения сковал развитие производительных сил. Массовое недовольство и нетерпение населения, косность номенклатуры, ее ответственность за преступления авторитарного режима, экономический кризис, большие рас-

ходы на внешнеполитическую экспансию привели к потере власти КПСС, распаду СССР

Сибирь прошла те же ступени модернизации, что и вся Россия. В рассматриваемое время Сибирь была аграрной колонизируемой окраиной, на 90 % крестьянской страной, в которой темпы аграрной колонизации далеко опережали темпы промышленного освоения. Особенности сибирского варианта являлись: отставание по времени от аналогичных российских процессов, еще большая ее зависимость от экономической политики государства, зависимость темпов и масштабов модернизации края от капитала центра страны, решающая роль транспорта, сырьевая направленность развития индустрии, значительная роль двигателей электрических и внутреннего сгорания в механизации производства, нежели в европейском варианте. Российские особенности модернизации в Сибири усиливались и не были принципиально иными.

История индустриализации Сибири разделяется на следующие этапы: 1) XVII – первая четверть XVIII в. – начало частного раннекапиталистического предпринимательства в весьма скромных масштабах; 2) вторая четверть XVIII в. – первая четверть XIX в. – рост, а затем господство феодального предпринимательства казны, Кабинета, дворянства в мануфактурной промышленности, 3) вторая четверть XIX в. – 1861 г. – кризис феодальной промышленности, рост и победа частного капиталистического предпринимательства в транспорте, промышленности, господство капиталистической мануфактуры в золотодобыче, начало промышленного переворота в водном транспорте; 4) 1861 г. – первая половина 90-х гг. XIX в. – крах феодального предпринимательства, господство капиталистической мануфактуры во всей промышленности, начало промышленного переворота в ней, утверждение пароходства, начало железнодорожного строительства; 5) вторая половина 90-х гг. XIX в. – 1930-е гг. – промышленный переворот во всех отраслях экономики, начало индустриализации.

1.2. Крепостная и капиталистическая мануфактура Сибири в XVII – первой половине XIX в.

Индустриальное развитие Сибири, взяв старт вместе с Россией в целом как частнокапиталистическое в XVII в. (назовем заводы Тумашевых, Ушаковых, Луданина, Перевалова, И. Шумилова, С.М. Третьякова, И. Штинникова, А.Т. Жилина, С. Максимова,

И. Перфильева, К. Ерчанинова, Е. Курдюкова, А. Свечнина, Г. Толстого и др.), продолжилось затем как государственно-феодалное предпринимательство Кабинета, Казны, дворянства, монастырей². Купечество, в условиях дефицита трудовых ресурсов, также охотно пользовалось внеэкономическими способами рекрутирования рабочей силы. Указ 29 марта 1762 г., запретивший недворянам иметь крепостных работников, не оказал большого влияния на характер формирования кадров купеческих мануфактур в Сибири, так как здесь постоянный приток подневольной рабочей силы давала штрафная колонизация. Несложное производство сибирских «фабрик» и заводов вполне удовлетворялось такими работниками, как каторжные, ссыльнопоселенцы, крестьяне и мещане недоимщики. Наряду со скудостью трудовых ресурсов, транспортными трудностями и отсутствием кредита, положение мануфактурной промышленности в крае усугублялось ее слабыми связями с рынком. Крупная промышленность Сибири XVIII в. обслуживала, как правило, казенные нужды (монетный двор, географические экспедиции, **Нерчинскую** поторгу, кабинетские заводы, воинские команды и экспедиции, канцелярии) и потребности небольшого слоя чиновничества и купечества. На широкого потребителя, конкурируя с корчемством, выходили только две отрасли – винокурение и солепромышленность. Крестьянское и мещанское население обеспечивало себя всем необходимым посредством домашнего, ремесленного и мелкотоварного ручного производства. Все это обуславливало неустойчивость мануфактур, их полную зависимость от казны и произвола властей.

Наиболее известна и показательна в этом плане история Алтайских горных заводов Акинфия Демидова. Они были основаны Демидовыми в 1726 г. по привилегии, выданной Берг-коллегией, с правом использовать труд гулящих и других наемных людей. Однако в 1738 г. работники были закреплены за предприятиями навечно. В 1747 г. императрица Елизавета, воспользовавшись фискальными долгами Демидовых, повелела округ со всем имуществом и людьми взять в собственность короны³.

Подобным же образом было ликвидировано крупнейшее в Сибири XVIII в. частное горнозаводское дело М.В. Сибирякова, который в 1759 г. заключил с казной договор о поиске и добыче руд в Сибири и Даурии. Им были найдены 23 месторождения серебросвинцовых руд, в том числе богатейший Михайловский рудник,

давший за 1760–1790 гг. серебра на 2,5 млн руб.⁴ На рудниках и Воздвиженском заводе Сибиряковы использовали труд крепостных (48 душ) и до 300 работников с Нерчинских казенных заводов. В 1779 г. «Сенат велел рудники Сибирякова отобрать, а прочее имение взять в секвестр», на основании инструкции командира Нерчинских рудников В.И. Суворова о запрещении строить частные заводы близ казенных. В 1782 г. имущество Сибиряковых было возвращено по представлению Берг-коллегии, но заводчик не имел средств восстановить сгоревший и обрушившийся Михайловский рудник⁵. В 1790 г. предприятия Сибирякова прекратили деятельность, а в 1797 г. были взяты за долги в казну с выплатой владельцам 2,7 тыс. руб. ежегодной ренты. В 1803 г. рудники Сибиряковых перешли вместе с Нерчинскими заводами в ведение Кабинета, а с 1811 г. были объявлены выморочными и поступили в казну (на самом деле – в Кабинет)⁶.

Казна в течение XVIII в. монополизировала солепромышленность и винокурение. Усть-Кутский солеваренный завод был построен в 1639 г. промышленником Е.П. Хабаровым, Троицкий – на р. Усолке в Енисейском уезде в 1641 г. промышленниками А.Т. Жилиным и С. Федоровым, Иркутский в 1669 г. – служилыми людьми А.Ф. и Г.Ф. Михалевыми на островах Ангары, Спасский в Енисейском уезде – в 1670-е гг. Спасским монастырем, Селенгинский – в 1680-е гг. Селенгинским монастырем. К концу XVII в. все частные заводы оказались в руках монастырей. Усть-Кутский – у Киренского Троицкого, Троицкий – у Туруханского Троицкого, Иркутский – куплен у купца И.И. Ушакова в 1704 г. Иркутским Вознесенским монастырем. В XVIII в. все солеваренные заводы Восточной Сибири перешли в руки Казны, которая сдавала их в содержание с торгов. Точно известно, что Селенгинский завод сдавался с торгов с 1719 г., Усть-Кутский – с 1751 г., Спасский (закрыт в 1785 г.) и Троицкий поступили в казну в 1764 г., а Иркутский – в 1765 г. Охотский построен в 1733 г. за казенный счет. В XVII в. заводы работали трудом вольнонаемных работников, а при казенном управлении – трудом ссыльнокаторжных. Производительность заводов была невелика: Троицкого и Спасского – до 40 тыс. пуд., Усть-Кутского – 12–16 тыс. пуд., Селенгинского – 20–60 тыс. пуд., Охотского – 1–2 тыс. пуд.⁷ Казна скупала также все винокуренные заводы откупщиков Глебова и М.М. Походяшина⁸.

В XVII в. мануфактурная промышленность Сибири практически не использовала наемный труд, поэтому говорить о формировании здесь капиталистического уклада было бы неверно. В XVIII в. в Сибири на 32 заводах вместе с рудниками, их обслуживавшими, было занято около 7 тыс. работников⁹. Из них по вольному найму работали немногие на винокуренных, солеваренных заводах и текстильных фабриках. Крестьяне же и мещане, работавшие на промышленных заведениях, нередко были из недоимщиков, а не вольнонаемными. Например, в 1776 г. на Иркутский винокуренный завод из Томска были высланы 8 мещан для отработки подушных денег¹⁰. В 1812 г. на Краснореченский завод власти выслали для отработки казенного долга сидельцев винных лавок из Томска и их поручителей, всего 5 человек¹¹.

Сферой вольного найма были мелкие городские предприятия, строительство, речной транспорт, добыча соли на степных озерах, рыбные промыслы. По данным Комиссии о коммерции в городах Сибири, в 1760-е гг. насчитывалось 6555 человек, занятых ремесленным трудом, и 3512 наемных работников¹². Выяснить число работников, занятых в остальных отраслях производства, невозможно, таких данных просто не сохранилось. Однако косвенные и отрывочные сведения позволяют думать, что счет их должен вестись на сотни и тысячи. Только в Тобольской губернии, судя по материалам, найденным Д.И. Копыловым, в 1760-е гг. было занято до 4 тыс. работников на строительстве казенных судов¹³. С переходом на вольнонаемные подрядные работы число работников в судостроении уменьшилось, так как 5–7 наемных работников заменяли 15–20 обязанных. В Западной Сибири в середине XVIII в. строилось до 300 крупных судов в год, следовательно, на строительстве было занято до 1,5–2 тыс. работников¹⁴. В Восточной Сибири во второй половине XVIII в. строилось не менее 200 крупных судов в год¹⁵, значит, этим занимались по крайней мере 1 тыс. человек. Суда строились крестьянскими артелями. Однако есть свидетельства, что появились в XVIII в. предприниматели, сооружавшие суда по заказам. Так, томский купец А.М. Шумилов в 1788 г. построил для соляного контрагента Казанцева 10 судов за 10 тыс. руб., а всего за 1785–1790 гг. построил наемными людьми 59 судов на Долоновском плотбище и в д. Спириной¹⁶.

Приблизительный подсчет числа работников, занятых в судостроении Сибири, показывает, что это была, как и в Европейской

России, наиболее развитая сфера найма. Если принять среднюю численность команды крупного судна (барки, дощаника) в Западной Сибири в 25 человек¹⁷, то на всех 300 судах должны были работать не менее 7,5 тыс. человек, в том числе 2 тыс. обязанных крестьян по проводке казенных судов в Тобольской губернии¹⁸. В Восточной Сибири, при средней численности команды судна в 5 человек¹⁹, было занято всего до 1 тыс. работников. Итого по Сибири во второй половине XVIII в. насчитывалось не менее 8,5 тыс. судорабочих

Только на наемном труде основывались рыбопромысловые заведения. Капиталистические предприятия в отрасли отмечены источниками с начала XVIII в. Уже в 20–30-е гг. этого века томские предприниматели из купцов и дворян кортомили (т.е. арендовали) пески по Томи и Оби у местных татар и ставили невода с наемными работниками. В документах упоминаются «улавлищики с товарищи». В 1791 г. купец А.М. Шумилов арендовал на Оби два песка и неводил рыбу наемными работниками²⁰. В низовьях Оби к началу XIX в. сложилась система многолетних договоров об аренде песков у коренных жителей для промыслового лова с сотнями наемных людей. Известны также товарные промыслы графа И.И. Шувалова на Байкале²¹.

В целом на 9 тыс. подневольных работников в Сибири в летнюю пору в 60–70-е гг. XVIII в. приходилось около 13 тыс. наемных работников. В зимнее же время индустриальная сфера края обходилась преимущественно принудительным трудом.

В первые десятилетия XIX в. сфера феодального предпринимательства в Сибири продолжала расти. Кабинет полностью монополизировал горнорудное производство. Появились в крае и обычные для Европейской России помещичьи винокуренные заводы – Панаевых и Базилевских. В Тобольске, Томске, Иркутске, Верхнеудинске были основаны для утилизации труда ссыльных ремесленные (работные) дома. В Иркутской пересыльной тюрьме, на Омской войсковой фабрике арестантов приспособили к сукноделию. Тельминская фабрика на рубеже XVIII и XIX вв. из захудалого купеческого заведения была преобразована Казной в крупный промышленный комплекс, действовавший трудом ссыльнорабочих и приписных крестьян. Хотя грандиозный проект кригсшталмейстера Новицкого не был осуществлен, и вместо 6 тыс. работников было набрано 2,3 тыс., а затем оставлено менее тысячи, Тельминская

фабрика включала суконное, стекольное, мукомольное, кирпичное, поташное, писчебумажное, кожевенное, свечное и мыловаренное производства почти на 68 тыс. руб. продукции в год и была крупнейшим промышленным предприятием Сибири²².

Ссылные были также основными работниками на винокуренных и солеваренных заводах, использовались в строительстве зданий и дорог. Так, Иркутское губернское правление в 1801 г. сообщало Сенату, что «все казенные работы в его ведомстве как, например, устройство дорог, постройка каменного тюремного замка и казарм и проч., производятся ссылными, число коих, однако далеко недостаточно». На устройстве дорог в этот момент в Восточной Сибири было занято 400 чел. ссыльнопоселенцев²³, на казенных верфях в 1801 г. трудились 182 колодника²⁴. В 1820-е гг. власти попытались сформировать постоянные военнорабочие команды из ссыльных для устройства путей сообщения. В 1825 г. числилось по штату 1150 таких строителей (табл. 1). В начале 30-х гг. XIX в., с открытием золотых россыпей, появился новый источник доходов для Казны и царской фамилии, а также для дворянства – золото-промышленность, которая на землях Кабинета опиралась исключительно на труд мастеровых и каторжников. Существовало множество проектов разработки частных промыслов руками крепостных крестьян и каторжников.

Распространение сферы феодального предпринимательства на новые отрасли промышленности не означало, однако, его перспективности. Экономическая целесообразность применения принудительного труда исчезала с расширением рынка наемной рабочей силы и ее удешевлением вследствие роста ссылки и переселений. Принудительный труд, несмотря на кажущуюся дешевизну, был дорог, так как был малоэффективен (ниже вольнонаемного по производительности в 2–3 раза). Кроме того, он требовал больших расходов на стражу, строительство острогов и казарм. Сначала от услуг каторжников отказалось судостроение²⁵, затем были распущены военнорабочие команды, сократилось употребление каторжного труда в солеварении (см. табл. 1).

В конце 20-х – начале 30-х гг. буквально рухнуло основанное на каторжных порядках казенное винокурение. Были ликвидированы почти все казенные винокуренные заводы. Л. Потехин писал, что в 1829 г. «по неудобству мест и дороговизне хлеба, проданы были с публичного торга заводы: Бриловский, Никольский, Сидоровский,

Чернореченский, Ваштранский. Затем в 30-м году, по той же причине были упразднены заводы Петровский и Боровлянский, и выкурка вина сосредоточена на Успенском и Екатерининском заводах; в 1831 году – Николаевский, в 40-м, по скудости воды и лесу – Краснореченский, в 49-м – Ялтинский, в 51-м – Каменский, 53-м – Падунский и Боготольский, и, наконец в 1856-м году был закрыт Керевский завод, вследствие постоянных убытков, а также из экономии не строить новую винницу, сгоревшую в 1855-м году»²⁶. До реформы 1861 г. дожили три завода – Успенский, Екатерининский в Тобольской губернии и Александровский – в Иркутской, сосредоточившие все казенное производство вина.

Таблица 1

**Структура занятости в промышленности
и на транспорте Сибири в 1820-е гг.***

Отрасли производства и промышленные районы	Предприятий	Работников	
		Подневольных	Наемных
Алтайский горный окр.	60	16540	
Нерчинский горный окр.	24	5291	
Солеварение	7	761	
Ирбинский железодельный завод	1		240
Казенное винокурение	13	3600	
Суконные фабрики казны	7(5)	1356	
Военно-строительная	–	1150	
Частная обрабатывающая	271	755	1400
В т.ч. мануфактурная	30	755	566
Рыбная промышленность	–		3000–3500
Судостроение	–		2000
Водный транспорт	428 судов		10000–11000
Итого		28788	17140–18140

* По Алтайскому, Нерчинскому горным округам, солеваренным заводам сведения на 1819–1820 гг. по материалам отчета М.М. Сперанского (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 2. Л. 188, 197, 482, 493, 315, 317, 314, 354, 357). По Ирбинскому заводу – 1824 г (Рабочее движение в Сибири. Томск, 1988. Т. 1. С. 129) По винокурненным заводам: Красноярский, Каменский – 1820 г. (ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1131. Л. 2–4), Успенский – 1823 г. (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 100. Л. 6), Екатерининский и Илгинский – 1840 г. (ГАОО. Ф. 367. Оп. 1. Д. 766. Л. 19, 60), Александровский – 1833 г. (Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб., 1900. Т. 1. С. 183), по остальным заводам (в т.ч. 6-частным) дано расчетное число 11 работников на 10 тыс. ведер вина (Карцов В.Г. Декабрист Г.С. Батеньков.

Новосибирск, 1965. С 214; *Потехин Л* Винокурение в Сибири // Промышленность, мануфактура и торговля СПб. 1862. Т 4, № 10. С 484–485). По казенным заведениям. Тельминская фабрика – 1812 г., (*Мартос А* Письма о Восточной Сибири. М., 1827, С 185, 244, 263–264), Омская суконная фабрика – 1826 г. (РГИА Ф 1376. Оп. 1 Д 54 Л. 12), Верхнеудинский ремесленный дом – 1831 г. (ЦГА РБ. Ф 11 Оп. 3. Д. 557. Л 1–2). Нет сведений по Томскому ремесленному дому и Тобольской суконной фабрике Военнорабочая команда X округа путей сообщения – 1825 г. (ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 320. Л. 43). По частной обрабатывающей промышленности Тобольская губерния – 1824–1826 гг. (ГАТО ТФ Ф 329 Оп 545. Д 31 Л 107–231, Д 45 Л 13–244), Забайкальская область- 1826 г. (ЦГА РБ. Ф 108. Оп 1 Д 18 Л 5–25) Томская и Иркутская губернии – 1820 г – 195 предприятий x 4 рабочих в среднем (*Карцов В Г* Декабрист Г С Батеньков С 70–71). По рыбной промышленности: низовье Оби – 1100–1500 чел (РГИА Ф 1281 Оп 11 Д. 150 Л. 68, ГАТО ТФ Ф 1 Оп 2 Д 16 Л. 1–39), Нарым – 18 песков в 1834 г по 20 рабочих – 360 чел минимум (РГИА Ф 383 Оп 30 Д 33 Л 54), Байкал – 70 судов по 20 чел. – 1,4 тыс чел. минимум (*Пежемский П* Рыбная производительность озера Байкала // Вестник ИРГО СПб., 1853 Кн 8. С 13), Селенга – 300 чел (ЦГА РБ Ф 20 Оп 1. Д 3788 Л 13–14 – подсчет мой) Данные о числе судов взяты из ведомостей на 1820 г. по отчету М М Сперанского (ЦГИА Ф 1264 Оп. 1. Д. 4 Л. 346–358 Учтены суда по Иркутской, Томской, Енисейской, Тобольской, Подчувашской и Тюменской пристаням 1046 плотов (по 2,4 чел на плот), 661 лодка (по 2 чел), 84 барки в Западной Сибири (по 11 чел.), 144 судна в Западной Сибири (по 28 чел), 200 судов в Восточной Сибири (по 5 чел), 5 (по 60 чел), 5 (по 40 чел.) и 7 (по 30 чел) судов, возведенных на Енисее и на Лене Среднее число судорабочих на одном судне взято по ведомости о судоходстве в Томской губернии за этот год (ГАТО Ф. 2. Оп. 2. Д. 14. Л. 7–150) По судостроению учтены только строители 200 судов (барок и паузков) в Восточной Сибири (по 5 чел) и 80 судов (барок и паузков) в Западной Сибири (10–15 чел.) (*Копылов Д И* Судостроение в Западной Сибири... С 81–86).

При внешнем благополучии нарастали кризисные явления в кабинетском хозяйстве. Падение естественной производительности руд возмещалось ростом числа занятых рабочих Тысяча пудов серебра выплавлялась в 1770 г. силами 4 тыс. мастеровых и 25 тыс. крестьян, в 1819 г. – 17 тыс. мастеровых и 96,7 тыс. крестьян, а в 1860 г. – 20890 мастеровых и 134029 приписных крестьян²⁷. М.М. Сперанский констатировал в своем «Отчете об обозрении Сибири»: «Можно решительно утверждать, что ни в какой стране на свете не будут обрабатывать серебро, добывая 2 золотника из пуда. Сие могло бы быть только там, где нужно бы было истребить леса и чем-нибудь занять совершенно излишние и ни к чему другому не способные руки»²⁸. Еще более уничтожающей критике он

подверг хозяйство Нерчинского округа Кабинета, которое держалось за счет почти дарового труда приписных крестьян, мастеровых и каторжных, принудительного скупа хлеба за бесценок, а также за счет бесплатного пользования природными ресурсами обширного края. Кабинетское хозяйство оставалось выгодным делом для императора, пока обменный курс серебряных денег составлял 1 руб. к 4 ассигнационным. Финансовые операции с серебром превращали миллионные убытки в 4 млн руб. прибыли ежегодно²⁹. Кабинет также беззастенчиво забирался в государственный карман, модернизируя заводы, управляя и охраняя свои владения за счет государственных средств, государственными специалистами и полицией. При всем этом серебросвинцовое производство на Алтае переживало застой, а в Нерчинском округе – упадок. Наиболее прибыльной частью кабинетских владений с 30-х гг. XIX в. стали золотые прииски, давшие на Алтае в 1830–1860 гг. 961,5 пуд, а в Забайкалье – 1183 пуд. золота³⁰. Золотой допинг отсрочил падение горного хозяйства Кабинета на долгие годы, подобно тому, как в 70–80-е гг. XX в. большая сибирская нефть отсрочила падение советской хозяйственной системы.

Нельзя было отнести к разряду процветающих и те частные мануфактуры в Сибири первой половины XIX в., которые пользовались принудительным трудом. Рос лишь Тальцинский промышленный комплекс близ Иркутска: стекольное производство на нем возникло в 1784 г., суконное – в 1827 г., фаянсовое – в 1829 г., фарфоровое и лесопильное – в 1850 г. Заводы эти занимали в 1784 г. 20 работников, в 1814 г. – 40, в 1832 г. – 80, в 1862 г. – 134 обязанных работников³¹.

Посессионные мануфактуры Тобольской губернии переживали трудности. Несла убытки стекольная фабрика Корнильевых, на вольнонаемный труд все больше переходили бумажные фабрики Дьяконова и Панаевых. Из 184 работников на них в 1831 г. лишь 39 остались приписными³².

Частная обрабатывающая промышленность, основанная на вольном труде, наоборот, выросла. Если в 1820-х гг. насчитывалось около 260 относительно крупных заведений с числом рабочих до 1400, то в 1851 г. – 255 с 1750 работниками и 1200 тыс. руб. суммы производства (см. табл. 1, 2), а в 1860 г. – 747 предприятий с 3864 работниками и 3,2 млн руб. суммы производства³³. Точность

цифр относительна, однако тенденция увеличения числа занятых работников и рост суммы производства видны отчетливо. Можно согласиться с мнением авторов «Истории рабочих Сибири», что во второй четверти XIX в. обрабатывающая промышленность Сибири вступила в мануфактурный период своего развития, в ряде отраслей промышленности капиталистические мануфактуры заняли господствующее положение³⁴. Действительно, в бумажном, кожевенном, мыловаренном, стекольном производствах мануфактурам стали принадлежать ведущие позиции. Но все же рискованно утверждать, что капиталистическая мануфактура в Сибири в конце 1850-х гг. стала основной формой производства в обрабатывающей промышленности региона³⁵. Ведь некоторые отрасли остались в руках феодальных предпринимателей – винокурение, сукноделие, солеварение, а их производство составляло до 2 млн руб. в год без акциза. Да и мелкое товарное и домашнее производства, размеры которых невозможно установить с точностью, судя по отдельным примерам, превосходили порой во много раз мануфактурное по объему выпуска продукции. Крестьяне только Тюменского округа выделявали в три раза больше сукна и в десятки раз больше холста, чем мануфактуры Сибири³⁶. В мукомольной промышленности крупные мельницы считались единицами, а мелкие крестьянские – тысячами. Ремесленное производство по числу работников еще значительно превышало ценовую промышленность. Так, в Тюмени в 1860 г. насчитывалось 330 наемных рабочих в промышленных заведениях и 1690 – в ремесленных, в Томске соответственно – 359 и 921 на 1850 г., в Тобольске – 140 и 503 на 1850 г.³⁷ «Фабричная промышленность в детстве и способы ее до того первобытны, что она с одинаковою выгодною производится и в крестьянской избе, и в городском помещении», – заключил анализ промышленности Сибири Ю. Гагемейстер³⁸. Таким образом, нельзя отрицать, что в обрабатывающей промышленности Сибири ко второй четверти XIX в. сформировался и рос капиталистический уклад, но в дореформенное время он так и не стал господствующим.

Зато в другой отрасли хозяйства – золотодобыче капиталистическое предпринимательство сразу заняло ведущую позицию. В 1812 г. было разрешено русским подданным разрабатывать серебряные и золотые руды на Урале, а затем и в Западной Сибири развернулись поиски золотоносных месторождений. Первым обнару-

жил золото в Тюменском округе на реке Ивановой в июне 1824 г. екатеринбургский мещанин Еким Швецов, которому в разработке было отказано за неимением у него гильдейского свидетельства. В 1826 г. получили право поиска золота в Тобольской губернии купцы Е. Рязанов, Баландин, Черепанов, Верходанов. Получил такое же право 9 февраля 1827 г. верхотурский купец Андрей Яковлевич Попов, с именем которого и связано открытие промышленного золота в Сибири. В 1828 г. вели поиск золота уже 9 предпринимателей, и было сделано 180 заявок. Но первые по-настоящему удачные заявки на 11 приисков по притокам р. Кии – Кундату, Берикулю, Закроме, Сухому Берикулю были сделаны 11 августа 1828 г. компаньоном и племянником А.Я. Попова Федотом Ивановичем Поповым³⁹. Их затраты на разведку составили гигантскую по тем временам сумму – 330 тыс. руб.⁴⁰ Открытие золота в Сибири было, таким образом, не игрой случая, как порой пишут историки, а результатом упорного труда сотен людей, больших затрат капитала и энергии.

Поисковые партии, снаряженные частными лицами, Казной, Кабинетом, в 30-е гг. нашли золото на Алтае, в Енисейской губернии, в Забайкалье. В 40-е гг. начались поиски его в бассейне Лены, а в 50-е гг. – на Амуре. За два десятилетия среднегодовая добыча золота выросла с 45 пуд. в 1831–1835 гг. до 1296 пуд. в 1846–1860 гг. В 1856–1860 гг. она несколько снизилась – до 1048 пуд. в год, но составила 4/5 общероссийской добычи. В 40-е гг. XIX в. Сибирь была крупнейшим в мире поставщиком золота, она давала 39 % мировой добычи этого металла. В 30-е гг. основным районом золотодобычи была Мариинская тайга, а в 40–50-е гг. – Енисейская тайга⁴¹.

Золотопромышленность дореформенной Сибири была сферой предпринимательства дворян и гильдейского купечества. На их долю падали 91,3 % добытого в Сибири в 1829–1860 гг. золота (21462 пуд. на 284 млн руб.). По объему производства частная золотопромышленность превышала все остальные отрасли производства промышленных товаров вместе взятые, составив в 1860 г. 13,6 млн руб.⁴²

В техническом отношении новая для Сибири отрасль горного дела покоилась на мускульном труде тысяч людей и животных. Добыча шла с применением самых примитивных орудий – лопат, кайл, балд. Порода перевозилась тачками или в двухколесных теле-

гах – таратайках. Совершенствовалась преимущественно одна операция – промывка золотоносного песка. От вашгердов и бутар с производительностью в несколько десятков и сотен пудов приискатели перешли к чашечным и бочечным машинам с производительностью в несколько тысяч пудов промытой породы в сутки. Машина стала цементирующим звеном, сердцем централизованных мануфактур, какими были сибирские прииски XIX в.

Создание промывальных машин, работавших на конной или водяной тяге, было несомненным достижением русской технической мысли, ускорило развитие золотопромышленности, но не могло революционизировать все стороны золотого дела, поскольку другие основные операции – добыча и транспортировка песка – остались на мускульном уровне и тормозили производительность труда. Частичная замена ручного труда простыми механизмами и животными давала меньший эффект, чем рационализация в использовании живого труда рабочих. Введение золотопромывальных машин в 30–40-е гг. дало прирост производительности труда в целом по приискам на 6–8 %, поскольку возросшая производительность при промывке пород тут же снижалась увеличением объема ручного труда при добыче и перевозке песка. Замена ручной откатки песков конной и в вагонетках дало 25–33 % прибавки производительности, а интенсификация труда забойщиков и возчиков увеличила ее в три раза с 1830-х по 1890-е гг.⁴³ Гидромониторы, драги, механические буры, взрывчатые вещества, паровая и электрическая техника увеличивали производительность работы в десятки раз. Внедрение этого оборудования и двигателей и составило суть технического переворота в отрасли в конце XIX – начале XX в.

Примитивность техники золотодобычи требовала массы рабочих рук, поэтому армия рабочих в отрасли увеличивалась исключительно быстро. Золотые прииски стали важнейшим центром притяжения наемных рабочих Сибири. Если в 1830 г. в Томской губернии на частных приисках находились 800 работников, то в 1834 г. – около 6 тыс., а в 1837 г. вместе с Енисейской губернией – 10 тыс. В 1845 г. на частных приисках Сибири было 30 тыс. рабочих, в 1850 г. – 27,7 тыс., в 1860 г. – 28,3 тыс.⁴⁴

Кроме золотых приисков, крупной сферой капиталистического предпринимательства в первой половине XIX в. оставалась рыбодобыча, особенно на Байкале, в низовьях Оби, Нарыме, Барабинских озерах.

Капиталистический характер все более приобретал транспорт. Речные перевозки стремительно росли. В 1820 г. насчитывалось 428 судов разного типа, в 1850 г. – 1009, а в 1861 г. – 2891, число работников возросло соответственно с 10–11 тыс. до 22,5 тыс. и до 32,7 тыс.⁴⁵ При всей условности данных губернской статистики, отмеченные темпы роста исключительно высоки. Казенные перевозки хлеба, вина, соли, свинца осуществлялись по подрядам контрагентами из крестьян, мещан, купечества. Здесь сколачивались крупные капиталы.⁴⁶ Часть судовладельцев специализировалась на транзитных перевозках чаев и мануфактуры между Томском и Тюменью. В 1801 г. в Томске числилось 10 торговых фирм, занимавшихся такими перевозками на 15 судах, в том числе Ф. Серебренников, Ф. Закревский, Конкуренция между ними заставила Томскую городскую думу регулировать порядок контрактации судов и цену фрахта⁴⁷. В 1810–1850-х гг. перевозками занимались крупные предприниматели – М.Б. и А.М. Серебренниковы, Е. Серебренников, Д.И. Тецков, М.М. Карпов, П.Ф. Закревский и др.⁴⁸ Обозначилась устойчивость сферы предпринимательства и преемственность в ведении дел.

Объектом частного предпринимательства в 1820–1830-е гг. стали гужевые перевозки, доставка почты. С этого времени начали формироваться капиталы «доставщиков» Шешуковых, Пушниковых, Кухтериных, Ботошковых⁴⁹.

Можно с уверенностью сказать в итоге, что с 30-х гг. XIX в. капиталистический уклад стал определять тенденцию индустриального развития Сибири. Капиталистическое предпринимательство с этого времени в золотопромышленности, а еще ранее – в речном транспорте, рыбопромышленности, извозе стало главным. Феодалное предпринимательство еще сохраняло прочные позиции в горнометаллургическом производстве, солеварении, винокурении, сукноделии вплоть до реформы 1861 г. Эти же отрасли были в руках дворян и Казны и в Европейской России. В ряде отраслей обрабатывающей промышленности капиталистические мануфактуры конкурировали не с феодальными предприятиями, а с мелкими товаропроизводителями. При слабой насыщенности рынка, его постоянном расширении за счет переселений в Сибири эта конкуренция была слабой, все формы товарного производства имели перспективы для развития.

Таблица 2

**Структура занятости в промышленности
и на транспорте Сибири в 1850 г.***

Отрасли производства, и промышленные районы	Кол-во пред- приятий	Число работников	
		Подневольных	Наемных
Алтайский горный окр	59	20510	–
Нерчинский горный окр.	45	10331	–
Солеварение	4	1718	–
Винокурение казенное	6	3371	–
Казенные суконные фабрики	5(4)	96	223
Частная обрабатывающая промышленность	255	100	1747
Золотопробышленность частная	226	–	27435
Рыбопробышленность	–	–	3000–3500
Судостроение	–	–	2000
Водный транспорт	1009	–	22500
Итого		36995	57405

* Источники подсчета. по Алтайскому горному округу – отчет за 1851 г. (РГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 383. Л. 8–20), по Нерчинскому горному округу – отчет за 1851 г. (Там же Д. 394. Л. 14–22), Солеваренные заводы – 1853 г. (*Гагемейстер Ю* Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Т. 2 С. 465), по винокурным заводам – Екатеринбургскому, Успенскому, Керевскому за 1851 г. Александровскому, Илгинскому, Каменскому за 1849 г. (*Гагемейстер Ю* Указ. соч. Т. 2. С. 474, 488), по казенным суконным фабрикам: Тельминской, Омской, Иркутской, Иркутскому ремесленному дому (Там же. С. 178, 179 498–499; РГИА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 1247. Л. 52; *Рутц М.Г.* Промышленность городов Западной Сибири в первой половине XIX в. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул, 1990. С. 73), по частной обрабатывающей промышленности – ведомости о фабриках и заводах в 1850 г. (РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 211. Л. 2) плюс 3 винокурных частных завода Западной Сибири примерно с 200 рабочими и 3 мельницы в Алтайском

крае (ГАТО Ф. 3. Оп. 18. Д. 191. Л. 7–107), по золотой промышленности за 1850 г (*Гагемейстер Ю* Указ. соч Ч 1 С 358), по рыбопромышленности и судостроению сведения взяты из табл 1, по речному транспорту учтены сведения для Иркутского генерал-губернаторства за 1851 г (РГИА Ф 1281 Оп 5 Д. 130 Л. 170–171), для Западной Сибири учтены сведения о судах (495 дощаниках и барках) и 3088 плотях (*Копылов Д.И.* Судостроение Западной Сибири... С. 88). Среднее число работников на одном судне взято 25, на одном плоту – 2.

1.3. Капиталистическая мануфактура и начало первой модернизации в Сибири

Реформа 1861 г. имела существенное значение для индустриализации Сибири, уничтожив обязательный труд на предприятиях Кабинета, на посессионных и помещичьих фабриках, в казенных заведениях. Промышленное развитие Сибири, как и всей страны, ускорилось. Положение края определило особенности процесса экономического развития: его отставания от центра страны и неравномерность по географическим районам и отраслям экономики.

Темпы и масштабы капиталистических преобразований в Сибири все более зависели от прочности связи ее с промышленными районами страны, т.е. от состояния транспорта. Последний играл в освоении Сибири, вследствие ее громадной протяженности, исключительно важную роль. От быстроты доставки и пропускной способности транспорта зависели темпы аграрной и промышленной колонизации, технического перевооружения промышленности, скорость и формы товарообмена, условия и объем капиталовложений.

До начала строительства железных дорог в Сибири основным транспортом был гужевой. Основные центры Сибири связывали 37 трактов. Московский тракт шел через крупнейшие города Сибири: Тюмень, Омск, Томск, Красноярск, Иркутск, Читу. Зимой и летом по нему тянулись тысячи возов. При этом грузооборот быстро нарастал, Если в 1840 г. Томская таможня зарегистрировала около 21 тыс. возов (18,7 тыс. т), то в 1866 г. – 35,6 тыс. возов (28,5 тыс. т), а в конце 80-х гг. – 70 тыс. возов (56 тыс. т)⁵⁰. Привоз кладей в крупные города достигал сотен тысяч возов, например в 1888 г. в Иркутск пришли 178,9 тыс. возов⁵¹. Основные перевозки были организованы капиталистически, их захватили крупные транспортные фирмы Хаминова, Каменских, Кочешевых (60-е гг.),

позднее – Кухтериных, Королевых, Корнилова, Пушникова, Малых, Т-во «Надежда». Извоз привлекал до 100 тыс. чел. в год. Крестьяне притрактовых сел говорили, что «кормятся бичиком»⁵².

Гужевой транспорт уже не мог удовлетворять нужды экономики края в оптовых и транзитных перевозках. Их механизация в Сибири началась с водного транспорта, который летом, даже при мускульном труде сотен бурлаков (лямочных рабочих), значительно удешевлял доставку товаров по сравнению с колесными трактами. В 1839 г., при поддержке министра финансов графа Е.Г. Канкрин, десятилетнюю привилегию на устройство пароходного сообщения в Сибири получил ростовский (затем красноярский) первой гильдии купец Никита Федорович Мясников. Он заложил четыре парохода: два – в деревне Решетниковой близ Тюмени, два других – в селе Грудинском на Байкале. Западносибирскую часть привилегии он продал отставному чиновнику, крупнейшему сибирско-уральскому предпринимателю Альфонсу Фомичу Поклевскому-Козелл, который и открыл здесь пароходное сообщение. В 1844 г. совершил первый рейс между Тюменью и Томском пароход «Основа», появились два парохода «Император Николай I» и «Наследник цесаревич» на Байкале⁵³. Первый опыт стоил невероятных по тем временам денег – не менее 320 тыс. руб., по 2 тыс. на лошадиную силу мощности пароходов, и был убыточным. Однако это не остановило сибирских предпринимателей. В 1860 г. по рекам Западной Сибири плавали уже 10 пароходов, в 1880 г. – 37, в 1894 г. – 105 пароходов и 200 барж⁵⁴. В 1856 г. появился пароход на Лене, в 1863 г. – на Селенге и Енисее. В 1895 г. на реках Восточной Сибири плавали 38 пароходов и 50 барж. В 1896 г. на всех реках Сибири насчитывалось 172 парохода мощностью в 10575 сил и 827 грузовых судов общей грузоподъемностью в 50 тыс. т. Объем перевозок быстро возрос с 16 тыс. т в 60-е гг. до 40 тыс. т в 70-е гг. и до 320 тыс. т в 1892 г. только по Западной Сибири⁵⁵. Водный транспорт стал первой отраслью экономики края, где произошел технический переворот⁵⁶.

Таким образом, если в центре России, как и в классическом английском варианте, промышленный переворот последовательно охватывал легкую промышленность, затем – тяжелую индустрию, транспорт, связь, сельское хозяйство, то на окраинах Российской империи промышленный переворот начинался с транспорта, в сибирском варианте – с водного транспорта, а затем – с железной до-

роги, которые и создавали условия для промышленной революции в других отраслях.

В промышленности Сибири в 60–90-е гг. XIX в. этот процесс только начинался. В 1865 г. из 1547 предприятий с 49,6 тыс. рабочих, учтенных в Сибири официальной статистикой, лишь 8 (0,5 %) были фабричными, и они занимали 0,8 тыс. рабочих (1,6 % от их общего числа). В 1895 г. на 12071 предприятие с 65,6 тыс. рабочих приходилось 99 (0,8 %) фабричных с 9,5 тыс. рабочих (14,4 %)⁵⁷.

Если в России в целом промышленная революция победила к 90-м гг. XIX в., то в Сибири она делала лишь первые шаги. Фабричные предприятия с применением машин и паровых двигателей давали основную продукцию лишь в главных отраслях обрабатывающей промышленности – винокурении, мукомольной, черной металлургии. Больше всего фабрик было в Тобольской и Томской губерниях.

В горнодобывающих отраслях заметным явлением внедрение машин стало с 80-х гг., когда появились первые гидромониторы, золотоизвлекательные фабрики на паровой тяге, нашли широкое применение паровые машины на вспомогательных операциях, стали испытываться первые драги. Однако энерговооруженность труда в сибирской промышленности осталась низкой. В 1895 г. в горной промышленности края насчитывалось 154 механических двигателя в 2579 л.с., из которых только 75 в 1,6 тыс. л.с. были паровыми и турбинными⁵⁸. В обрабатывающей промышленности на всех предприятиях было 97 паровых машин⁵⁹.

Основную часть товарной продукции промышленности Сибири давали мануфактуры централизованного типа. В 1865 г. 400 мануфактур (26 % всех предприятий) имели 43,2 тыс. рабочих (87,2 % общего числа), а в 1895 г. – 800 мануфактур (6,7 % предприятий) занимали 37,2 тыс. рабочих или 56,7 % их общего числа. Однако численно в Сибири преобладали мелкие заведения домануфактурного типа. В 1865 г. их было учтено 1140 (73,7 % общего числа). Они занимали 6,6 тыс. (11,2 %) рабочих. В 1896 г. 11,2 тыс. заведений такого типа (92,5 %) занимали 18,9 тыс. (28,8 %) рабочих⁶⁰. Кроме того, в начале 90-х гг. в Сибири насчитывалось около 60 тыс. ремесленников⁶¹. Если же учесть, что официальная статистика не полностью регистрировала мелкие заведения ремесленников, крестьян, то положение мануфактур и фабрик в Сибири можно уподобить островам в море мелких и мельчайших заведений.

Отраслевая структура сибирской промышленности была характерна для отсталых в промышленном отношении областей. Обрабатывающие производства долгое время уступали добывающим по объему производства и числу занятых рабочих. Преобладали заведения по обработке сельскохозяйственной продукции. Сложные производства: спичечное, стекольное, ткацкое, фарфоровое, бумажное, металлообрабатывающее – были единичными из-за недостатка оборудования, нехватки сырья, квалифицированных кадров, узости рынка сбыта. Неустойчивые вследствие указанных причин, а также из-за дефицита оборотных средств предприятия строились комплексными для более рационального использования сырья и маневрирования капиталов.

Из добывающих отраслей по-прежнему наибольшее значение имела добыча и выплавка драгоценных металлов. Сибирь давала почти все серебро и более половины золота империи. Золотопродовольственность развивалась хотя и медленно, но в целом поступательно. В 1861 г., добыча золота составила 18,7 т, в 1870 г., – 25,9 т, в 1880 г. – 27 т, в 1890 г. – 21,9 т⁶². Падение кабинетской золотопродовольственности с лихвой компенсировалось частным предпринимательством, открытием новых месторождений золота. Вместе с выработкой наиболее богатых месторождений основной район золотодобычи перемещался на восток. В первое пореформенное десятилетие он находился в Енисейской губернии, с семидесятых годов – в Якутской области, куда до 1898 г. входили Ленские промыслы. Золотодобывающая отрасль на протяжении 60–90-х гг. XIX в. сохранила свой сезонный характер, техническую отсталость, опору на мускульный труд, что привело ее к концу XIX в. к серьезному кризису.

Основа дореформенной промышленности – цветная металлургия в Алтайском и Нерчинском горных округах Кабинета с отменой обязательного труда оказались неспособными перестроиться на капиталистические рельсы и находились во второй половине XIX в. в состоянии упадка. С 1861 по 1895 г. производство серебра сократилось с 15,5 до 6,4 т, свинца – с 0,8 тыс. т до 0,2 тыс. т, меди – с 0,48 тыс. т до 0,25 тыс. т. Владелец основных разведанных полиметаллических месторождений в Сибири – Кабинет предпочитал не вкладывать в разработку рудников средства, а получать феодальную ренту со своих земель. В конце 80-х – начале 90-х гг. закрылись многие рудники на Алтае и в Забайкалье, почти все заводы.

Технически отсталое производство стало совершенно убыточным в связи с понижением цен на серебро в мире и переходом России на золотой паритет.

В черной металлургии Сибири также шел процесс укрепления частного предпринимательства. Кабинетские заводы – Гурьевский на Алтае и Петровский в Забайкалье сокращали производство, в то время как частные – Абаканский и Николаевский его наращивали. В итоге выплавка чугуна увеличилась с 2,8 тыс. т в 1061 г. до 9,4 тыс. т в 1895 г.

Из других отраслей горного дела в Сибири серьезное значение имели соледобыча, увеличившая производство в пореформенное время почти в пять раз, добыча строительных материалов и графита.

Размещение промышленности в Сибири было неравномерным, зависело от расположения источников сырья и месторождений полезных ископаемых. В связи с этим основные районы горной промышленности находились в Восточной Сибири, а большая часть предприятий обрабатывающей промышленности – в сельскохозяйственной Западной Сибири.

Неразвитость транспортной сети, дороговизна доставки и кредита делали весьма трудной посредническую и связующую роль торговли. Формы ее были архаичны, наряду с товарно-денежной сохранялась меновая. Ведущую роль в распределении товаров играли временные формы обмена – ярмарки, торжки, базары. Через Ирбитскую (до 50 млн руб. оборота) и Нижегородскую ярмарки шла большая часть товаров из Сибири в Европу, и, наоборот, на них купцы-оптовики закупали промышленные товары для Сибири, сбывали взамен пушнину, рыбу, ковки, чай, разное сырье. Затем товары развозились по Сибири и распродавались на мелких ярмарках, базарах и давках. Число ярмарок в Сибири во второй половине XIX в. значительно возросло. В 60-е гг. в крае было 184 ярмарки, в 1892 г. – 668 с оборотом в 93 млн руб. В основном они находились в самой населенной Тобольской губернии, где в 1862 г. действовало 165 ярмарок с 5,4 млн руб. с оборота, а в 1890 г. – 567 с 10,3 млн руб. с оборота⁶¹. С удалением на восток и север все большее значение приобретала торговля купцов-оптовиков, которые монополизировали товарообмен в целых районах края. Как правило, кроме торговли такие монополисты имели промышленные заведения, транспортные средства, занимались ростовщичеством, были крупными

домовладельцами. Однако основой их торгово-промышленной деятельности всегда была торговля⁶⁴.

Новый этап в индустриальном развитии Сибири начался с сооружения в 80–90 гг. XIX в. железных дорог. На средства казны в 1883–1885 гг. была построена Екатеринбург-Тюменская железная дорога, соединившая Обь-Иртышский бассейн с Волго-Камским, что сразу сказалось на темпах перевооружения промышленности в городах Западной Сибири, особенно в Тобольской губернии, на увеличении объема перевозок через Урал⁶⁵. Строительство же Транссибирской магистрали стало крупнейшим событием промышленной революции в Сибири и одним из наиболее грандиозных событий в процессе индустриализации мировой экономики. Можно согласиться с пафосом авторов «Истории Сибири», которые писали: «Сибирская железная дорога – монументальное техническое и инженерное сооружение конца XIX – начала XX в. В ней воедино слились и воплотились передовая русская техническая мысль и труд десятков тысяч рабочих и крестьян России»⁶⁶. Стоит лишь добавить, что и подрядчики не только воровали, но и организовали это грандиозное строительство. За 14 лет (1891–1904 гг.) было построено 8180 верст основного пути. Железная дорога явилась промышленно-транспортным гигантом. Только на участке Челябинск – Иннокентьевская действовали 16 мастерских, 26 депо, 400 станций и разъездов, т.е. 444 предприятия. Подвижной состав включал 1200 паровозов и 26 тыс. вагонов⁶⁷. В 1904 г. Сибирская и Забайкальская железные дороги нанимали постоянно и временно 88450 человек⁶⁸.

Транссибирская магистраль, связав основные центры Сибири с европейским и мировым рынком, стала той нитью, ухватившись за которую сибирская экономика стала быстро подтягиваться к общероссийскому уровню. Сравнительно дешевая и надежная доставка оборудования облегчила вооружение промышленности паровыми и электрическими двигателями, новейшими механизмами. Крупные предприятия строились уже как фабричные, старые мануфактуры меняли технику и кадры. Современники отмечали: «Промышленная жизнь развивается и перескакивает от домашнего производства к высшим (технически) формам капиталистического, рабочий контингент растет»⁶⁹. К 1908 г. фабрики преобладали в капиталистическом (фабрично-заводском) производстве: 252 фабрики (55,5 % общего числа предприятий) давали на 57,7 млн руб. продукции (90 %), зани-

мали 14376 рабочих (78,2 %). Есть основания полагать, что фабричные заведения к этому времени давали больше половины суммы производства всех предприятий обрабатывающей промышленности Сибири, поскольку губернская статистика на 1907 г. оценила объем производства более чем 20 тыс. промышленных предприятий Сибири в 50 млн руб., т.е. в сумму меньшую, чем производительность одних фабрик⁷⁰.

Противоречивым было влияние железной дороги на горнозаводское производство. Metallургические заводы, выполняя заказы железной дороги, первоначально увеличили производительность до максимальной в своей истории, но затем – зачали, не имея возможности конкурировать с более дешевым уральским металлом. Лучший из сибирских металлургических заводов – Николаевский стал жертвой краха промышленной империи Мамонтова, в состав которой он был включен⁷¹.

Горнодобывающая промышленность продолжала сокращать производство. Добыча золота снизилась до 21,9 т в 1895 г. и до 14,9 т в 1905 г. Точно так же падала выплавка серебра, свинца, меди. Кабинет свертывал свое металлургическое дело дальше, отдавая в аренду последние действующие предприятия. Росла лишь каменноугольная промышленность, получившая постоянный и быстро растущий рынок сбыта в виде железной дороги, пароходства, действующих паром предприятий. Каменный уголь стал входить в обычай и у городских жителей для отопления⁷².

Если основной причиной краха цветной металлургии Сибири на рубеже XIX–XX вв. стало полное банкротство феодального предпринимательства, то главной бедой золотого промысла явилась запоздалая его перестройка после выработки наиболее богатых россыпей. На разработку глубоколежащих пластов, золотоносных жил, механизацию добычи золота из бедных россыпей требовались значительные капиталовложения. Большинство золотопромышленников их не имели и вынуждены были либо продавать прииски, либо сдавать промыслы в аренду артелям золотников. Выход золотодобычи из кризиса происходил разными путями.

Механизированная добыча россыпного золота драгами и гидромониторами, разработка рудных жил стала основной в Томской горной области – Мариинской, Енисейской тайге, Ачинско-Минусинском горном округе. В 1900 г. в области действовали 3 драги, а в 1905 г. – 19 драг⁷³.

В Иркутской горной области подъем золотодобычи был связан с затратой миллионов рублей на разработку россыпей шахтным способом. Кредит от Государственного банка помог в этот период выстоять и будущему гиганту – Ленскому золотопромышленному товариществу. Здесь также шло интенсивное внедрение техники на части операций – откачке воды, вентиляции, транспортировке пород, обогащении песков. Была построена железная дорога, гидроэлектростанции. Вместе с тем одна из ключевых операций – отбойка песков продолжала оставаться ручной, и это тормозило рост всего производства⁷⁴.

Районами преобладания золотничных работ стали Забайкалье, Ленский, Ангарский, Зейский горные округа. Сравнительно богатые и легкодоступные россыпи наряду с практически неиссякаемым источником рабочей силы в лице корейских и китайских сезонников сделали кустарные золотничные работы здесь наиболее желательными для предпринимателей. Такого рода рационализация обходилась дешевле внедрения механизмов. Механизация горной промышленности Сибири завершилась только в 1930-е гг., а в начале XX в. она находилась в переходном состоянии: механизация внедрялась там, где не было более дешевой альтернативы.

Энерговооруженность золотопромышленного рабочего с 1895 г. по 1905 (1906) г. выросла почти в 7 раз, но притом осталась на низком уровне – 0,2 л.с.⁷⁵ Полумеханизированные предприятия давали в 1906 г. 60 % всего сибирского золота, занимая 7 тыс. из 19,6 тыс. постоянных приисковых рабочих⁷⁶. Доля продукции сибирского горного производства составила 13 % стоимости общероссийского⁷⁷.

Железная дорога не конкурировала с водным транспортом, которым осуществлялись в основном меридиональные перевозки. Водные и железнодорожные пути росли параллельно. Количество самоходных и буксируемых судов с 1896 по 1908 г. в Сибири увеличилось с 514 до 777. Кроме того, действовало ежегодно до 1000 сплавных судов⁷⁸.

Пароходство способствовало развитию товарной рыбодобычи в низовьях рек – Оби, Енисея, Лены, на Байкале. Крупнейшим центром товарной рыбопромышленности стали Барабинские озера, чему способствовали населенность места и близость железной дороги. Добыча рыбы на капиталистически организованных промыслах в начале XX в. составила около 2 млн пуд. при 10,4 тыс. работ-

ников, по сравнению с 0,6 млн пуд. при 3 тыс. рабочих в первой половине XIX в.⁷⁹

Возросшая потребность в строительных материалах и топливе вызвала усиленные лесозаготовки в районе железных дорог, городов, промышленных предприятий, паромных пристаней. Наиболее широко лесозаготовки велись Казной, Кабинетом, частными подрядчиками для железной дороги, крестьянами в Туринском, Тарском округах Тобольской губернии, Каинском, Томском, Мариинском округах Томской губернии, Красноярском, Ачинском округах Енисейской губернии, Нижнеудинском округе Иркутской губернии. Лесные работы занимали тысячи сезонных рабочих⁸⁰.

С проведением железной дороги начался строительный бум. Сооружение зданий, промышленных и транспортных объектов осуществлялось в основном подрядным способом наемными артелями. Небольшие стройки, ремонтные работы брали на себя строители-ремесленники или самостоятельные артели без подрядчика. Появились и постоянные строительные фирмы, которые не имели еще специализации и занимались любыми строительными заказами⁸¹.

С конца XIX в. в Сибири все больше стала проявляться характерная для периода промышленной революции тенденция концентрации экономической активности в городах. Крупными для своего времени промышленными и транспортными узлами стали к 1907–1908 гг. Томск (2,9 тыс. рабочих), Омск (3,8 тыс.), Красноярск (3,3 тыс.), Тюмень (3,2 тыс.), Иркутск (1,2 тыс.), Чита (2 тыс.)⁸². Они являлись и торговыми центрами, центрами связи и профессиональной подготовки. Надежная и постоянная связь с российским рынком привела к изменениям в структуре торговли. Пала роль сезонных торгов-ярмарок и купцов-оптовиков. Стационарная – магазинная и лавочная торговля к 1902 г. более чем в 10 раз превысила обороты ярмарок⁸³.

Все названные изменения в экономике резко увеличили армию наемного труда, потребовали повышения ее квалификации и грамотности. Таким образом, в Сибири на рубеже XIX–XX вв. обнаруживаются все признаки промышленной революции, которая в основном завершилась в 30-е гг. XX в. после механизации горнодобывающей отрасли экономики. Однако решающий шаг в механизации промышленности и транспорта региона был сделан в последние годы XIX – первые годы XX в., что позволяет считать этот исторический момент концом мануфактурной эпохи в Сибири.

Структура промышленности Сибири в 60–90 гг. XIX в.*

Годы	Отрасли промышленности	Учено официально- ной статистикой		В том числе				В том числе				В том числе			
				Мелких товарных				Мануфактурных				Фабричного типа			
				Предприятий		Рабочих		Предприятий		Рабочих		Предприятий		Рабочих	
		Пред- приятий	Рабо- чих	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1865	Обраба- тывающие	1173	12782	1028	87,6	4381	34,3	137	11,7	7605	59,5	8	0,7	796	6,2
	Горные	374	36840	112	29,9	1199	3,3	262	70,1	35641	96,7	–	–	–	–
	Всего	1547	49622	1140	73,7	5580	11,2	399	25,9	43246	87,2	8	0,5	796	1,6
1875	Обраба- тывающие	1473	14166	1244	84,5	2622	18,5	197	13,4	6462	45,6	32	2,2	5082	35,9
	Горные	603	32928	140	23,2	1199	3,6	463	76,8	31729	96,4	–	–	–	–
	Всего	2076	47094	1384	66,7	3821	8,1	660	31,8	38191	81,1	32	1,5	5082	10,8
1885	Обраба- тывающие	6067	22331	5758	94,9	8407	37,6	255	4,2	8134	36,4	54	0,9	5790	25,9
	Горные	662	34129	230	34,7	2491	7,2	430	65,0	31408	92,0	2	0,3	230	0,8
	Всего	6729	56460	5988	88,9	10898	19,3	685	10,3	39542	70,0	56	0,8	6020	10,7
1895	Обраба- тывающие	11151	28825	10826	97,1	15410	53,5	231	2,1	5179	18,0	94	0,8	8236	28,6
	Горные	920	36742	343	37,3	3494	9,5	572	62,2	32026	87,2	5	0,5	1222	3,3
	Всего	12071	65567	11169	92,5	18904	28,8	803	6,7	37205	56,7	99	0,8	9458	14,4

* Критерий выделения промышленности условен – до 16 рабочих на одно предприятие. Источники подсчета: Горно-заводская производительность России в 1885 г. СПб., 1887. Ч. 1. С. 68–127; СПб., 1888. Ч. 2. С. 26–149, Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1895 заводском году. СПб., 1897; Сборник статистических сведений по горной части на 1867 г. СПб., 1867. С. 48, 52, 176–177, таблицы к С. 185, ЦХАФ АК. Ф. 3. Оп. 3. Д. 340. Л. 74; Д. 346. Л. 35–73; Д. 355, Л. 73–109; Ф. 28. Оп. 1. Д. 111. Л. 632–633; ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 207. Л. 16–300; Д. 479. Л. 119, 124; Д. 563. Л. 10–12; Л. 564. Л. 32–53, Д. 262. Л. 31–37; Д. 291. Л. 38–39; РГИА. Ф. 37. Оп. 40. Д. 222. Л. 6–35; Оп. 42. Д. 90. Л. 32–411; Андрущенко Б.К. Обрабатывающая промышленность... С. 32–56.

Таблица 4

**Энерговооруженность горной промышленности Сибири
в 1861–1916 гг. (лошадиных сил)***

Годы	Кол-во пред-приятий	Рабочих	Механических двигателей		Из них электрических		Паровых		Водяных		Энерговооруженность	
			Абс	Мощность	Абс	Мощность	Абс	Мощность	Абс	Мощность	Предприятия	Рабочего
1861–1863	374	45736	336	2576	–	–	6	85	330	2491	6,9	0,06
1871–1875	603	40047	337	2679	–	–	30	543	307	2136	4,4	0,07
1895	920	40208	154	2579	11	496	79	985	64	1098	2,8	0,06
1900	951	32318	303	4204	22	218	86	1367	195	2519	4,4	0,13
1905–1906	625	31443	369	6896	34	900	274	5207	61	789	11	0,22
1914	904	54440	575	20630,9	158	9040	414	11595,9	3	45	23,2	0,38
1916	913	63276	861	26807,5	426	13840	425	12689,5	8	278	29,4	0,40

* Источники подсчета: 1861–1863 гг. – по золотопромышленности взяты сведения о работавшихся приисках на 1861 г., в которых учтен 241 водяной двигатель (в 5 л.с. в среднем) и 2 паровика по 7 л.с. (РГИА. Ф. 37. Оп. 40 Д. 227. Л. 6–99); по остальным отраслям – 1863 г. (ГАИО. Ф. 712. Оп. 1 Д. 735; Сборник статистических сведений по горной части на 1865 год. СПб., 1865 С. 51–52, 54–57, 60–61, 1871–1875 гг. – золотопромышленность РГИА. Ф. 37. Оп. 42. Д. 65 Л. 12–168, прочие отрасли – *Боголюбский И* Опыт горной статистики Российской империи. СПб., 1878. С. VIII; ЦХАФ АК. Ф. 3 Оп. 3 Д. 346. Л. 55–73; ГАИО. Ф. 712 Оп. 1 Д. 502. Л. 120, 127; ГАЧО. Ф. 70, Оп. 1. Д. 499. Л. 349; Ф. 93. Оп. 1. Д. 30. Л. 20; На 1895 г. – Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1895 заводском году СПб., 1897 Ведомости; на 1900 г. – Сборник в 1900 заводском году. СПб., 1903. Ведомости; на 1905–1906 гг. – Сборник.. в 1906 заводском году. СПб., 1909. Ведомости; Горные и золотопромышленные известия. 1908 №. 7–8. С. 180. Учтены 25 водяных колес по 5 л.с. в среднем на приисках Томской горной области. Мощность турбин учтена в графе электродвигатели Учтены 100 двигателей в Восточной Сибири в 1979 л.с., 29 в Западной Сибири по 10 л.с. в среднем и 33 драги в 670 л.с., данные на 1914 г. – Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Справочник: Пг., 1914. 2-е изд. С. 283, 306–307, 332, 398, 408, ГАИО. Ф. 135. Оп. 1 Д. 446 Л. 9–10, 103, 113, 120, 144–145, 161; ГАТО. Ф. 428. Оп. 4. Д. 2765. Л. 114, 138, Ф. 433 Оп. 1. Д. 532. Л. 27, 49, 126, 174, 175, 359, 360. Алтайский горный округ выделен, поскольку данные о мощностях двигателей в нем не распределены по отраслям. Энерговооруженность 12 драг в Енисейском горном округе определена в среднем по 40 л.с. на драгу. Нет сведений о двигателях на Николаевском и Авенировском рудниках этого округа. Нет также данных о мощности электростанций Судженских ко-

пей. В углепромышленности и горнорудной отрасли указаны число шахт и разработок; на 1916 г. – 1); *Шлаин Б.И.* Западно-Сибирский углепромышленный район в 1914–1919 гг. М., 1920. С. 72–73; РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 1316. Л. 70. Оп. 75. Д. 631. Л. 21; Д. 714. Л. 59–69; ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 455. Л. 22–23; Д. 1414. Л. 35; Д. 1851. Л. 8, 18; Д. 1860. Л. 5; Ф. 286. Оп. 1. Д. 67. Л. 13; ГАТО. Ф. 428. Оп. 4. Д. 3035. Л. 99–100; Ф. 443. Оп. 1. Д. 532. Л. 539, 360; Д. 574. Л. 26–27, 32, 93–98. Данные по Черемховскому району, рудникам Красноярско-Ачинского округа приведены на 1914 г. В угледобыче и горнорудной отраслях указано число шахт и разработок.

Степени индустриального освоения Сибири соответствовали масштабы и качество применяемой рабочей силы. На первом этапе – это немногочисленные кадры гулящих людей. На втором и третьем – феодальнозависимые работники и жертвы штрафной колонизации с нарастающей долей наемных работников, на четвертом и пятом – наемные рабочие с той или иной долей каторжнорабочих.

Эпоха капиталистической мануфактуры, таким образом, составила главное содержание третьего и четвертого из выделенных этапов развития сибирской индустрии и оборвалась в начале промышленной революции в первые годы нашего века, когда сказались результаты ликвидации относительной замкнутости сибирской экономики.

Таблица 5

Динамика добычи основных полезных ископаемых и выплавки металлов в Сибири (1861–1917 гг.)^{*}

Годы	Золото, тыс. т	Серебро, тыс. т	Свинец, тыс. т	Медь, тыс. т	Чугун, тыс. т	Соль, тыс. т	Каменный уголь, тыс. т
1861	18,7	15,5	0,8	0,48	2,8	10,6	3,7
1865	19,5	16,9	1,4	0,53	1,9	7,6	4,3
1870	25,9	13,4	1,2	0,56	4,5	16,1	5,6
1875	21,9	9,1	0,93	0,44	7,9	12,1	4,1
1880	27,0	8,9	1,0	0,48	4,1	11,1	7,8
1885	18,1	9,4	0,5	0,39	6,8	31,7	12,7
1890	19,9	10,4	0,86	0,31	7,0	40,2	16,8
1895	21,9	6,4	0,15	0,25	9,4	28,4	19,9
1900	18,3	1,3	0,14	0,18	5,0	46,9	141,6
1905	14,9	1,0	0,13	0,10	4,25	13,6	1250,4
1913	22,0	0,95	–	0,629	–	24,7	1809,4
1917	19,3	–	0,47	0,515	6,78	31,6	3193,2

^{*} Источники подсчета: золото (1861, 1865, 1870 гг.) – *Боголюбский И.* Золото, его запасы и добыча в русской золотоносной формации. СПб., 1877. С. VI–XVI; РГИА. Ф. 37. Оп. 42. Д. 90. Л. 32–411; Горнозаводская производитель-

ность России в 1875 году СПб., 1897 С. 25–27 За 1880 г. – Горнозаводская производительность России в 1880 г СПб., 1882 С. 42. За 1885 г. – Горнозаводская производительность России в 1885 г. СПб., 1897. С. 50–125; за 1890 г. – Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1890 году. СПб., 1892. С. 54–121. За 1895 г. – Сборник... на 1895 год. СПб., 1897 С. IV. Серебро, свинец, медь, каменный уголь (1861–1880 гг.) – *Кеппен А* Горная и соляная промышленность // Историко-статистический обзор промышленности России. Т. I. С IV–XV. 1885–1895 гг. – Сборники статистических сведений о горнозаводской промышленности России за соответствующие годы. Чугун – *Гливиц И*. Железная промышленность России. СПб., 1911 Таблицы. Л. 7–8. Соль – 1861 г. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 1715. Л. 14; Д. 735. Л. 19, 25, 37, 90; *Михельсон О*. Очерк истории разработки соляных озер Алтайского округа // Записки ЗСОИРГО. Омск, 1902. Кн. 29. С. 8–10. 1865 г. – ГАИО Ф. 712 Оп. 1 Д. 735. Л. 11, 27, 44, 92; *Михельсон О* Указ соч. С. 8–10. 1870 г. – ГАИО. Ф. 712 Оп. 1 Д. 735. Л. 8, 12, 27–28, 46–48; *Михельсон О*. Указ. соч. С. 8–10. 1875 г. – ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 875. Л. 11, 20; *Михельсон О*. Указ соч. С. 8–10. 1880 г. – Горнозаводская производительность России в 1880 году СПб., 1882, 1880, 1885, 1890 гг. – *Мухин А.А.* Промышленность Сибири во второй половине XIX века // Тр. Иркут. ун-та 1968. Т. 55, вып. 1. Сер. историч. С. 90. 1895 г. – Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1895 г. СПб., 1897. С. XXXVIII–XXXIX. 1900 г. – Сборник статистических сведений. . в 1900 г СПб, 1903. С. LXII–LXXV. 1905 г. – Сборник статистических сведений... в 1905 г СПб, 1908. С. CII–CVI; *Джаксон МН*, *Флеров А.Н.* Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности СССР за 1911–1924/5 гг. Л., 1923. С. 4–155. Подсчет и перевод с пудов в тонны мои.

1.4. Сибирь в период фабричной промышленности

Место Сибири в экономике России в начале XX в. не изменилось по сравнению с предыдущими столетиями. Она осталась поставщиком сырья. Если в XVII в. главной целью государства и капитала в Сибири была пушнина, в XVIII – первой половине XIX в. – драгоценные металлы, то во второй половине XIX – начале XX в. – продукция сельского хозяйства. Хлеб, масло, мясо стали давать больше золота, чем золотые копи и соболя. Усилилась аграрная колонизация. Земельная рента стала важнее ясака и горной подати. Преобладающее значение имело сельское хозяйство, которое в 1913 г. дало две трети стоимости продукции края, а промышленность – только четверть.

Сельское хозяйство Сибири специализировалось на зерновом земледелии и мясомолочном скотоводстве, четыре пятых сибирских крестьян занимались преимущественно земледелием. Струк-

тура посевов росла в сторону увеличения товарных хлебов – пшеницы и овса, росла доля дойных коров в составе поголовья крупного рогатого скота в связи с бурным ростом маслоделия. За начало XX в. площадь посевов зерновых культур выросла с 4 до 7 млн десятин, половину посевов занимала пшеница, валовые сборы зерна увеличились с 200 до 350 млн пуд. До 30 % собранного зерна поступало на рынок, обеспечивая сырьем промышленность края. Часть зерна шла на российский рынок, на Урал, в Восточную Сибирь, за границу через порты Балтийского и Белого морей. Тарифная политика правительства сдерживала сибирский экспорт, так как повышенные тарифы на перевозку хлеба, начиная со станции Челябинск (1896–1911 гг.), снижали конкурентоспособность сибирского хлеба на рынке европейской России и в портах Черного моря. Этот рубеж стал называться челябинским тарифным переломом. Однако не только тарифная политика влияла на масштабы сибирской хлебной торговли. Главным фактором, определявшим цену сибирского хлеба, была погода, влиявшая на урожайность зерновых. Динамика ввоза/вывоза хлеба показывает на резкие колебания в движении хлебных грузов в Сибирь и из Сибири в зависимости от урожайности хлебов⁸⁴. Важно другое – с проведением железной дороги Сибирь стала частью общероссийского рынка.

Экспорт масла, не сдерживаемый запретительными тарифами, вырос с конца XIX в. к началу Первой мировой войны с нуля до 68 млн руб. (4,5 млн пуд.). Сибирь давала 9/10 российского экспортного масла⁸⁵. Сельское хозяйство Сибири было товарным, но назвать его капиталистическим нельзя. Лишь единицы хозяйств стали предпринимательскими, фермерскими. Сибирь стала крупнейшим импортером сельскохозяйственных машин, так как отечественная промышленность предлагала только самые простые машины – плуги и бороны.

В начале XX в. произошли структурные изменения в промышленности Сибири. Горнодобывающие отрасли, ранее доминировавшие, стали уступать ведущие позиции обрабатывающим отраслям промышленности. В 1900 г. горные производства выпустили еще 65 % стоимости всей продукции ценовой промышленности Сибири и Дальнего Востока. Причем в Западной Сибири уже преобладала обрабатывающая промышленность. В 1915 г. обрабатывающие отрасли дали 60 % суммы производства в Сибири и на Дальнем Востоке. В 1910–1913 гг. стоимость продукции пищевку-

совых отраслей составила 81 % суммы производства обрабатывающей промышленности или 55 % суммы производства всей промышленности Сибири (в пределах нынешнего Сибирского округа). Аграрные, а не ископаемые ресурсы стали основным сырьем для промышленности края⁸⁶.

Край был прочно связан с центром страны транссибирской магистралью. В межреволюционное десятилетие железнодорожная сеть увеличилась за счет дорог, протянувшихся на юг Сибири, в хлебные и горные районы. В 1906 г. длина стальных путей равнялась 4837, в 1913 г. – 5556, а в 1917 г. – 7150 верстам. Были построены Алтайская, Кулундинская, Тюмень-Омская, Кольчугинская железные дороги, строилась Ачинско-Минусинская. В 1913 г. было перевезено 300 млн пуд. грузов, в 1916 г. – 480 пуд., в 1917 г., когда уже обозначился кризис, – 390 пуд. Водный транспорт значительно уступал железнодорожному по грузообороту (109 млн пуд. в 1909 г.). Но он играл важную роль во внутреннем обращении, связывая северные и южные районы края между собой и железной дорогой. Водный транспорт рос стремительно. В 1908 г. на водных путях курсировали около 800 судов, из них 235 пароходов, в 1914 г. – около 1200 судов, в том числе 316 пароходов и теплоходов. На пересечении водных и железных путей выросли крупнейшие города Сибири – Омск, Курган, Тюмень, Новониколаевск, Томск, Красноярск, Иркутск, Чита.

Местные перевозки оставались уделом гужевого транспорта, для чего служили около 110 тыс. верст грунтовых дорог.

Важной частью сибирского хозяйства являлось строительство. Строились железные, грунтовые, шоссейные дороги, крупные промышленные предприятия, устраивались переселенческие участки, второе вырос жилой фонд городов. Все это требовало большого количества леса – главного строительного материала Сибири. Лесозаготовки из крестьянского промысла становились предметом предпринимательства казны и частных лиц. Главными заготовителями леса стали Переселенческое управление и Кабинет его императорского величества.

Из добывающих промыслов усилилась роль рыболовства, которое приобрело товарный характер. Капиталистическим стало рыболовство в районе Байкала, Чановских озер, низовьев Оби, Енисея. Уменьшилось значение пушного промысла вследствие истребления наиболее ценного зверя – соболя, бобра, калана, горностая, выдры,

куницы, лис и песка. Главным конкурентом охотников на мировом рынке стали зверофермы.

Быстрыми темпами росла торговая сеть Сибири: в 1912 г. в Сибири насчитывалось 62 тыс. торговых заведений с оборотом около 500 млн руб. в год. Именно в торговой сфере формировались крупнейшие капиталы Сибири. Упала роль транзитной торговли, но выросла роль внутренней.

Уровень развития региона в целом можно представить, определив его долю в различных отраслях экономики и в рынке рабочей силы. В 1917 г. Сибирь при 7 % всего населения империи дала шестую часть валового сбора хлебов, около 2 % стоимости промышленного производства, в том числе 13 % стоимости продукции горного дела. На долю Сибири приходилось 8,3 % длины железных дорог, 6,5 % количества пароходов, 5,5 % числа торговых заведений, 4 % наемных рабочих России⁸⁷. О структуре экономики края можно судить по характеру занятости наемных работников (см. табл. 6). На Сибирь с десятиmillionным населением приходилось всего 230 тыс. индустриальных работников (горная промышленность, фабрично-заводская и транспорт), или 2,3 % населения. В городах Сибири жило 11,9 % населения.

Таблица 6

Численность наемных рабочих Сибири в 1908, 1917 гг. (тыс. чел.)^{*}

Отрасли экономики	1908 г.	1917 г.
Промышленность	117	170
В т.ч. горнодобывающая	47	77
обрабатывающая	70	93
фабрично-заводская	19	30
Транспорт и связь	106	121
В т.ч. ж.-д.	82	93
водный	21	21
связь	2	7
Строительство	56	40
Лесные промыслы	7	20
Рыбные промыслы	10	10
Торговля	20	20
Коммунальное хозяйство и предприятия питания	18	20
Сельское хозяйство	140	140
Итого	474	521

^{*}Данные округлены. Источники подсчета: Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Томск, 1991. С. 73–77, Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 298, 369; Коновалов П.С. Динамика численности строитель-

ных рабочих в Сибири в 1897–1917 годах // Рабочие Сибири в конце XIX – начале XX вв. Томск, 1980. С. 129, *Галажинский Э.В., Зиновьев В.П.* Формирование капиталистических отношений в рыбпромышленности Сибири XIX – начала XX вв. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул, 1990. С. 130; Статистика прямых налогов и пошлин на 1912 год Пг., 1915. С. 30–32, Труды ЦСУ. М., 1922. Т. 8, вып. 2 С. 158–159, *Бузанова В.А.* Сельскохозяйственные рабочие Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. численность и состав // Исторический опыт хозяйственного освоения Сибири. Томск, 1994. С. 131–133

В таблице учтены данные последних исследований численности отраслевых отрядов рабочих Сибири. Они дают цифры меньшие, чем считалось ранее, но принципиального значения это не имеет

Следовательно, Сибирь имела сравнительно развитое сельское хозяйство, слабую промышленность, средние по уровню развития транспорт и сферу обращения.

Несмотря на низкий технический уровень, Сибирь имела высокую степень концентрации капитала и производства, что делало экономику управляемой с точки зрения интересов государства и крупного бизнеса. В условиях Сибири для этого нужно было контролировать транспорт и рынки сбыта. Транссибирская магистраль была государственной, пароходство находилось в руках крупных частных компаний. Перевозки по рекам Западной Сибири монополизировало «Западно-Сибирское товарищество пароходства и торговли» (Товарпар), по Енисею – «Акционерное общество пароходства по реке Енисею», на Байкале – «Товарищество Байкальского пароходства и торговли», на Лене – «Восточно-сибирское общество пароходства, торговли и промышленности», на Амуре – синдикат пароходоладельцев. Они и диктовали тарифы и фрахты⁸⁸.

В сельском хозяйстве Сибири выросли две монополии. Союз сибирских маслодельческих артелей объединил 1410 кооперативных маслозаводов, 1167 лавок, 26 контор, в том числе в Лондоне, Москве и Владивостоке. Союз на равных конкурировала с иностранными закупочно-сбытовыми фирмами. Половину товарооборота Сибири контролировал союз потребительских кооперативов Сибири – Закупсбыт⁸⁹.

В горной промышленности степень монополизации не уступала уровню Европейской России. В золотопромышленности всего три компании: Ленское золотопромышленное товарищество (Лензото), Российское золотопромышленное общество (Золоторосс), Федо-

ровское общество и Кабинет имели в 1916 г. 27 % приисков, 46 % рабочих, 80 % добычи. В угледобыче 7 компаний давали 2/3 сибирской добычи. Синдикат Черемховских углепромышленников, Л.А. Михельсон, Акционерное общество Кузнецких каменноугольных копей, казенные Анжерские копи Сибирской железной дороги делили сбыт угля в Сибири и успешно конкурировали с «Продуглем». Предприятия цветной металлургии входили в общероссийский синдикат «Медь». Руды Алтая поделили «Русско-Азиатская» и «Русская горнопромышленная» корпорации с участием английских и американских капиталов. Сибирские предприятия были тесно связаны с общероссийскими монополистическими объединениями под патронажем Международного, Русско-Азиатского, Сибирского торгового и Золотопромышленного банков⁹⁰.

Шло акционирование и проникновение банков в доходные отрасли обрабатывающей промышленности. Среди сибирских предпринимателей были распространены картельные договора (стачки), они входили в отраслевые союзы предпринимателей – съезды винокуренных заводчиков, спичечный синдикат. Бурно акционирование и образование союзов шло в годы Первой мировой войны. Из крупнейших синдикатов можно назвать «Товарищество Алтайский мукомол», «Акционерное общество семипалатинских мукомольных мельниц», «Западно-сибирское торгово-промышленное мясоконсервное общество» «Сибирская мясная компания» и др.⁹¹

С появлением железной дороги и надежной связи изменился характер сбыта продукции европейских фирм в Сибири, ушли в прошлое ярмарки и купцы-оптовики, осуществлявшие посредничество между сибирским потребителем и производителями фабричной продукции России. Российские фирмы, банки стали открывать свои отделения в Сибири. Из сибирских мануфактуристов-оптовиков уцелели немногие, превратившись в общероссийских дельцов – Второвы, Стахеевы. Появились специализированные товарные биржи. В 1915 г. в Сибири действовали 15 биржевых комитетов, Совет съезда представителей биржевой торговли и сельского хозяйства. В годы войны сибирские предприниматели вошли во Всероссийский союз города, создали 32 военно-промышленных комитета. Эти организации защищали не только экономические, но и политические интересы сибирской буржуазии⁹².

В начале XX в. Сибирь стала объектом интереса иностранного капитала, который проникал в наиболее прибыльные отрасли – горное, лесное дело, в сбыт сельхозпродукции, транспорт. В горной промышленности общества создавались в основном со спекулятивной целью, до реальных инвестиций дело доходило редко. Из 17 горных акционерных обществ, открывших действия в Сибири, к 1917 г. действовало одно в Рудном Алтае – «Русская горнопромышленная корпорация»⁹³. Более серьезным (свыше четверти объема) было участие иностранного капитала в сбыте сибирского масла. Сбыт сельхозмашин в Сибири монополизировала американская Международная компания жатвенных машин. Масштабное предприятие с капиталом 8 млн руб. развернуло в Сибири лишь «Сибирское акционерное общество пароходства, промышленности и торговли» И. Лида, внедрившись в пароходство, лесное дело на Енисее, в торговлю и горное дело⁹⁴. Надо сказать, что масштабы деятельности иностранного капитала в Сибири были невелики, а успехи скромнее, чем об этом нередко пишут.

1.5. Экономическая политика государства в Сибири

Экономическая политика Российской империи в Сибири защищала финансовые интересы Кабинета Его Императорского Величества, Казны, дворян и российских фабрикантов.

Прежде всего, власть заботилась о доходах императора. Именно по этой причине она благоволила сибирским инородцам в их столкновениях с русскими крестьянами, ведь инородец нес ясак в Кабинет, а крестьянская подать шла в государственную Казну. В судебных тяжбах за рыболовные и охотничьи угодья, земли, как правило, выигрывали инородцы. Законодательно запрещался въезд в инородческие стойбища торговцам до уплаты ясака. Однако в XIX в., по мере уменьшения доли ясака в общих доходах Кабинета, охранительная политика стала анахронизмом и сменилась политикой окрестьянивания инородцев, особенно на землях Кабинета, где часть податей платились императору как собственнику земли. По этой же причине чиновники старались выдворить с сибирских земель кочевников, но как только те высказывали желание сесть на землю, преследование их прекращалось.

В интересах Кабинета всегда решались споры о принадлежности угодий. Особыми правилами регулировалось пользование лесами. Императорскими указами от 1779, 1785, 1922, 1928 гг. запрещалось строительство огнедействующих заводов в Алтайском горном округе для сбережения лесов. Это запрещение вошло в Горный (1857 г.) и Лесной (1876 г.) уставы⁹⁵, обрекая на прозябание частную промышленность богатейшей части Сибири. Исключения делались для солидных людей из откупщиков и чиновников.

Земельная, миграционная политика правительства была нацелена на сохранение рабочей силы для российских помещиков. Не раз были предприняты неудачные попытки насаждения в Сибири помещичьих хозяйств. Однако и после реформы 1861 г. Сибирь практически не знала других форм собственности на землю, кроме государственной и коронной. Лицам непривилегированных сословий сибирская земля в собственность не продавалась. Переселение крестьян в Сибирь было затруднено вплоть до начала XX в. По мнению историка И.В. Островского, хозяйственное освоение Сибири никогда не было самостоятельной целью политики самодержавия. Она заслонялась интересами помещиков и стратегическими расчетами. Меры правительства были нацелены на ограничение свободного землепользования и усиление податного обложения. Законопроект о введении крестьянской частной собственности в Сибири так и не был принят.

Политика государства была направлена на распространение основных начал земельной, налоговой, административной политики в отношении российского крестьянства на Сибирь. Этому служило землеустройство, замена подушного налога поземельным, отмена круговой поруки, введение института крестьянских начальников. Надо сказать, что землеустройство в Сибири до сих пор не завершено. До сих пор точно не известно, сколько в Сибири сельхозугодий и какого качества. Реформаторы П.А. Столыпин и А.В. Кривошеев не скрывали, что в отношении развития Сибири не стоит идти дальше увеличения доходности сельского хозяйства и простейшей переработки сырья⁹⁶.

С целью увеличения доходности Казны, ограничения прав крестьян на пользование землей и лесами проводились в Сибири лесоустройство, учет рыболовных угодий. Все угодья, которые не чис-

лились за крестьянскими или инородческими обществами, со второй половины XIX в. стали считаться казенно-оброчными статьями и сдаваться в аренду. В Западной Сибири в 1863 г. за пользование лесами была введена попенная и посаженная плата, в 1884 г. открыто управление государственных имуществ, в 1894 г. были открыты управления госимуществ в губерниях Восточной Сибири, в 1898 г. – Приамурское управление. В начале XIX в. лесной доход Казны в Сибири составил около 3 тыс. руб., в 1873 г. – 34 тыс. руб., в 1913 г. – 2,6 млн руб.⁹⁷ Из них меньше половины тратилось на охрану, изучение лесов и лесоводство.

Правила лесопользования в Сибири соблюдались слабо, а законы об охоте на диких зверей на Сибирь не распространялись. В 1764 г. императрица Екатерина II наказала тобольскому губернатору Чичерину «позволить в Западной Сибири ловить и стрелять зверей во всякое время года»⁹⁸. Этот указ вошел в свод законов империи. На него ссылались власти в течение XIX в. при попытках местных властей регулировать охоту в Сибири, опасаясь нарушить права ясачных инородцев. Правительственные запретительные акты появлялись лишь тогда, когда становилось очевидным исчезновение вида какого-либо ценного зверя. В 1851 г. была запрещена охота на речных бобров, в 1898 г. – на маралов в Алтайском округе⁹⁹. Серьезный резонанс имел принятый по ходатайству Ирбитского ярмарочного комитета закон о запрете охоты на соболей и торговли шкурками на три года с 1 февраля 1913 г. по 1916 г. с последующим ее ограничением¹⁰⁰. Он касался жизненных интересов населения многих районов Восточной Сибири и целой отрасли пушной промышленности и торговли.

Большие последствия для развития сибирской экономики имели государственные правила добычи полезных ископаемых. До начала XIX в. существовала монополия государства на добычу драгоценных металлов. 28 мая 1812 г. вышел указ «О предоставлении прав всем российским подданным отыскивать и разрабатывать золотые и серебряные руды с платежом в казну податей». Первоначально права на разработку руд драгоценных металлов были именными. Привилегии давались государевым указом дворянам и именитым купцам. По «Положению о частной золотопромышленности на казенных землях Сибири» 1838 г. права на занятия золотым промыс-

лом получили дворяне, купцы первой и второй гильдий. В 1862–1863 гг. была разрешена добыча золота на землях Кабинета. Устав о золотопромышленности 1870 г. разрешал добычу золота лицам всех сословий. С 1891 г. Государственному банку разрешено кредитование крупных золотопромышленных компаний. В 1901 г. было введено свободное обращение шлихового золота, отменившее обязательную сдачу добытого золота в казну. Таким образом, золото стало обычным товаром, были сняты все сословные ограничения на его добычу.

Государство облагало сибирских золотопромышленников значительно большим налогом, нежели уральских дворян-заводчиков. Горная подать составляла для Урала 10 % стоимости валовой добычи, для приисков Сибири она была установлена в 1928 г. в размере 15 %, а с 1840 г. – в 20–24 %, в Забайкалье – 30 %. В 1849 г. прииски в зависимости от размера добычи платили подать от 5 до 35 %, с 1854 г. – от 5 до 20 %, с 1858 г. – с 5 до 15 %. Доход Казны составлял 2–3 млн. руб. ежегодно, Кабинета – до 600 тыс. руб. Золото подлежало до 1901 г. обязательной сдаче в казну. Расчет производился Монетным двором в Санкт-Петербурге. С 1861 г. – также в Барнауле и Екатеринбурге. Дорогая доставка золота, длительность операций осложняли дело. С 1866 г. за золото получали ассигновки, которые могли пускаться в оборот еще до расчета за золото.

В 1881 г. горная подать была снижена до 10 %, но к ней добавилась плата по 10 руб. за каждую десятину золотоносной площади. Практиковалась также продажа приисков и сдача их в аренду. В 1902 г. на казенных землях горная подать была заменена промысловым налогом, который был в два раза ниже прежней подати, но платился перед началом промыслового года. В целом государство через налоги отбирало до трети чистой прибыли у предпринимателей Сибири, у промышленников Урала – в два раза меньше. Налоговая политика тормозила развитие частной золотопромышленности. Близорукая дискриминационная политика Министерства финансов в отношении сибирских золотопромышленников вела к расхищению золота, сотни пудов которого уходили беспошлинно в Китай, а в период Первой мировой войны там активно действовали германские конторы по скупке контрабандного золота.

Тормозилось развитие промыслов и дороговизной техники. Российского горного оборудования было мало и оно было ниже качеством нежели американское, английское, германское, новозеландское. Иностранные же машины облагались высокими пошлинами – от 30 до 50 % стоимости. Пошлины были отменены на 10 лет в 1898 г., что позволило увеличить число драг в России с 8 до 46¹⁰¹. Далее число драг не менялось до 1917 г.

Тормозилось развитие горных промыслов также отсутствием дешевого кредита, инженерных и технических кадров, инфраструктуры, геологических исследований, о чем государство, получая миллионные доходы, не заботилось. Горные специалисты считали, что «вся история законодательства о золотопромышленности есть целый ряд стеснительных мер и ограничений в исключительных интересах казны и отдельных привилегированных сословий»¹⁰².

Нужды сибирского населения всегда ставились на последнее место, если они не соответствовали интересам государства или российским предпринимателям. Показательна в этом отношении судьба беспошлинной торговли в устьях сибирских рек. После ряда безуспешных попыток англичане добрались по северному морскому пути до Енисея, совершили в 1896–1897 гг. успешную торговую операцию в Енисейске и Красноярске, обменяв мануфактуру на хлеб, соль, шерсть, кожи, масло. Беспошлинная торговля после этого была отменена по требованию московских фабрикантов. «И все дело погибло, все операции были ликвидированы, а Сибирь по-прежнему осталась данницей московских толостосумов. И это называется государственной политикой!» – возмущался по этому поводу томский публицист А.В. Адрианов в 1912 г. Одной из главных целей деятельности сибирских депутатов в Государственной Думе России было добиться порто-франко для устьев рек, снижение тарифов на железной дороге, чтобы создать условия для выгодной торговли хлебом, лесом, рыбой, то есть дешевым и громоздким сибирским товаром. Правительство неохотно шло на уступки, отменив челябинский тарифный перелом в 1911 г. и разрешив деятельность компании И. Лида на Енисее. Сибирь, не имея выбора, была вынуждена покупать дорогую российскую фабричную продукцию и отдавать дешево свой товар. Эта ситуация называлась в сибирской публицистике «мануфактурное иго Москвы».

В целом в отношениях государства с сибирскими предпринимателями можно выделить три периода. Первый из них охватывал XVII – первую четверть XVIII в., когда на территории Сибири был слаб контроль феодального государства и освоение края шло преимущественно на основе частной инициативы промышленников, купцов, служилых и гулящих людей.

Второй этап занимал отрезок времени со второй четверти XVIII по первую половину XIX в. Это время укрепления государственной власти в Сибири, в том числе и в экономике. Частное предпринимательство было вытеснено из промышленности Казной, Кабинетом, дворянами. Кабинет сосредоточил в своих руках горное дело, Казна и дворяне – винокурение, сукноделие и солепромышленность.

Вторая половина XIX – начало XX в. характеризуются взаимодействием государства и частного предпринимательства. Казенное и кабинетское предпринимательство было сокращено до минимума. Государство брало на себя наиболее капиталоемкие проекты, например строительство железных дорог, каналов, занимало экономические ниши, не обеспеченные частным капиталом – лесопромышленность, строительство. Однако в этом взаимодействии местным капиталистам отводились третьи роли, на первых всегда были дворяне и буржуазия Европейской России.

1.6. Внешнеторговые связи Сибири

Участие Сибири во внешнеэкономических связях России было более чем скромным. Край, отрезанный громадными расстояниями и плохими путями сообщения от европейских рынков сбыта, мог с выгодой продавать лишь меха. С открытием железной дороги – хлеб и масло. Об этом уже сказано выше. Традиционной была торговля по южной границе.

Экономические связи Сибири с Китаем и Центральной Азией имеют давнюю историю. В канун прихода русских в Сибирь она являлась периферией цивилизаций Востока и была включена в систему традиционного обмена севера и юга. Роль края сводилась к поставке мехов в обмен на изделия ремесленных центров Средней Азии и Китая. Обмен велся посредством верблюжьих караванов.

Такой способ перемещения кладей был крайне неэффективен. Доход при такой торговле приносил только товар, дорогой и небольшой по весу, поэтому сибирский мех обменивался на ткани, украшения, посуду, реже – на оружие.

Прежний характер торговли сохранился и с приходом в Сибирь русских. Бухарские торговцы продолжали продавать в Сибири товары беспошлинно, позднее – с выплатой 10 % пошлины. Они образовали в Сибири особый слой городского населения – «юрточныя бухарцы». Первоначально центром обмена был Тобольск, затем (с 1674 г.) – Тара, еще позднее – Ямышевская крепость, Семипалатинск и Усть-Каменогорск.

С падением Джунгарии в середине XVIII в. главным внешним партнером Западной Сибири стала казахская степь. Во-первых, казахи были посредниками в торговле с Китаем в Чугучаке и Кульдже. Русские купцы торговали с китайцами от имени казахских султанов. Прямого торгового не было из-за запрета китайских властей вплоть до 1851 г. Во-вторых, сама степь являлась крупным потребителем российских товаров. Изменился и характер товаров. Основными российскими товарами стали выделанные кожи, ткани (сукна, полотна). В обмен шли китайские чай, шелк, даба, фарфор. Степь предлагала животное сырье – сырые кожи, сало, волос, соль в обмен на мануфактуру и хлеб. Оборот продаж через таможенные Сибирского округа достигал 2,5 млн руб. (1840 г.).

С начала XVIII в. начался оживленный обмен товарами через Кяхту-Маймачен и Цурухайтуй. Первоначально велась казенная караванная торговля мехами в обмен на китайские товары, а с 1762 г. была разрешена частная торговля всеми товарами и отменены монопольные права. Кяхта стала на полтора века главным пунктом в торговле с Китаем. В XVIII в. менялись меха на ткани, как и в западносибирской торговле. С конца XVIII в. основным товаром с китайской стороны стали чай, а с российской – белка, выделанные кожи, сукна.

Торговля со степью и с китайцами через Кяхту носила меновой характер. Применение денег было запрещено. В денежной же оценке оборот торговли через Кяхту составил в конце XVIII в. не менее 5 млн руб., а в 1852 г. – 9 млн руб. С 1955 г. было разрешено оплачивать от одной трети до половины стоимости товара золотом.

Обороты торговли сразу удвоились. Дефицит материала для обмена ощущался с российской стороны.

С середины XIX в. характер торговли с южными соседями вновь изменился. Киргизская степь перестала быть внешним партнером, с усмирением степи увеличился обмен с Туркестаном. Возрос и оборот торговли с Западным Китаем и Монголией после разрешения в 1861 г. китайскими властями беспошлинной пограничной торговли.

Главным пунктом обмена с Монголией в Западной Сибири стал Кош-Агач в Чуйской долине. Контрабандная торговля там велась с конца XVIII в., а к середине XIX в. она составила уже солидное дело с оборотом до 400 тыс. руб. в год. В 1902 г. вьючная тропа, громко именуемая Чуйским трактом, стала колесной дорогой. В чуйской торговле главным товаром с монгольской стороны стал скот, мех сурка, а с российской – ткани и прочие промышленные произведения. В начале XX в. русские купцы предпочитали на золото и серебро покупать китайские и английские товары, менять их на скот и мех сурка, поскольку изделия российской фабрики проигрывали в цене и качестве аналогичным английским и китайским товарам.

Монгольские и казахские степи стали играть в начале XX в. роль источника сырья для российской промышленности и рынка сбыта для ее фабрикатов. В сибирском мясе была изрядная доля монгольского, еще большая доля – казахского мяса. Емкость сибирского рынка мяса была невелика вследствие молочного направления скотоводства. Сама Сибирь участвовала в этом обороте как посредник, продавая российские изделия в обмен на степные товары, переправляя их в Европейскую Россию. Нужно отметить, однако, все возрастающую долю переработки продукции животноводства на месте. Основными центрами стали Омск, Семипалатинск, Петропавловск, Курган, куда скот шел на своих ногах. Оборот торговли со степью достигал 75 млн руб.

Скромнее был масштаб пограничной торговли с Западным Китаем через пограничные пункты Семипалатинской и Семиреченской областей, который к Первой мировой войне достиг 14 млн руб. В Семипалатинской области торговля шла через Котон-Карагай, Алкабек и Зайсанскую таможню (до 1,5 млн руб.). В Семиреченской области товары шли через Бахтинскую, Джаркентскую, Пржевальскую

таможни. Обмен производился теми же товарами, что в Киргизской степи и Монголии. Лес, хлеб, фабрикаты, серебро обменивались на скот и продукты скотоводства. Можно сделать вывод, что Казахская степь, Синьцзян и Монголия составляли единый рынок сырья и сбыта для российской промышленности через посредничество сибирских купцов. В торговле же с Туркестаном роль сибирских посредников в начале XX в. стала ничтожной.

В Восточной Сибири также изменились условия торговли. Кяхта утратила монополию на чайный товар. Чай стал поступать в Россию морским путем через Одессу, а со строительством Сибирской железной дороги – через Владивосток и КВЖД. Таможню в 1861 г. из Кяхты перевели в Иркутск. Кяхта во второй половине XIX в. сохраняла еще значение в торговле дешевыми сортами плиточного и зеленого чая. Оборот достигал 30 млн руб. и более. В начале XX в. обороты сократились в шесть раз. Кяхта пала как столица русско-китайской торговли. Главным пунктом обмена с Монголией стали Урга, Кобдо и Улясутай. Со второй половины XIX в. развилась пограничная торговля с Монголией через Цурухайтуй, Абага-туй, Цаган-Олуй.

С открытием для ханьцев Маньчжурии они стали очень скоро основным ее населением и заметным фактором в жизни русского Дальнего Востока. В начале XX в. они прочно утвердились в золотопромышленности, пограничной и розничной торговле. С одной стороны, контрабанда ханшином, скупка китайцами золота, морских продуктов серьезно осложняли ситуацию на Дальнем Востоке. Но, с другой стороны, маньчжурская пшеница решила проблемы снабжения хлебом растущего населения дальневосточных областей, китайцы создали рынок дешевой рабочей силы, дали каменный уголь для железных дорог.

Чрезвычайно скромные масштабы имела торговля в Урянхайском крае. Начатая в 1870-е гг. для снабжения скотом золотых приисков Восточной Сибири, торговля сибирских предпринимателей привела к комплексному освоению региона. Купцы строили фактории для скупки меха, скота, заводили пашни, мельницы, золотые промыслы, вели обширную торговлю всевозможными товарами. Наиболее крупным и известным из урянхайских дельцов был Георгий Павлович Сафьянов, минусинский 2-й гильдии купец. Он провел всю жизнь на колесах и в седле, продолжив начатую отцом ско-

тоторговлю, разведывал скотопрогонные пути, строил предприятия и тракты. Ему принадлежало в Урянхайском крае почти все. Он настойчиво внушал представителям царской администрации мысль о необходимости присоединения Тувы к России.

В начале XX в. стало заметно обратное влияние центральноазиатского региона на сибирский рынок. В крупнейших городах Сибири в 1914 г. насчитывалось 111 магазинов с «азиатскими» товарами: фруктами, тканями, коврами, войлоком и др. Подводя итоги сказанному, можно сделать вывод, что торговля Сибири с южными соседями прошла три этапа: 1. Караванная торговля по линии границы с XVI по начало XVIII в. (обмен пушнины на ткани, украшения, посуду и другие ремесленные изделия). 2. Обмен золота, серебра, промышленных изделий России на чай, ткани посуду Китая во второй половине XVIII–XIX в. 3. Обмен промышленной продукции и хлеба на продукцию животноводства в Западной Сибири, Урянхайском крае и Монголии и обмен промышленных товаров на хлеб и чай на Дальнем Востоке (конец XIX – начало XX в.).

Таким образом, роль Сибири в процессе обмена менялась. На первом этапе она являлась периферией азиатских цивилизаций и рынком сбыта их ремесленных изделий. На втором и третьем этапах Сибирь была посредником между промышленными центрами России и азиатскими странами. В начале же XX в. обозначилось превращение Сибири и Дальнего Востока в основных промышленных партнеров Монголии, западного и северного Китая, сокращение посреднической торговли. Южная торговля питала транзитными товарами тракты, водный и ж.-д. пути. Значение торговли с Китаем, Монголией, Центральной Азией проявилось и в том, что она сформировала наиболее грамотную и влиятельную часть сибирской буржуазии. Капиталы, полученные от внешнеторговой деятельности, способствовали затем индустриализации Сибири и России, росту численности индустриального населения¹⁰³.

Примечания

¹ См.: Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР М., 1988 430 с.; Иноземцев В.Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 3–64; Постиндустриальный мир центр, периферия, Россия М.,

1999. 301 с.; *Стародубровская И., Май В.* Великие революции от Кромвеля до Путина – <http://www.liberal.ru/lib.asp?Num=36>; и др.

² Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982 С 28–32; *Вилков О.Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск, 1990 С 294–315

³ История Сибири. Т. 2 С. 230–232

⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 13 Д 52. Л. 9.

⁵ Там же Л 2–15

⁶ *Озерский А.* Очерк геологии, минеральных богатств и горного промысла Забайкалья. СПб., 1867 С. 41–46

⁷ Сибирская советская энциклопедия Т 4. С. 950; Краткое начертание о солях в России находящихся // Сибирский журнал СПб, 1807 № 2. С. 115–127, № 3 С 127–140, № 6 С 85–104, Сведения о настоящем состоянии соляной части в России и предположения об устройстве ее на будущее время, составленные в 1806 году МВД // Там же № 9. С. 75–116, № 10. С. 75–115; Приложение к отчету М.М. Сперанского об обследовании деятельности учреждений Сибири в 1819–1820 гг // РГИА Ф 1264 Оп 1 Д 3 Л. 274–367

⁸ Рабочий класс Сибири . С. 40

⁹ В подсчет вошли 5 указанных мануфактур на 1775 г. – Тельминская суточная фабрика А. и М. Сибиряковых, стекольная фабрика И.Г. Савельева в Иркутске, бумажная фабрика И.В. Медведева и стекольный завод А. Корнильева в Тобольском уезде с общим числом покупных и вечноотданных рабочих в 207 чел. (*Индова Е.Н.* О российских мануфактурах второй половины XVIII в. // Историческая география России XVII – начала XX в. М., 1975. С 319, 323); 4 металлургических завода: Ирбинский И.Г. Савельева – 300 рекрут из ссыльных, Ключевоскресенский медеплавильный его же – 40 ссыльных, Езагашский А. Власьевского в Енисейском уезде (23 рабочих) на 1774 г (РГАДА. Ф. 271 Оп 1. Кн. 53. Д. 50. Л. 259–260; Кн. 1371 Д. 47 Л. 406; Кн. 2122. Д. 32. Л 851, Кн 2143. Д. 2. Л. 12); Воздвиженский завод М.А. Сибирякова с Михайловским и Килгинским рудниками – 350 работников; 5 нерчинских заводов с рудниками по ведомости 1772 г. – 969 работников (История рабочего класса Восточного Забайкалья Иркутск, 1961. С 39–41), 5 алтайских заводов с рудниками в 1773 г – 3744 чел. (Рабочий класс Сибири .. С 46); Екатеринбургский, Петровский, Уковский (100–150 работников), Успенский (552 души), Каменский, Краснореченский, Илгинский, Александровский винокуренные заводы, всего 1000–1200 работников из крепостных, ссыльных и наемных (Рабочий класс Сибири С 40; *Варлаков Г.* О постройке Успенского винокуренного завода и в нем церкви // Тобольские губернские ведомости. 1859 № 50. Отд. П. С. 374), 4 солеваренных завода – Троицкий. Иркутский, Усть-Кутский, Селенгинский – около 400 рабочих и Борзинское озеро не менее 20 работников из приписных крестьян и ссыльных (Краткое начертание о солях. № 3. С 134, РГИА. Ф. 1264 Оп. 1. Д. 2. Л. 354–359).

¹⁰ ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 364. Л. 1, 19.

¹¹ Там же. Д. 2768. Л. 1, 11.

¹² Рафиенко Л.С. Функции и деятельность сибирских магистратов в 40–70-х гг. XVIII в. // Бахрушинские чтения 1966 года Сибирь периода феодализма и капитализма Новосибирск. 1968 Вып. 2. С. 42–43.

¹³ Копылов Д.И. Судостроение Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири Новосибирск, 1978 С. 78.

¹⁴ Там же. С. 71, 79.

¹⁵ Подсчитано по: Большаков В.Н. О судоходстве Восточной Сибири в конце XVIII – начале XIX вв. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири Барнаул, 1990 С. 5–14.

¹⁶ ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1462 Л. 35–37.

¹⁷ На одно судно ставилось 18–25 работников на сплаве (ГА ТюмеО Ф. 10 Оп. 1. Д. 370. Л. 110; ГАТО ТФ. Ф. 329 Оп. 541. Д. 51 Л. 18) и 50–70 работников при взводе (ГАТО ТФ. Ф. 1 Оп. 2 Д. 16. Л. 1–43; РГИА Ф. 1376 Оп. 1. 6. Л. 1, 2). За основу взяты минимальные показатели.

¹⁸ Копылов Д.И. Судостроение. С. 80–81.

¹⁹ Среднее число занятых на одном судне определено по ведомостям о судоходстве первой половины XIX в.

²⁰ ГАТО Ф. 144 Оп. 1 Д. 608 Л. 23, Ф. 50. Оп. 1 Д. 1433 Л. 1–6.

²¹ Егоров А.С., Клименченко М.Д. Очерк истории рыболовства на Байкале и прилегающих к нему водоемах // Известия / Биолого-географический НИИ при Иркутском госуниверситете. 1971. Т. 24. С. 199–200.

²² Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М., 1827. С. 219–264, Гегемейстер Ю. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. 1 С. 498–499; Любомиров П. Первые 10 лет существования Иркутской казенной суконной фабрики // Труд в России Л., 1925. Кн. 1 С. 55–70.

²³ Труд ссыльных в Сибири // Архив истории труда в России. Пг., 1921 Кн. 5. С. 32.

²⁴ Копылов Д.И. Судостроение. С. 82.

²⁵ Там же. С. 82–83.

²⁶ Потехин Л. Винокурение в Сибири // Промышленность, мануфактура и торговля. СПб., 1862. Т. 6, № 10 С. 484–485.

²⁷ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 2. Л. 188–189; Памятная книжка для русских горных людей на 1863 год. СПб., 1863 С. 30–34.

²⁸ РГИА Ф. 1264. Оп. 1 Д. 2. Л. 175.

²⁹ Там же Л. 176, 209.

³⁰ Боголюбский И. Золото, его запасы и добыча в русской золотоносной формации. СПб., 1877. С. 81, XIII–XIV.

³¹ ГАИО Ф. 25 Оп. 9 Д. 2 Л. 46–49.

³² ГАТО ТФ. Ф. 329 Оп. 545. Д. 88. Л. 7–30, 33–34, 147–148.

³³ Рабочий класс Сибири... С. 41.

³⁴ Там же. С. 42, 43.

³⁵ Там же. С. 43, 51.

³⁶ Крестьяне округа выделяли сукон на 300 тыс. руб. и 2 млн аршин полотна, мануфактуры – на 100 тыс. руб. сукон и около 20 тыс. аршин полотна.

(Гагемейстер Ю. Указ соч Ч 1 С 472, 475 498, 499; РГИА Ф 1281 Оп 5 Д. 130 Л 120–126).

³⁷ Рутц М.Г. Промышленность городов Западной Сибири в первой половине XIX в. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул, 1990. С 71, 77; Гагемейстер Ю. Указ соч. Т. 2. С 468, 488, Ильин В. Краткие статистические описания окружных городов Тобольской губернии // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год. Тобольск. 1864. С. 82

³⁸ Гагемейстер Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 121

³⁹ ГАОО. Ф. 3. Оп 12 Д 17609 Л 5–111.

⁴⁰ Открытие золотых приисков в Томской губернии // Томские губернские ведомости, 1858. 14 февр.

⁴¹ Хроленок С.Ф. Развитие золотодобывающей промышленности Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв // Очерки истории Сибири. Иркутск, 1970. Т 1 С 28–35.

⁴² Рассели Ф. Доклад о государственном доходе с золотых промыслов. СПб., 1863. С. 13–35; Оценка добытого золота произведена по средней стоимости одного пуда золота, добытого на кабинетских промыслах в 1831–1860 гг., – 13231 руб.

⁴³ Михалевский Ф.И. Золото как денежный товар. М., 1937 С. 66; Зиновьев В.П. Методы капиталистической эксплуатации рабочих в золотопромышленности России // Из истории буржуазии в России Томск, 1982. С. 72–73

Исследователи по разному оценивают роль золотопромывальных машин в техническое перевооружении отрасли. В.И. Данилевский считает их признаком победы фабричного производства (Данилевский В.И. Русское золото М., 1957. С 254) С.Ф. Хроленок называет внедрение промывальных машин первым этапом промышленного переворота в золотодобыче, вторым – внедрение паровых машин. Большинство исследователей (Ф.И. Михалевский, А.С. Нагаев, З.Г. Карпенко, А.А. Мухин, Н.Д. Овсянникова, Г.Х. Рабинович, А.Г. Патронова и др.) считают, что промывальные машины не изменили в целом мануфактурного строя сибирской золотопромышленности. Начало перехода отрасли к фабричной стадии относится ими к 80–90-м гг XIX в и связывается с применением паровой техники, драг, гидравлики, силы взрывов (Рабочий класс Сибири. С 93–95); Мухин А.А. Начало перехода от мануфактуры к фабрике в промышленности Сибири пореформенного периода (1861–1895 гг.) // Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири. Новосибирск 1978. С 89–102; Орлов М.Н, Хроленок С.Ф. Советская историография промышленного переворота в горной промышленности Сибири // Исторический опыт освоения Сибири. Новосибирск, 1986. Вып. 1 С 106–110; Хроленок С.Ф. Золотопромышленность Сибири (1832–1917). Иркутск, 1990. С. 13–178; Скубневский В.А. Промышленный переворот в Сибири: некоторые итоги и задачи изучения // История и общество в панораме веков. Иркутск, 1990. Ч. 1 С. 82–85)

⁴⁴ Рабочий класс Сибири .. С. 50

⁴⁵ См.: табл. 1, 2, а также. РГИА. Ф. 1281. Оп. 6 Д. 81. Л. 58; Д. 107. Л. 57; Д. 83. Л. 158; Д. 105. Л. 58; Д. 97. Л. 181–182.

⁴⁶ Разгон В.Н. Купечество и кабинетское хозяйство на Алтае во второй половине XVIII – первой половине XIX вв // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул, 1990. С. 32–49

⁴⁷ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 136. Л. 1–6.

⁴⁸ См. Контракты о перевозках и найме работников на суда в маклерских книгах. (ГАТО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 5158. Л. 2, 16–96; Д. 5209. Л. 10–11, 19–20. Ф. 220. Оп. 1. Д. 10. Л. 25, 86–87, и др.).

⁴⁹ Катионов О.Н. Некоторые итоги изучения роли извозного промысла в капиталистическом развитии Сибири // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма. Историография проблемы. Новосибирск, 1988. С. 112–119.

⁵⁰ ГАТО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 421. Л. 11; Д. 606. Л. 18–60; Рабочий класс Сибири. С. 96; История дорожного дела в Томской области. Томск, 1999. С. 12–13.

⁵¹ Восточное обозрение. 1888. 28 авг.

⁵² История Сибири. Т. 3. С. 63.

⁵³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 727. Л. 10; Большаков В.Н. Очерки истории речного транспорта Сибири. XIX век. Новосибирск, 1991. С. 99–101

⁵⁴ Сибирский вестник. 1894. 19 авг.

⁵⁵ Рабочий класс Сибири.. С. 97–98.

⁵⁶ Большаков З.Н. Техническое перевооружение на речном транспорте Сибири в XIX в. // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1989. С. 70–82.

⁵⁷ Табл. 3.

⁵⁸ Табл. 4.

⁵⁹ Андрищенко Б.К. Фабричное производство в обрабатывающей промышленности Сибири (1861–1895 гг.) // Рабочие Сибири в конце XIX – начале XX вв. Томск, 1980. С. 39.

⁶⁰ Табл. 3.

⁶¹ История Сибири. Т. 3. С. 50.

⁶² Здесь и далее данные о динамике горных производств приводятся по табл. 5.

⁶³ Бородавкин А.П., Говорков А.А. К истории торговли и торговоростовщического капитала в Сибири (1861–1891 гг.) // Труды. Том гос. ун-та, 1965. Т. 158. Сер. Историч. С. 39; История Сибири. Т. 3. С. 57

⁶⁴ Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975. С. 220

⁶⁵ Об устройстве Екатеринбург-Тюменской железной дороги // ГАТО. ТФ. Ф. 152. Оп. 42. Д. 712. Л. 83, 146–151; Скубневский В.А. Структура обрабатывающей промышленности Тобольской губернии и численность занятых в ней рабочих в период империализма // Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1974. С. 42.

⁶⁶ История Сибири. Т. 3. С. 179.

⁶⁷ Рабочий класс Сибири... С. 174

⁶⁸ Земеров Б.И. Динамика численности и профессиональной структуры железнодорожников Сибири в период империализма // Рабочие Сибири в период империализма. Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 14. С. 37.

⁶⁹ Сибирские очерки // Восточное обозрение. 1899. 2 мая

⁷⁰ Скубневский В.А. Обработывающая промышленность и рабочие Сибири по материалам переписи 1908 г. // Из истории Сибири. Томск, 1973 Вып. 8. С. 46.

⁷¹ Мухин А.А. Влияние сибирской железной дороги на социально-экономическое развитие Восточной Сибири (1897–1917 гг.) // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961 С. 114.

⁷² См. Табл. 5

⁷³ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1905 заводском году СПб., 1908 С. 101, 138–151.

⁷⁴ Хроленок С.Ф. Развитие золотодобывающей промышленности Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв // Очерки истории Сибири. Иркутск, 1970. Т. 1 С. 89–90.

⁷⁵ Табл. 4.

⁷⁶ Зиновьев В.П. Горная промышленность Сибири и формирование горно-рабочих // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980. С. 17.

⁷⁷ Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием за 50 лет Л., 1929 Т. 1, ч. 1 С. 98, 99; Л., 1930 Ч. 3. С. 182, Рабочий класс Сибири. С. 176–177.

⁷⁸ Большаков В.Н. К вопросу о формировании и численности речников в Сибири // Рабочие Сибири в период империализма Томск, 1976 С. 126–128.

⁷⁹ Галажинский Э.В., Зиновьев В.П. Формирование капиталистических отношений в рыбопромышленности Сибири XIX – начала XX вв. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул, 1990. С. 127.

⁸⁰ Зиновьев В.П. Лесоторговля // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири В 4 т. Новосибирск, 1996 Т. 3, кн. 1 С. 29–31

⁸¹ Коновалов П.С. Строительная промышленность Сибири второй половины XIX – начала XX вв // Проблемы истории дореволюционной Сибири Томск, 1989. С. 87–88

⁸² Дмитриенко Н.М. Промышленность Томска в эпоху капитализма // Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1983 С. 83, Земеров Б.И. Динамика численности и профессиональной структуры железнодорожников Сибири С. 40.

⁸³ Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв Томск, 1975. С. 225–227

⁸⁴ Коновалов П.С. Грузооборот Сибирской железной дороги в 1895–1913 гг // Хозяйственное освоение Сибири История, историография, источники Томск, 1991. С. 155–167.

⁸⁵ Горюшкин Л.М. Экономическое развитие Сибири в конце XIX – начале XX веков. Новосибирск, 1990. С. 3–11.

⁸⁶ Зиновьев В.П. Рабочие Сибири в 1907–1917 гг. // Рабочие Сибири в период капитализма. Томск, 1979. С. 5–7

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия .. С. 195–218

⁸⁹ Горюшкин Л.М. Экономическое развитие Сибири в конце XIX – начале XX веков. Новосибирск, 1990 С. 10

⁹⁰ *Зиновьев В.П.* Горная промышленность Сибири и формирование горно-рабочих. С. 28–31.

⁹¹ *Рабинович Г.Х.* Крупная буржуазия... С. 85–119

⁹² *Рабочий класс Сибири...* С. 380–381

⁹³ *Разумов О.Н.* Иностранные акционерные общества горной промышленности Сибири периода империализма // Вопросы истории дореволюционной Сибири Томск, 1983 С. 107–116

⁹⁴ *Люд Ионас* // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири Новосибирск, 1996 Т. 3, кн. 1 С. 32–33

⁹⁵ История Алтая в документах и материалах. Конец XVII – начало XX века Барнаул. 1991. С. 193–194

⁹⁶ *Островский И.В.* Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991. С. 265–267

⁹⁷ *Худяков В.Н.* Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996 С. 232–260.

⁹⁸ РГИА. Ф. 1341. Оп. 28. Д. 554. Л. 1, 2.

⁹⁹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 6. Д. 195. Л. 3–4, Ф. 468. Оп. 24. Д. 257. Л. 6.

¹⁰⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 51. Л. 34.

¹⁰¹ *Хроленок С.Ф.* Указ соч. С. 21–22, 42–46, 88–89, 175–176.

¹⁰² Там же. С. 97

¹⁰³ *Зиновьев В.П.* Торговый обмен Сибири и Центральной Азии в XVI – начале XX в. // Сибирь в системе международных связей: Сб. ст. Томск, 2001. С. 8–11; Сибирь и Центральная Азия: Проблемы региональных связей. XVIII–XX вв. Томск, 1999. Вып. 1; Томск, 2000. Вып. 2.

Глава 2. Формирование и состав индустриальных кадров Сибири

2.1. Формирование сибирского отряда рабочих России в XVIII – первой половине XIX в.

Процесс складывания в Сибири слоя наемных рабочих не составлял, с точки зрения общих закономерностей формирования классов индустриального общества, чего-либо особенного. Здесь, как и всюду в мире, сначала появился предпролетариат, поставлявший рабочую силу (наемную и подневольную) раннекапиталистическим предпринимателям и на феодальные мануфактуры. Он образовывался в результате разложения низших, эксплуатируемых сословий феодального общества. Сибирь как колонизируемая окраина принимала в основном уже готовые продукты разрушения феодальных отношений в Европейской России (гулящие люди, беглые, ссыльные). Затем, по мере развития мануфактур и образования капиталистического уклада стабилизировался слой мануфактурного пролетариата. В результате развернувшегося с 40-х гг. XIX в. процесса промышленного переворота в Сибири началось формирование кадров фабричного пролетариата. Это на примере промышленности и транспорта сравнительно полно показали исследователи социальной истории Сибири С.В. Бахрушин, В.И. Шемелев, О.Н. Вилков, З.Г. Карпенко, Д.И. Копылов, В.И. Тужиков, С.Ф. Хроленок, А.А. Мухин, Г.Х. Рабинович, А.Г. Патронова, В.А. Скубневский, Г.А. Бочанова, В.Н. Большаков, Б.К. Андрущенко, П.С. Коновалов, Н.М. Дмитриенко и др. Обобщенный взгляд на этот процесс представили авторы коллективного труда «Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период» (Новосибирск, 1982), поэтому здесь будет дан краткий очерк, учитывающий достижения историографии вопроса с добавлением сведений об отрас-

левых отрядах работников, обделенных вниманием историков (судорабочие, рыбаки, лесорабочие).

В Сибири, как и по всей России, первоначальное накопление было плавным и медленным процессом, не составившим особой эпохи. Крепостничество, жесткие сословные рогатки тормозили выделение и закрепление новых, чуждых феодальной структуре слоев населения. В Сибири накопление капитала опережало по масштабам и темпам накопление свободных рабочих рук. Постоянный дефицит рабочей силы – главная черта рынка труда в Сибири на протяжении XVII–XIX вв. Он, в свою очередь, порождал дороговизну услуг, особенно квалифицированных, и широкое применение разного рода внеэкономических способов принуждения к индустриальному труду.

Хронологические этапы формирования отряда рабочего класса в Сибири совпадают с выделенными нами периодами индустриализации края¹. В XVII – первой четверти XVIII в. в Сибири шло естественное, стихийное развитие промышленности и транспорта в мягкой товарной и раннекапиталистической формах. По подсчетам О.Н. Вилкова, больше всего работников было занято в судостроении – 5550–8760 чел. в год (середина XVII в.), которые подряжались из гулящих, промышленных людей, крестьян, посадских, служилых, бобылей, ямщиков и других податных сословий². Второй отраслью с широким наймом был пушной промысел, где из 6 тыс. русских охотников-профессионалов 2–2,5 тыс. являлись покрученниками из гулящих людей. Покрученники образовывали слой профессиональных наемных работников, которые зимой занимались охотой, летом – рыболовством, перевозкой кладей, промышленным и сельским трудом. Появились наемные работники в городских ремесленных заведениях, в кузнях, при железоделательных домницах, в кожевнях, на мыловаренных и пивных заводиках, при мельницах, на соляных и слюдяных промыслах. Отдельные предприятия конца XVII – первой четверти XVIII в. уже достигли мануфактурной стадии (винокурение, солеварение, железоделательные заводы с десятком-другим рабочих³).

Несколько сотен наемных рабочих (каменщиков, плотников, кирпичников) занимались, помимо служилых людей, строительством городов и острогов. Всего, суммируя сведения О.Н. Вилкова, можно насчитать в Сибири во второй половине XVII в. 8–12 тыс. наемных работников. Авторы обобщающего труда по истории ра-

бочих Сибири оценили масштабы применения наемного труда более скромной цифрой – 3 тыс. чел. На конец XVII в.⁴, однако, они не учли покрученников соболиных промыслов и приняли число занятых в судостроении равным 1–2 тыс. чел., вместо 5–9 тыс., по подсчетам О.Н. Вилкова. В той же книге количество потенциальных наемных рабочих Сибири на 1710 г. определяется в 10 тыс чел.⁵ Уточнить приведенные данные вряд ли возможно, но в любом случае есть основание сказать, что контингент наемных рабочих в Сибири не превышал 6–10 тыс. чел. на рубеже XVII–XVIII вв.

Временность, неустойчивость – основные черты найма в неземледельческих отраслях хозяйства в это время. Наем был явлением временным и в биографиях работников, которые стремились занять более надежное место в обществе – стать служилым государевым человеком, записаться в крестьянское или мещанское общество. Сам индустриальный труд также был сезонным, ненадежным источником существования. Принудительное закрепление работников в Сибири еще не могло быть эффективным вследствие слабости феодальных структур. Но уже со второй половины XVII в. в казенных винокурнях принуждали к работе ссыльных, а в начале XVIII в. появились первые приписанные к Нерчинским заводам крестьяне. Посадских и пашенных крестьян заставляли строить по подрядам суда, пленных шведов – возводить сооружения в Тобольске.

Укрепление феодальных отношений в стране привело к господству в индустриальной сфере Сибири феодальной мануфактуры, базировавшейся на принудительном труде. Поток вольнонаемной промысловой колонизации Сибири был регламентирован через выдачу сроковых покормежных паспортов и преследованием, хотя и нерегулярным, беспаспортных. Администрация казенных и кабинетских предприятий, монастыри, частные лица закрепощали ранее вольных работников⁶. Широкие масштабы приобрела приписка крестьян к заводам Кабинета на Алтае и к казенным заводам в Иркутской провинции, к частным фабрикам – в Западной Сибири. Из приписных крестьян, в свою очередь, путем рекрутских наборов формировалось сословие горных служителей – мастеровых и урочных рабочих. Появились в Сибири и купленные, т.е. крепостные, работники на посессионных и помещичьих заводах. В ведомости заводов 1775 г. в Сибирской губернии на 4 фабриках числились 80 крепостных работников⁷, к 1861 г. в Сибири осталось 2 помещи-

чи бумажные фабрики и винокуренный завод со 155 рабочими мужского пола⁸.

После указа 15 июля 1729 г. о ссылке в Сибирь бродяг и беглых значительным источником принудительного труда стала штрафная колонизация. В 1754 г. ссылкой на каторгу заменили смертную казнь, а с 1860 г. ввели высылку крестьян в Сибирь в зачет рекрутской повинности. В 1761–1781 гг. в Сибирь попали таким образом 35 тыс. душ мужского пола⁹. Еще более массовых характер приобрела ссылка с указом 1811 г. о наказании каторжными работами за важные преступления, поселением в Сибирь – за преступления средней тяжести. В 1823–1860 гг., по данным С.В. Максимова, на каторгу попали 44407 чел., на заводы – 2526 чел., в ремесленные работы – 1609 чел.¹⁰ В Сибирь шли в основном уголовные преступники, однако были и участники социальных протестов. Так, из 201005 чел., сосланных в Сибирь в 1827–1846 гг., числились 443 государственных преступника, 2411 участников возмущений, 1030 чел., сосланных за неповиновение помещикам, 6886 – за дурное поведение по воле помещиков, 18328 чел. – за бегство из Сибири¹¹.

Условия принудительных работ для ссыльных и каторжных были различны, на деле же, попадая на заводы, они эксплуатировались одинаково. Различались только сроки пребывания на заводах. Ссыльных и каторжных либо прикрепляли к предприятиям навечно (Тельминская, Тальцинская фабрики, посессионные заводы Тобольской губернии), либо на срок обязательных работ (Нерчинские рудники и заводы, казенные и частные солеварни и винокурни, восснорабочие команды, ремесленные дома и Омская суконная фабрика Сибирского казачьего войска), либо временно – до окончания стройки, проводки судов. Казенные винокуренные заводы служили также временными накопителями и утилизаторами труда пойманных бродяг до их переводворения.

По окончании срока обязательных работ ссыльные определялись на поселение в окрестные села. Нередко они, приписываясь к соседним с заводами крестьянским обществам, продолжали выполнять работы на заводах уже как вольные, потому что обзаводились семьями, хозяйством, получали квалификацию и жалование.

При дефиците рабочих рук любое предприятие Казны сопровождалось принуждением к работам немногочисленных обитателей края. Например, подготовка экспедиции В. Беринга вызвала чрезвычайное напряжение людских ресурсов Восточной Сибири. Для

перевозки кладей экспедиции в 1741 г. построили на Енисее 20 дощаников, для проводки которых были мобилизованы 400 мещан и крестьян Енисейской провинции, а для доставки оборудования до Якутска и Охотского моря – ссыльнопоселенцы¹².

В Тобольской губернии с 1731 г. администрация сочла целесообразным заменить дорогой наемный труд на строительстве судов казенной флотилии обязанностями крестьянами и посадскими людьми. В 1759 г. эту повинность несли 4 тыс. чел.¹³ В 1760-е гг. по инициативе крестьян преобладающим вновь стал наем плотников, но в случае недостатка работников администрация добирала нужное их число разверсткой, применяла труд колодников. Сенат указом 23 декабря 1798 г. разрешил использовать на Коряковской верфи сотню колодников. В 1801 г. из 774 работников, необходимых для иртышских верфей, 148 были каторжниками¹⁴.

Проводка казенных судовых караванов также обеспечивалась работниками путем принудительного набора. После 1770-х гг. наем на солевозные суда стал вольным. Но посылка недоимщиков волостными правлениями в судорабочие осталась обычным делом и в первой половине XIX в., также как и закабаление контрагентом крестьян, «упражняющихся в найме». Насколько острой была нужда в людях, говорит тот факт, что в 1800 г. из 598 чел., необходимых на солевозные суда, к концу марта были наняты 180, в июле – 285 чел.¹⁵

В 1817 г. в лямочную работу обратили 146 крестьян Тюменского округа, должников контрагента Резанова за 1812–1815 гг., кроме того, с 56 крестьян долги были списаны вследствие их дряхлости, смерти, набора в рекруты¹⁶.

Частное предпринимательство, не связанное с казной, было лишено внеэкономических рычагов принуждения, поэтому обеспечивало свои предприятия наемным трудом. Главной сферой найма оставались, как и в XVII в., водный транспорт, городская промышленность, рыбодобыча, черные работы и сельское хозяйство. Основным поставщиком наемных рабочих рук современники называли ссылку. Так, Ю. Гагемейстер, обращаясь к описанию промышленности Сибири, заявлял: «Население Сибири состоит из старожилов, ссыльных и инородцев. Первые живут преимущественно хлебопашеством, извозом и торговлею, вторые рукоделием и работою по найму, а третьи скотоводством, рыбною и звериною ловлею»¹⁷. Действительно, он привел сведения о том, что 40 % всех

ремесленников Томска и Тобольска – ссыльнопоселенцы, что судорабочие – «большую частью ссыльные», что ссыльных много на рыбных промыслах Оби и Байкала¹⁸. Можно добавить, что в 1801 г. на судах соляных контрагентов из 1000 работников было 380 поселенцев¹⁹, что поселенцев со второй половины XVIII в. полиция отдавала во временные работы горожанам²⁰, а в начале XIX в. – к зажиточным крестьянам²¹. С появлением золотых промыслов ссыльные стали главными их работниками. В 1840 г. из 33104 поселенцев мужского пола Томского и Каинского округов лишь 2229 занимались хлебопашеством, остальные – работой по найму у богатых мужиков, на приисках или ремеслом²². Аналогичные цифры по Восточной Сибири привел С.Ф. Хроленок: из 80 тыс. ссыльных в 1853–1856 гг. 77 % не имели оседлости, а 42,1 тыс., или 52,6 %, работали на приисках²³.

Сибирская администрация пыталась бороться с пролетаризацией ссыльных, запретив бездомным ссыльным наем в судорабочие по указу Сената от 14 июля 1812 г., однако отсутствие других работников заставило генерал-губернатора Западной Сибири циркуляром от 22 февраля 1834 г. разрешить таковой²⁴.

Нарастающая штрафная колонизация не могла покрыть всей нужды края в рабочих руках. Сибирь не только принимала, но и генерировала наемных рабочих за счет расслоения крестьянства и городского населения. В 1750 г. из 1000 покормежных паспортов, зарегистрированных в Тобольске, 394 предъявили сибиряки²⁵. В 1760-е гг. 18,7 % горожан Сибири работали по найму (3512 из 18814)²⁶. В 1840-х гг. в Томской и Тобольской губерниях около 10 тыс. государственных крестьян зарабатывали на жизнь наймом в работники, а в Таре, Тюмени, Тобольске так кормились 680 семей²⁷.

Сохранились документы, свидетельствующие о работе крестьян и мещан на судах, фабриках, рыбных и лесных промыслах. В ведомостях фабрик и заводов Тобольской губернии за 1819 г. указывается, что рабочие на них – из «вольнонаемных крестьян»²⁸. В ведомости фабрик и заводов Томской губернии за 1850 г. также сказано, что рабочие – из местных крестьян и мещан, а мастера трех крупчатных мельниц – из Московской губернии, в том числе один из них – крепостной человек²⁹.

Анализ договоров о найме показывает, что рабочие томских судовладельцев были по большей части из мещан. В 1811 г. купец

М.Б. Серебренников нанял 26 работников, среди них 21 оказался из мещан, 4 – из крестьян, 1 ямщик³⁰. К судовладельцу Карпову в 1812 г. нанялись в работники четверо мещан на рейс до Тобольска³¹, из 6 работников купца Закревского в 1805 г. 4 были из мещан³², в 1820 г. на суда Русско-Американской компании нанялись 4 томских мещанина³³ и т.д.

Крестьяне часто нанимались не на всю навигацию, а на часть пути. Контрагент по соляной части в 1820 г. объяснял наем беспаспортных тем обстоятельством, что он «имеет нужду в нескольких тысячах рабочих людей, но по малонаселенности сибирских губерний всегда встречает в найме их величайшие затруднения и часто, по причине побегов, болезней и смертных случаев нанявшихся людей принужден бывает экстренно от места до места на короткое время искать желающих в дальних от сплавного пути селениях». На одной из его барок беспаспортными оказались 23 крестьянина и 7 мещан, на другой – 36 крестьян и 8 мещан, на третьей – 11 поселенцев³⁴. В 1809 г. на одно из судов, прошедшее от Томска до Тобольска и обратно, были наняты на весь маршрут 30 работников, в одну сторону – 7, а временно (от деревни до деревни) – 81 чел.³⁵ Этот пример показывает, насколько условны официальные подсчеты числа судорабочих.

В целом же вплоть до второй четверти XIX в. масштабы применения принудительного труда росли быстрее, чем вольный наем. В табл. 7 приведены данные о соотношении наемного и принудительного труда в Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Несмотря на условность и разнородность сведений, все же они дают возможность видеть преобладание наемного труда в конце XVII – начале XVIII в., выравнивание его с подневольным ко второй половине XVIII в. и двойное отставание в первой четверти XIX в. Лишь накануне реформы 1861 г. соотношение изменилось в пользу вольнонаемного труда – три к двум. Оплотом крепостного труда вплоть до реформы оставались предприятия Казны и Кабинета, базой наемного труда – частная промышленность и водный транспорт.

Состав работников феодальных предприятий и капиталистических заведений различался не только по социальному происхождению, сословному и правовому статусу, но и по профессионализму. Среди рабочих купеческих, мещанских и крестьянских заведений

преобладали искатели временных сезонных приработков, их закрепление достигалось только кабальными контрактами. Исключение составляли кормщики на судах, башлыки рыболовецких артелей, мастера на мануфактурах, главы плотницких артелей.

Таблица 7

**Состав работников промышленности и транспорта Сибири
в XVIII в. – 1850-е гг., тыс. чел.**

Отрасль хозяйства	Конец XVII – начало XVIII в.		1760 – 1770-е гг		1820-е гг		1850-е гг.	
	Принудительный труд	Наемный труд	Принудительный труд	Наемный труд	Принудительный труд	Наемный труд	Принудительный труд	Наемный труд
Кабинет	–	–	3,7	–	21,8	–	30,8	–
Казна	0,2–0,3	–	1,4	–	5,7	–	6,1	0,2
Частные заведения	–	6–10	2,2	3,5	0,8	4,6–5,1	0,1	32,1–32,6
Вся промышленность	0,2–0,3	6–10	7,3	3,5	28,3	4,6–5,1	37,0	32,3–32,8
Водный транспорт	Неизв.	Неизв.	2,0	5,5	–	10–11	37,0	54,8–55,3
Всего	0,2–0,3	6–10	9,3	9,0	28,3	14,6–16,1	37,0	54,8–55,3

* Составлено по: Рабочий класс Сибири дооктябрьского периода. Новосибирск, 1982. С. 27, 32; Вилков О.Н. Очерки. С. 299–300, 307; История рабочего класса Восточного Забайкалья. Иркутск, 1981. Т. 1. С. 12–13; Зиновьев В.П. Сибирь в экономике России XVIII – начала XX вв. // Сибирь в составе России XIX – начала XX в. Томск, 1999. С. 9–21.

Феодальные мануфактуры также имели разный сорт работников: временных из приписных крестьян в горном ведомстве, обязанных к выполнению повинностей в судоходстве, недоимщиков на отработке, военнорабочих, бродяг в работах на заводах до переводворения;

постоянных – горнозаводских служителей, непременных работников казенных и частных мануфактур, каторжнорабочих. Труд приписных крестьян, недоимщиков, обязанных крестьян и мещан был исполнением феодальной повинности и не менял социальной сути носителей рабочих рук. Труд военнорабочих, бродяг, ссыльнокаторжных – явление временное, продукт исправительной системы, способ социальной адаптации преступников. Профессиональную категорию работников из них могли образовывать только каторжные с большими сроками или пожизненным наказанием. Промышленный труд являлся основой социальной функции лишь для непременных работников посессионных, казенных и кабинетских предприятий.

Горнозаводские служители составляли особое сословие феодально-зависимого населения. В первой половине XIX в. они на три пятых являлись потомственными профессиональными работниками³⁶. О мастеровых Алтайских и Нерчинских округов существует ряд основательных сочинений, поэтому нет необходимости писать о них подробно еще раз³⁷. Вместе с тем хотелось бы отметить одну особенность статуса мастеровых, на которую исследователи обращают мало внимания. Система горнозаводской службы действовала как социальный лифт, выбирая и поднимая по иерархической лестнице самых способных из горных служителей и их потомков. Конечно, только конкретный анализ формуляров может подсказать о том, на какую долю администрация горнозаводских округов формировалась из семей горных служителей. Но примеры И.И. Ползунова, Ф.В. Стрижкова, К.Д. и Д.К. Фроловых, Д.Ф. Головина, И. Денисова, П.Г. Ярославцева, П.М. Залесова, М.С. Лаулина, А.С. Вяткина, И.С. Колычева, В. Гауза, династий инженеров Чернициных, Маюровых, Головачевых и др. убеждают, что появление детей мастеровых и солдат в числе ведущих горных администраторов и технических специалистов было делом обычным³⁸.

Горнозаводская система весьма эффективно выявляла и ставила себе на службу способности своих работников. Мальчики с 7 лет шли в школы, затем лучшие из них – в Барнаульское и Нерчинское горные училища, лучшие из лучших – в Горный институт в Санкт-Петербурге. Талантливый парень мог из крепостного мальчика превратиться в обер-офицера. Кабинет имел одну из лучших в России начальную образовательную сеть, в которой на Алтае в 1781 г. было 5 школ и 946 учеников, а в 1861 г. – 19 школ и 1827 учеников; в Забайкалье – 11 школ и 584 ученика³⁹. Особый правовой статус,

характер труда и быта выделяли мастеровых из крестьянского окружения. Формировали у них особую психологию и самосознание.

Подобный же процесс образования профессиональных кадров шел и на казенных предприятиях. П. Любомиров отмечал, что к концу XVIII в. на Тельминской фабрике уже имелся «готовый контингент обученных разным мастерствам суконного производства рабочих»⁴⁰. С.В. Максимов писал о работниках этой фабрики так: «...завод из ссыльных приготовил техников, тот знаменитый фабричный народ, который для поселенческой жизни никуда не годится. Ткачи так и остались со вдавленной грудью от постоянного нажимания ея у станка, сухие как жимолость, кашляющие и притом гордые сознанием своего достоинства, не позволяющие их смешивать с поселенцами-земледельцами». Далее он отмечал, что сыновья ссыльнорабочих составили «класс людей самых способных и употребительных при технических работах»⁴¹.

В другом месте своего труда С.В. Максимов добавляет: «...на Тельминской фабрике племя каторжное выродилось, уже третье поколение представляется вполне благонадежным»⁴². На месте бывших каторжных заводов Успенского, Екатерининского, Падунского, Керевского, Боготольского, Краснореченского, Иркутского и др. образовались промышленные села. Например, на Иркутском солеваренном заводе в 1875 г. из 53 рабочих, имевших усадьбы и землю, 27 были с дореформенным стажем, потомственными работниками⁴³.

Рассмотренный материал позволяет говорить о формировании в Сибири на феодальных мануфактурах и купеческих предприятиях отряда предпролетариата чрезвычайно пестрого по сословному признаку, правовому статусу, профессиональной подготовке. В XVII – первой четверти XIX в. в крае не было устойчивого слоя мануфактурных рабочих.

Положение изменилось в середине XIX в., когда начался процесс сокращения объема принудительного труда и одновременный быстрый рост применения наемной рабочей силы во всех отраслях хозяйства⁴⁴. Стремительно росшая золотопромышленность стала самой крупной в Сибири сферой найма, втянувшей в свою орбиту представителей всех податных сословий. Большую часть рабочих золотопромышленности дореформенного периода составляли ссыльнопоселенцы (табл. 8). Лишенные собственности, не привязанные ничем, кроме приписки к определенному месту жительства, ссыльнопоселенцы представляли почти идеальный материал для формирования профессиональных работников.

В.И. Семевский справедливо считал, что «золотопромышленность Сибири... нашла в многочисленном классе ссыльнопоселенцев в высшей мере благоприятное условие для своего развития в форме крупного промышленного производства»⁴⁵. Большая часть публицистов и чиновников обвиняла золотые промыслы в отвлечении населения от хлебопашества, в развитии «язвы пролетариатства», в деморализации крестьянства, повышении цен, падении других промыслов и т.д.

Таблица 8

Сословный состав рабочих золотых приисков в 1834–1860 гг.*

Сословия	1834 г.		1840 г.		1850 г.		1860 г	
	Чел	%	Чел	%	Чел	%	Чел	%
Ссыльно-поселенцы	4865	82,1	5604	89,1	14106	54,0	9963	50,7
Крестьяне помещичьи	–	–	9	0,1	9733	37,3	–	–
Крестьяне государственные	1062	17,9	346	5,5	6685	11,7	9703	49,3
Мещане	–	–	223	3,5	1481	5,7	–	–
Разночинцы	–	–	106	1,7	306	1,2	–	–
Инородцы	–	–	5	0,1	481	1,8	–	–
Выходцы из Сибири	Неизв		6356	99,4	20941	80,2	15869	80,7
Выходцы из Европейской России	Неизв		40	0,6	5166	19,8	3797	19,3
Итого	5927	100,0	6293	100,0	26107	100,0	199666	100,

* Данные за 1834 г. – Отчет капитана жандармерии Мишо о состоянии ссыльных в Томской губернии (РГИА Ф. 37. Оп. 39 Д. 113 Л. 15); за 1840 г. – Отчет о ревизии инженером Мурзиным частных золотых приисков Западной Сибири (ГААК. Ф. 2. Оп. 1 Д. 1048 Л. 52), за 1850 г. – Отчет по Енисейской губернии (РГИА Ф. 1281. Оп. 5 Д. 87 Л. 311–313). Учтены только мужчины, в число помещичьих крестьян вошли 84 приписных, 19 дворовых, 1 удельный, в число государственных крестьян включены 2 вольных хлебопашца, 48 вольноотпущенных, в числе разночинцев 46 – из чиновников, 101 – из купцов, 159 отставных воинских чинов, за 1860 г. – Отчет о действии золотых промыслов 1860 г. в Енисейской губернии (ГАИО. Ф. 712 Оп. 1. Д. 1099. Л. 133)

Комиссия Вонлярлярского в 1840 г. отметила: «Со времени распространения в Западной Сибири частной золотопромышленности ссыльнопоселенцы Томской губернии, в надежде пропитаться легкой работой на золотых приисках, решительно не помышляют водворяться собственным хозяйством на оседлое поселение»⁴⁶.

В отчете по управлению Томской губернией за 1850 г. также утверждалось: «Значительная часть из них [ссыльных] снискивает пропитание через наем и услужение и в другие работы, как в местах причисления их, так и в городах. Многие из перечисленных ссыльнопоселенцев нанимаются в летние месяцы в работы для сплава товаров из г. Томска в Тобольскую губернию и обратно и на частные золотые промыслы как в Томской губернии, так и в губернии Енисейской. Многие из ссыльнопоселенцев, свыкаясь с подобными работами на промыслах, на готовом содержании и с воображаемою ими значительною платою за работы и с постоянною отлучкою из мест причисления не обзаваются прочным хозяйством»⁴⁷. Наемный труд в глазах просвещенных людей того времени не связывался с прочностью социального положения, большое число наемных работников вызывало у них тревогу. Так, Н. Ровинский сокрушался: «Рабочий, натаскавшись таким образом на приисках года два, становится уже не способен ни к сохе, ни к семье»⁴⁸.

Не все разделяли эту озабоченность. Прежде всего, сами ссыльные. Они стремились на отхожие заработки и презирали деревенский труд. Их настроение хорошо передают слова легкомысленной частушки:

В деревне жить, пахать, косить.
От роду я не знаю
Снопы вязать и молотить
Совсем не понимаю⁴⁹.

Внимательные наблюдатели приходили к выводам о пользе приискового труда для поселенцев. Так, один из членов комиссии Вонлярлярского чиновник Смирнов отмечал относительную зажиточность и домообзаводство Дмитриевской и Нелюбинской волостей Томской губернии, из которых на приисковые работы уходило больше поселенцев, чем из других мест⁵⁰. Поселенцы старались жить на приисках или недалеко от них. Маркшейдер Мурзин только на трех приисках Мариинской тайги (Воскресенском компании

Рязановых, Петропавловском и Преображенском компании Асташева и компании Поповых) учел 62 поселенца и 11 крестьян, живших там с 1832 по 1840 г. в своих домах, в том числе 59 имевших семьи⁵¹. Следовательно, с 1830-х гг. на приисках Томской губернии начал формироваться слой постоянных рабочих. То же самое можно сказать и о приисках Енисейской губернии. В.И. Семевский привел сведения, из которых следует, что в 1848 г. в Минусинском округе из 780 опрошенных рабочих были на приисках от одного до пяти сезонов 428 человек, от шести до шестнадцати сезонов – 361 человек, в том числе более десяти раз – 82 человека, более пятнадцати сезонов – 7 человек. Некоторые поселенцы по пятнадцати лет не были у исповеди, не выходя с приисков⁵². Г.Н. Потанин вспоминал, что на приисках барона Гильзена в Мариинской тайге из 400 рабочих несколько десятков трудились по пять – десять лет⁵³. Другой современник, укрывшийся под псевдонимом Цветолобов, писал: «Из них [поселенцев] почти половина люди бездомные – бобыли, посвятившие всю или большую часть своей жизни работам на приисках»⁵⁴. Чиновник по особым поручениям в отчете за 1853 г. также сообщал о 10–20-летнем приисковом стаже некоторых поселенцев⁵⁵. И.П. Корнилов делил рабочих на две категории – временных из крестьян на заработках и ссыльнопоселенцев, «из которых неводворенные составляют так сказать класс пролетариев существующих золотопромышленною работою». Он же отмечал, что «золотопромышленность соединила их в огромные массы, тесно соединенные духом товарищества и общего дела, подобно другим заводским и фабричным работникам», и считал, что «эта корпорация золотопромышленных рабочих, кочевых, безнравственных, склонных к буйству, может быть опасна», что «между ними бывают беспокойные говоруны, трибуны»⁵⁶. Перечисление подобных примеров может быть утомительно для читателей, но оно необходимо для автора, чтобы преодолеть существующее в историографии мнение об отсутствии на приисках Сибири в XIX в. постоянных профессиональных рабочих.

Горнополицейская статистика также свидетельствует о закреплении на приисках постоянного населения. В 1850 г. из 30513 приисковых рабочих Томской и Енисейской губерний (в числе которых было 16,5 тыс. ссыльнопоселенцев) остались на зиму на про-

мыслах 5,5 тыс., в том числе 3380 ссыльнопоселенцев⁵⁷. В 1860 г. в Енисейской губернии из 19666 рабочих на зиму остались 3404 человека⁵⁸. Это были постоянные приисковые рабочие – «вечные таежники». Они сторожили прииски, нанимались на лесоразработки, на зимнюю шурфовку, разведку, на шахтные работы. Их число ограничивалось только сезонной техникой золотодобычи.

Другим процессом, шедшим на рынке труда для золотых промыслов, было постепенное вытеснение ссыльнопоселенцев, замена их представителями полноправных податных сословий – крестьянами, мещанами, инородцами, отставными нижними чинами и т.д. Существенную долю приисковых работников составляли в 1840–1850-е гг. крестьяне из Европейской России – 13,7 % в 1847 г., 26 % – в 1858 г., в том числе от 6,5 до 11,8 % из них составляли помещичьи крепостные крестьяне⁵⁹. Среди российских уроженцев выделялись нижегородцы, работавшие плотниками. В 1850 г. из 5166 «российских» рабочих нижегородцев было 4077 чел.⁶⁰

Золотопромышленность изменила условия функционирования обрабатывающих отраслей промышленности Сибири, усилив спрос на ее продукцию, повысив цены на хлеб, рабочие руки. Главные отрасли – винокурение и солеварение, обремененные излишним количеством каторжнорабочих, стали убыточными и начали переходить в частные руки. С.В. Максимов писал: «...там где казна при крепостном труде получала убытки, частные промышленники, при вольной цене на труд и без увеличения ценности продукта, получали барыши и развили дело на прочных и широких основаниях»⁶¹. Перевод каторжников на оплату по вольным ценам и бесконвойное содержание усилили их заинтересованность в труде, но лишили смысла систему наказания.

Перевод каторжнорабочих на фактическое положение вольнонаемных на части заводов шел в условиях быстрого роста применения наемного труда. Количество работников, занятых на частных заведениях, выросло с 1400 в 1820-х гг. до 1747 в 1850 г. и до 3864 в 1860 г., число судорабочих на те же даты увеличилось соответственно с 10–11 тыс. до 22,5 тыс. и до 32 тыс.⁶²

О профессиональной подготовке наемных рабочих на неуказных мануфактурах и в судоходстве судить трудно из-за отсутствия прямых надежных свидетельств. Вероятнее всего, среди них преоб-

ладали временные неквалифицированные кадры. В этом убеждают примитивность самих производств, жалобы мануфактуристов на текучесть кадров, дефицит обученных работников⁶³.

Специалистов – мастеров по фаянсу, мукомолов, стекловаров, слесарей, механиков, машинистов, винокуров – нанимали, как правило, в Европейской России по контрактам. Судорабочие по-прежнему оставались людьми временными, нередко нанимавшимися на суда, чтобы добраться на место работы – на прииски, рыбные промыслы, стройки. Такие отходники вместо денег платили за проезд трудом. Например, на судне купца Тарасова, шедшем из Томска в Тюмень, в 1849 г. полиция зарегистрировала 10 беспаспортных работников, из которых шестеро возвращались с заработков на приисках и в Томске⁶⁴.

Профессиональными работниками были строители – плотники и каменщики, среди которых значительную долю составляли нижегородцы и владимирцы. Для примера можно указать на контракт строительного подрядчика А.В. Рудакова (из вольноотпущенных крестьян) с крестьянами графини Мамоновой О. и Н. Паршиными, помещицы Свечиной – А.и Ф. Филипповыми из Нижегородской губернии, крестьянами помещицы Левашовой А. и Г. Тимофеевыми, П. Никитиным, А. Анифьевым, государственным крестьянином Г.Г. Сергеевым из Владимирской губернии о найме их на плотничьи работы и каменное строительство в Томской и Енисейской губерниях⁶⁵.

Есть основания полагать, что отношения найма утвердились в это время на лесозаготовках. В местах традиционных лесных промыслов – Туринском, Тюменском, Тарском, Каинском Томском округах крестьянские артели уже нередко попадали в кабалу к подрядчикам и утрачивали самостоятельность. В отчете об обозрении лесов Западной Сибири полковник А. Длатковский описал товарные лесозаготовки на Оми и Таре в Каинском округе, где «самую рубку леса и сплав оного производят преимущественно местные жители сами по себе или по найму подрядчиков»⁶⁶. Подрядные заготовки леса он отметил также по Туре и Тавде, где «рубкою леса по отзыву крестьян занимались их отцы, деды и прадеды»⁶⁷. В Томском округе лесные промыслы по заказам для города, для промышленных заведений велись уже во второй половине XVIII в.⁶⁸ В 1850-х гг. отчетливо обо-

значилась зависимость крестьян-лесопромышленников от подрядчиков. Если ранее в контрактах содержался только пункт об имущественной ответственности заготовителей леса в случае нарушения условий договора, то в контракте купца А.А. Пилясова с крестьянами притомской деревни Зоркальцево указывалось на то, что за долги «волен Пилясов отдать в работу на золотые промысла»⁶⁹.

Пункт о переводе с одного места работы на другое характерен для контрактов с наемными рабочими, а не с вольными подрядчиками.

Известно, что капиталистические отношения глубоко проникли и в феодальную мануфактуру. Историки писали о широком распространении отношений найма на перевозку кладей для кабинетских заводов⁷⁰. Подрядные работы велись при исполнении дорожной повинности, транспортировке казенной соли, хлеба. Наемными работниками являлись те же мастеровые и крестьяне, но по вольным ценам, а не по казенным расценкам (плакату).

Приведенные факты свидетельствуют о преобладании в Сибири в предреформенные десятилетия временных форм наемного труда, при слабом профессионализме работников, переплетении найма с принудительными методами комплектации рабочей силы, ее контрактацией. Наем помещичьих крестьян в Сибири не имел значительных масштабов, как это было в Европейской России⁷¹, но отмечался в золотопромышленности, в строительстве, на промышленных заведениях. Со второй четверти XIX в. наемный труд стал преобладающим в промышленности и на транспорте Сибири. На золотых промыслах, частично и в строительстве сложился слой постоянных профессиональных наемных работников, со своими специфическими потребностями и целями. Это слой работников можно отнести к мануфактурному пролетариату.

2.2. Формирование сибирского отряда рабочих России во второй половине XIX – начале XX в.

Во второй половине XIX – начале XX в. для эксплуатации природных ресурсов региона и утилизации продуктов сельского хозяйства стали строиться промышленные предприятия, сооружаться пути сообщения⁷². Этот процесс породил социальные изменения в

сибирском населении, стал основой для формирования классов индустриального общества. Проведенные в 1970–1980-е гг. исследования доказали, что в Сибири к началу XX в. образовался слой профессиональных наемных рабочих⁷³. С того времени по истории рабочих Сибири серьезных исследований не публиковалось.

Историки указывают на значительную роль в формировании сибирского отряда рабочих выходцев из Европейской России. Однако вопрос о промышленной колонизации Сибири, в отличие от колонизации аграрной, разработан в отечественной историографии слабо. Он поставлен Л.М. Горюшкиным как самостоятельный предмет исследования, им же дан краткий анализ историографии темы⁷⁴. Специально миграция рабочих в Сибирь в конце XIX – начале XX в. рассматривалась в статьях и кандидатской диссертации В.Н. Большакова⁷⁵. Названные исследователи под промышленной колонизацией подразумевали переселение рабочих в Сибирь и на Дальний Восток России и не рассматривали проблему в целом. Представляется, что термин «промышленная колонизация» значительно более сложен. Он включает не только передвижение промышленного населения (наемных рабочих, ремесленников, промышленников-предпринимателей, специалистов), но и правительственную политику в отношении промышленного освоения региона, движение капитала, технологии, динамику размещения индустриальных отраслей производства, оценку экологических последствий промышленной колонизации⁷⁶.

Демографический аспект промышленной колонизации включает как минимум три компонента, необходимых для функционирования промышленных поселений и предприятий. Во-первых, это передвижение на окраину наемных рабочих, что означает перенос рабочей силы, трудовых традиций и навыков; во-вторых, это переселение на окраину предпринимателей, означающее перенос капитала, средств производства, опыта организации производства; в-третьих, это передвижение специалистов (техников, инженеров, служащих), т.е. перенос технологии, методов управления производством. В случае переселения ремесленников все три компонента могут объединяться.

Стоит заметить, что русские в Сибири давно уже коренное, а не пришлое население. Об этом писали публицисты еще в XIX в.: «Надо перестать только смотреть на себя как на пришельцев в Сибирь. Мы давно уже стали законными ее обладателями и туземцами»⁷⁷.

Рассмотрим процесс формирования сибирского отряда рабочих России в пореформенное время. Реформа 1861 г. существенно изменила условия формирования рынка индустриального труда в Сибири, несмотря на отсутствие здесь крепостной зависимости крестьян. Прекращение обязательных отношений освободило 34 тыс. работников кабинетских промышленных заведений, около 3 тыс. работников казенных предприятий – Тальцинского, Тельминского комплексов, солеваренных и винокуренных заводов. Они и стали важнейшим источником для формирования потомственных квалифицированных кадров для сибирской и казахстанской промышленности. Ту же роль играли уральские заводы. Меньшее значение для Азиатской России имела контрактация профессиональных работников из других промышленных центров России.

С ускорением процесса пролетаризации крестьянства, притоком переселенцев и крестьян-отходников из Европейской России роль штрафной колонизации как поставщика рабочей силы в Сибири снизилась. Если в 1860-е гг. более половины приековых рабочих являлись ссыльными, то к 1895 г. – около четверти (табл. 9). Их заменили российские и сибирские крестьяне-отходники. На горные промыслы Сибири и Казахских степей шли отходники из уральских губерний – Пермской, Вятской, Уфимской, поволжских губерний – Нижегородской, Казанской. На стройки нанимались нижегородцы и вятчи. «Можно... сказать, что не только почти вся Западная Сибирь, но и значительная часть Восточной, отстроена топором вятских крестьян – плотников по преимуществу», – писал в своем отчете чиновник переселенческого управления Д. Архипов⁷⁸.

На пароходы и пристани нанимались нижегородские и вятские речники, казанские грузчики-татары. Среди приказчиков Сибири многие были выходцами из России. Так, приказчики Красноярска (250 чел.) были в основном из Владимирской губернии. Из 207 приказчиков Томска, подписавших контракты в 1887 г., 79 были из губерний Европейской России, 128 – из сибирских губерний, в том числе 87 мещан. Из 555 приказчиков Иркутска в 1877 г. местными мещанами были 279, из губерний Европейской России – 36, среди крестьян: из Восточной Сибири – 34, из Европейской России – 20, из купцов: сибирских – 35, из Европейской России – 9. Кроме них было 29 поселенцев, 38 – из семей чиновников, 21 – из политических ссыльных. В общем числе, кроме русских, было 75 евреев, 1 татарин, 4 бурята, 1 тунгус⁷⁹.

Таблица 9

Сословный состав рабочих сибирской золотопромышленности в 1861–1908 гг., чел.*

Сословия		Годы							
		1861	1870	1880/81	1888	1891	1895	1901	1906–1908
Всего учтено рабочих		20278	16498	35680	31919	27520	25480	25820	26342
Крестьян	Абс	9926	9592	17419	13850	14079	13279	16864	15754
	% к итогу	48,9	58,2	48,8	43,3	51,2	52,1	65,3	59,8
Мещан	Абс.	**	**	2746	4512	3029	2680	3132	2683
	% к итогу	**	**	7,7	14,1	11,0	10,5	12,1	10,2
Ссылных	Абс.	10334	6900	11038	10892	7486	7118	5310	886
	% к итогу	51,0	41,8	30,9	34,1	27,2	27,9	20,6	3,4
Аборигенов края	Абс.	2	Неизв	1855	986	860	491	483	221
	% к итогу	–	–	5,2	3,1	3,1	1,9	1,8	0,8
Отставных солдат	Абс	2	Неизв.	1323	1431	1364	1080	***	***
	% к итогу	–	–	3,7	4,5	4,9	4,2	–	–
Прочих	Абс.	14	Неизв.	1299	248	702	832	32	6808****
	% к итогу	0,1	–	3,6	0,8	2,6	3,3	0,1	25,8

* В подсчет вошли: на 1861 г. Прииски Енисейской губернии и Бальджинский прииск Кабинета в Забайкалье (Государственный архив Иркутской области – ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 288. Л. 19–20; Д. 1124. Л. 113); на 1870 г. – прииски Енисейской губернии (ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 1351. Л. 292); на 1880/81 г. – все прииски Сибири, кроме Ачинско-Минусинских и Алтайского округа Кабинета (ГАИО. Оп. 1. Д. 601. Л. 101–151; Д. 629. Л. 118, 119, 190–191, 278, 279, 327–328, 356, 390, 391, 770; ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1959. Л. 260); на 1888 г. – прииски Читинского округа, Енисейской, Иркутской губерний, Якутской области (Памятная книжка Енисейской губернии на 1890 г. Красноярск, 1890. С. 114; ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1539. Л. 173, 182, ГАЧО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 9. Л. 10–19; Д. 11. Л. 3–26); на 1890–1891 гг. (Рабинович Г.Х. Динамика численности и

состав рабочих золотопромышленности Енисейской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Уч. зап. Енисейск. пед. ин-та. 1964. Вып. 7. С. 74; Центр хранения архивного фонда Алтайского края – ЦХАФ АК. Ф. 189. Оп. 1. Д. 3; Государственный архив Читинской области – ГАЧО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 102 Л. 519; ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 1564. Л. 304, 331). В подсчет вошли прииски Северно-Енисейского, Алтайского, Ленского, Восточно-Забайкальского горных округов; на 1895 г. – Ленский, Енисейский Алтайский, Красноярско-Канский округа (Вестник золотопромышленности. 1898 № 11. С. 257; РГИА. Ф. 37. Оп. 44. Д. 1983. Л. 44; ЦХАФ АК. Ф. 160. Оп. 4. Д. 708. Л. 73–74; ГАТО. Ф. 428. Оп. 1. Д. 508. Л. 286, 326); на 1900–1901 гг. – Ленский, Баргузинский, Восточно-Забайкальский, Южно-Енисейский, 5 приисков Северно-Енисейского, прииски системы реки Лебедь Алтайского округа, Карийские прииски Кабинета в Забайкалье (ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1685. Л. 151, 273, 391; *Бересневич И.П.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Томского горного округа. СПб., 1912. Т. 1. С. 196–197; *Внуковский В.М.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Северной части Енисейского округа. СПб., 1905 Т. 2. С. 218, 230, 233, 245, 250; *Фрейман Э.К.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Алтайского горного округа. СПб., 1910. С. 182–183; *Нестеров М.В.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Нерчинского горного округа Кабинета Е.И.В. // Вестник золотопромышленности 1904. № 17–24. С. 433; ГАТО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 326. Л. 185); на 1906–1908 гг. – Якутская обл., Восточно-Забайкальский, Южно-Енисейский, Красноярско-Канский, Алтайский, Нерчинский, Витимский округа (ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1743. Л. 106; ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 292. Л. 14; Ф. 433. Оп. 1. Д. 427. Л. 9–10; ЦХАФ АК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 72. Л. 52; Горные и золотопромышленные известия, 1909. № 23. С. 232, 233; *Тульчинский К.Н.* Восточно-Сибирская горная область в 1907 году. Томск, 1909. С. 27, 110).

*** Учтены с крестьянами.

**** Учтены в числе прочих.

***** Учтен в числе прочих 6391 китаец на промыслах Забайкалья и Алдано-Тимптомского района Якутской области.

Из сибирских губерний наиболее крупным поставщиком наемных рабочих рук была Тобольская. Относительно много работников давали города. В 1870-е гг. до 12 тыс. мещан и цеховых Сибири выбрали паспорта на отхожий промысел⁸⁰. Во второй половине XIX в. заметной на рынке труда стала роль коренных жителей Сибири. Например, в 1879 г. из отходников-рыбаков Тобольского и Тюменского округов 387, или 12 %, были татарами. На Нижнеангарских промыслах из 1,5 тыс. рыбаков 300 были бурятами, 100 – тунгусами, 500 – поселенцами, прочие – из иркутских крестьян и мещан. На приисках инородцы составляли от 2 до 7 %⁸¹. В Западной Сибири из 152218 человек занятых в индустриальной сфере деятельности – ремесле и производстве русские составляли 88 %; 1,8 % – татары; 1,7 % – евреи; 1,6 % – украинцы; 1,2 % – поляки; 0,8 % – казахи; 0,5 % – немцы; 0,4 % – зыряне; 0,3 % – мордва; 0,1 % – латыши и белорусы. Из 24504 человек занятых в транспорте 84,6 % были русскими, 5 % – татарами, 4 % – поляками, 2,3 % – евреями и столько же – украинцами, 1,2 % – казахами. Основной контингент занятых в услужении по найму (101492 чел.) состоял из русских – 87 %, из татар – 5 %, из казахов и украинцев – по 2 %, из поляков – 1 %, из мордвы – 0,6 %, из евреев – 0,4 %, из немцев, зырян и хантов – по 0,3 %, из цыган и самодийцев – по 0,2 %, из белорусов, латышей и пр. – по 0,1 %. Среди занятых лесными промыслами – 19057 чел. 85,5 % были русскими, 9,7 % – татарами, 6,3 % – казахами, 0,8 % – украинцами и поляками. Коренное население составляло основную массу охотников и рыболовов края (21961 чел.). На 26,5 % они состояли из татар, на 26,3 % – из хантов, на 7,7 % – из манси, на 3,2 % – из самодийцев. Русских среди них было 34,5 %, а зырян – 1,4 %, главным образом рыболовов⁸².

В целом по Сибири, судя по данным переписи 1897 г., около 60 % рабочих и прислуги Сибири были местными уроженцами, а 40 % – из других губерний Европейской России⁸³.

В Сибири рост армии наемного труда не сразу обнаружил себя, так как после реформы разрушение феодальных мануфактур шло быстрее, чем образование капиталистических предприятий. В промышленности Сибири в 1861 г. было занято 64,4 тыс. работников, в 1865 г. – 44 тыс. Только с кабинетских предприятий ушли более чем 25 тыс. мастеровых и урочных работников. Не все они остались в промышленности, многие предпочли хлебопашество. В дальнейшем происходил медленный рост числа рабочих в обраба-

тывающих отраслях. В 1895 г. в промышленности Сибири насчитывалось 48,5 тыс. рабочих, в том числе в горных отраслях – 36,7 тыс., в обрабатывающих – 11,7 тыс. (табл. 10).

Таблица 10

**Отраслевая структура наемных рабочих в Сибири
в 1861–1905 гг., тыс. чел.***

Отрасли хозяйства	Годы						
	1861	1865	1875	1885	1895	1901–1902	1905–1907
Обрабатывающая промышленность	17,2	7,9	10,6	12,7	11,7	13,3	25,0
в т.ч. металлургия и солеварение	13,8	4,5	4,7	5,7	3,3	1,5	1,5
Горная промышленность	47,2	36,8	32,9	34,1	36,7	32,8	29,7
Итого промышленность	64,4	44,7	43,5	46,8	48,4	46,1	54,7
Строительство	1,4	2,6	2,1	4,1	76,0	30,0	24,9
Ж.-д. транспорт	–	–	–	0,6	4,8	47,0	104,1
Водный транспорт	32,7	30,0	3,5**	5,5**	13,0	15,0	20,0
в т.ч. пароходство	2,2	2,7	3,5	5,5	13,0	15,0	20,0
Итого транспорт	32,7	30,0	3,5	6,1	17,8	62,0	124,1
Все отрасли	98,5	80,0	49,1	57,1	142,2	138,2	203,6

* Рабочий класс Сибири.. С 115,185. Корректировка числа занятых в водном транспорте сделана на основе подсчетов по ведомостям о судоходстве (РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 81. Л. 66; Д. 107. Л. 57; Д. 105. Л. 58; Д. 83 Л. 158; Д. 97. Л. 181–182.

** Сведений о числе судорабочих на несамоходном флоте нет.

Росло число работников механизированного транспорта. На пароходах их было в 1861 г. – 2,2 тыс., в 1895 г. – 13 тыс. В 1860-е гг. их насчитывалось около 30 тыс. чел. В целом же число речников снизилось за счет механизации сообщения. С 70-х гг. статистика перестала учитывать количество работников несамоходного флота. В строительстве в 1861 г. было занято около 1,4 тыс. работников, в 1895 г. – 76 тыс. В основном они трудились на Транссибирской магистрали. (72 тыс.). Всего в капиталистически организованных отраслях промышленности и на транспорте было занято в 1865 г. – 80 тыс. работников, в 1895 г. – 142,2 тыс. (табл. 10). Кроме того, десятки тысяч наемных рабочих были заняты в сельском хозяйстве, в промыслах, извозе, в мелкой промышленности. Перепись 1897 г. дала сведения о 239,1 тыс. рабочих в Сибири, с учетом данных ведомственной статистики о сезонных рабочих общее число рабочих на 1897 г. составило 363,1 тыс. чел. (табл. 11).

Таблица 11

Численность рабочих Сибири в 1897 г., тыс. чел.*

Отрасль народного хозяйства	По данным переписи 1897 г	С учетом данных ведомственной статистики	
		Абс	% к итогу
Промышленность,	54,5	93,8	25,8
в т. числе добывающая	24,5	27,8	7,7
Обрабатывающая	30,0	66,0	18,1
включая фабрично-заводскую	–	13,9	3,8
Транспорт и связь,	13,1	28,2	7,8
в т.ч железные дороги	6,5	8,9	2,5
Водный транспорт	1,5	13,0	3,6
Связь	0,2	1,3	0,4
Строительство	22,0	78,4	21,6
Лесные промыслы	7,4	7,4	2,0
Рыболовство	2,5	10,0	2,8
Торговля	4,6	10,3	2,8
Сельское хозяйство	135,0	135,0	37,2
Итого	239,1	363,1	100,0
Чернорабочих и прислуги на предприятиях и в учреждениях	66,1		

* Источники подсчета. Первая всеобщая перепись населения. Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и месту рождения. СПб., 1905. С. 12–17; Распределение населения по видам главных занятий и возрастным

группам по отдельным территориальным районам. Табл. XX. СПб., 1905. Т. 4. С. 68–81, 204–225, 328–341, Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1897 году. СПб., 1899; *Андрющенко Б.К.* Обрабатывающая промышленность Сибири второй половины XIX в. // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980. С. 32–56; *Большаков В.Н.* К вопросу о формировании и численности речников в Сибири (1895–1917 гг.) // Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1975. С. 123–143; *Земеров Б.И.* Динамика численности и профессиональной структуры железнодорожников Сибири в период империализма // Из истории Сибири. Томск, 1979. Вып. 14. С. 37, 39; *Коновалов П.С.* Динамика численности строительных рабочих в Сибири в 1897–1917 гг. // Рабочие Сибири в конце XIX – начале XX в. Томск, 1980. С. 128; *Плотников А.Е.* К вопросу об объективных предпосылках классового формирования сибирских рабочих в 1895–1907 гг. // Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1976. С. 24; *Скубеневский В.А.* Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.) Томск. 1991. С. 251; *Соловьева Е.И.* Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981. С. 216.

Особенностью формирования отряда сибирских рабочих была его распыленность и слабая концентрация в промышленности. Замена непроизводительного подневольного труда наемным резко сократила численность занятых на крупных металлургических, солеваренных, винокуренных заводах и на рудниках. Это совпало с дроблением предприятий золотодобычи из-за выработки крупных россыпей и развития мелкой золотопромышленности после выхода устава 1870 г., разрешившего заниматься промыслами лицам всех сословий и с любым капиталом. В 1861 г. в Сибири было 39 предприятий с числом рабочих более 500 на каждом из 416 заведений фабрично-заводской и горной промышленности. Они занимали 50,1 % всех рабочих. В 1895 г. таких предприятий стало лишь 8 (из 1080 общего числа заведений), которые занимали 12,9 % всех работников. В 1861 г. на одно предприятие приходилось 143 работника, в 1895 г. – 40⁸⁴.

Особенностью Сибири было также преимущественно внегородское размещение наемных рабочих, что затрудняло рост их культурного уровня и социального сознания, разобщало их. Но рост концентрации рабочих в городах проявился и здесь. Если в городах в 1861 г. было занято около пятой части всех фабрично-заводских рабочих, то в 1895 г. – треть⁸⁵. Промышленными городами стали Тюмень, Томск, Барнаул, Иркутск, Омск. Города Сибири концентрировали к концу XIX в. более четверти всех наемных рабочих и прислуги, хотя их население составляло всего 8,5 % жителей края. Крупными внегородскими районами размещения рабочих были

золотые прииски Енисейского округа (9,1 тыс. чел.), Олекминский округ – 7,4 тыс. чел.⁸⁶, рыбные промыслы низовьев Оби – 6,5–10 тыс. рабочих в летний период⁸⁷.

В силу отсталости производства, преобладания сезонной занятости в транспорте, строительстве, промышленности закрепление постоянных кадров и формирование фабричного пролетариата в Сибири происходили медленнее, чем в Европейской России, а социальная основа процесса была уже. Однако и в Сибири были факторы, способствовавшие формированию кадров фабричного пролетариата: наличие квалифицированных, потомственных рабочих на дореформенных крепостных и капиталистических мануфактурах, возможность использования готовых кадров фабричных рабочих центра страны.

Прямым показателем формирования постоянных кадров является стаж работы. На крупных заводах и фабриках Сибири во второй половине XIX в. были работники со стажем работы несколько десятков лет на одном предприятии. Б.К. Андрущенко привел такие данные по Чалбугинскому кожевенному заводу в Нерчинском округе, Новоалександровскому, Леонидовскому, Яковлевскому винокуренным заводам, Никольской суконной, Хайтинской фарфоровой фабрикам, Ивановскому стекольному заводу на Алтае⁸⁸. Добавлю, что по 20 и более лет работали рабочие Лугавского промышленного комплекса в Енисейской губернии. По 27 лет имели стаж некоторые рабочие Петропавловского винокуренного завода Давыдовской близ Тары. Н. Костров отмечал, что треть из 3137 работников фабрик Томской губернии в 1878 г. были постоянными. Среди типографских рабочих Томска стаж работы по 7–10 лет был к концу XIX в. обычным. На спичечной фабрике Логинова в Томске рабочие трудились по 8–20 лет⁸⁹.

С.П. Швецов в своем обстоятельном исследовании промышленности Алтая отмечал наличие постоянных кадров на содовом заводе Пранга, хотя видел и подвижность состава работников мелких городских предприятий. Об Ивановском стекольном заводе Платонова и компании он писал: «...его рабочие – типичные заводские рабочие, неспособные ни на какую иную работу, утратившие всякую связь с кормившей их некогда землей; это чистокровные представители того самого заводского пролетариата, наличность которых у нас не всегда признается. Старшее поколение теперешних рабочих завода явилось сюда с заводов Тобольской губернии, куда мастеровые были вывезены с заводов Московского промышленного

района. Таким образом, у современного молодого рабочего завода П. и К^о не только отец, но и дед, даже прадед были такие же стекольные мастера и рабочие, как он сам»⁹⁰.

Перепись 1897 г. учла в Сибири крупные промышленные села – Боровлянское (870 жителей), Никольский поселок (1217), Иткульский завод (943), Вознесенский винокуренный завод (706), Троицкий винокуренный завод (547), Тельминское (2583), Хайтинское (623), Николаевский винокуренный завод (888), Ивановский сахарный завод (1255), Мишелевка (1018)⁹¹. Кроме них были еще десятки более мелких промышленных поселков и заимок.

Сезонность не была непреодолимым препятствием для формирования кадров постоянных рабочих. Так, с притоком на прииски крестьян слой «вечных таежников» временно уменьшился. Особенно на Ленских приисках, где конкуренция среди рабочих была наибольшей, эксплуатация – самой жестокой, а условия труда и быта – тяжелейшими. В 1887–1897 гг. здесь только 18 % горняков работали более трех сезонов подряд⁹². В старых приисковых районах южной зоны Сибири костяк постоянных рабочих сохранился. Сложившиеся кадры приискателей стали одним из факторов быстрого перехода золотопромышленности Томской и Енисейской губерний на механическую добычу. В целом на приисках Сибири пятая часть рабочих к концу XIX в. относилась к постоянным кадрам (табл. 12).

Таблица 12

Закрепление рабочих на сибирских приисках в конце XIX в., чел.*

Губернии и области	Число рабочих	Из них постоянных	
		Рабочих	% к итогу
Томская	5691	3100	54,4
Енисейская	12353	1235**	10,0
Иркутская	1149	58**	5,0
Забайкальская	6786	679	10,0
Якутская	14480	2608	18,0
Итого	40468	7680	19,0

* Источники подсчета: Внуковский В.М. Указ. соч. Т. 1. С. 440; Корнев Е.Н. Очерк санитарно-экономического положения рабочих на золотых приисках Витимско-Олекминской системы Якутской области. СПб., 1903. С. 32, 163, 169; Рабинович Г.Х. Указ. соч. С. 70; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1895 году. СПб., 1897. С. 73–160; ГАИО. Ф. 135 Оп. 1. Д. 276. Л. 4.

** Указан зимний контингент рабочих.

Есть основания полагать, что такой подсчет снижает уровень профессионализма приискателей. Среди 155 соискателей пенсий в Обществе вспомоществования больным и увечным рабочим и служащим Томской горной области только 5,4 % имели стаж менее 5 лет⁹³.

Закрепление постоянных кадров, несмотря на сезонность, шло и в других отраслях – рыбопромышленности и судоходстве, в лесных промыслах. Приведу примеры по каждой отрасли. Н.В. Кириллов, описывая в 1885 г. Нижнеангарские рыбные промыслы, отмечал, что из полутора тысяч работников немало кадровых рыбаков. Из бурят «старики ходят ныне по 30 лет сряду и более с самого детства, вообще, кто занялся рыболовством, уже не находит или не ищет других занятий на лето, есть, однако, некоторые и в 1-й, во 2-й раз, но таких не более 50–60 человек из более взрослых (т.е. шестая часть)». Далее он пишет о русских: «Равно как буряты, русские работники и работницы очень часто стареются на рыбной ловле: как начинают ходить сюда с детства, так являются и до старости»⁹⁴.

То же говорили современники о речниках Сибири. Некто Ф. Г-н (видимо, Фердинанд Грауман, управляющий Лензото), путешествуя по Лене, нашел, что на Воронцовской пристани «капитаны, их помощники и механики, почти все из простых рабочих, кочегаров, ходивших до этого по 10–20 лет на судах Ленской К⁰ во всевозможных обязанностях рабочего»⁹⁵. К концу XIX в. на всех бассейнах Западной Сибири 65 % речников имели стаж 3 и более года, треть из них составляли потомственные речники⁹⁶.

Что касается лесорубов, то можно считать профессионалами работников старых лесозаготовительных районов – по Таре, Туре, Тартасу. П. Степанов, путешествуя по Каинскому округу, отметил, что в д. Сибирцевой «почти все мужское население поголовно ходит зимою по найму или на вырубку леса, или же на вывозку его из урмана...»⁹⁷.

В целом по Сибири о числе постоянных рабочих представление дает перепись 1897 г., которая проводилась зимой и регистрировала характер главных и побочных занятий по показаниям самих работников. Она зарегистрировала 305 тыс. рабочих и прислуги, в том числе в индустриальной сфере – 90 тыс. чел. (см. табл. 11). Вероятно, они и являются профессиональными наемными рабочими, если себя считали таковыми, а не крестьянами или мещанами на заработках. Рабочих фабричного типа в крае было около 25–30 тыс.

Среди наемных рабочих преобладали молодые, неграмотные, малоквалифицированные мужчины.

Низкая грамотность сибирских рабочих определялась изначально безграмотностью населения Сибири. Если в Европе середины 80-х гг. XIX в. учащиеся в общей численности населения составляли 12,3 %, а в России – 1,29 %, то в Сибири – 0,38 %⁹⁸. В 1863 г. грамотных среди мещан Енисейской губернии насчитывалось 21,7 %, среди ссыльных – 2,1 %, среди крестьян – 1,3 %, из аборигенов – 0,2 %, в среднем по губернии – 2,2 %. Женщины были грамотны на десятые доли процента. Горожане имели грамотность на уровне 15,3 %, приисковое население – 15,1 %, жители Троицкого солеваренного завода – 6,1 %⁹⁹.

Более высокая грамотность промышленного населения, чем аграрного, определялась не только нуждой в образованных людях на производстве, но и более высоким культурным уровнем работников, их заботой об обеспечении будущего детей. В каждом промышленном селе, на крупных приисках действовали школы. Заводское население грамотностью превосходило городское. Так, половина рабочих Гурьевского завода была грамотна. Из 69 контрактных работников Колыванской шлифовальной фабрики 25 сами подписали договоры о найме. В 1874 г. грамотным был каждый четвертый житель Николаевского железодельного завода. В 1878 г. из 1316 мужчин с. Усолъе (Иркутский солеваренный завод, спичечная фабрика) грамотными считались 402, малограмотными – 278, учились грамоте 65 детей, каждая четвертая селянка также разумела грамоте¹⁰⁰. По данным переписи 1897 г. мужчины в Сибири владели грамотой на 17,9 %, работники – на 35,95 %, женщины – на 4,8 %, работницы – на 18,48 %. Наиболее грамотными были приказчики – 100 %, типографские работники – 90 %, работницы – на 50 %, затем шли фабрично-заводские рабочие, транспортники. Средний показатель грамотности сибирских рабочих заметно уступал их собратьям в Европейской России – 36 % против 57,8 %¹⁰¹.

Тяга рабочих к самообразованию была необыкновенной. Молодые рабочие и работницы посещали воскресные школы, кружки самообразования, занимались самостоятельно, читали книги. Вот портрет одного из таких рабочих – Ивана Осиповича Селезнева, ремонтника с разъезда Предтеченск под Томском: «Селезнев все свободное время пропадал в библиотеках, уезжал для этой цели в Томск. Получая один рубль в день, он значительную часть своего

заработка тратил на книги и журналы. Селезнев поражал всех своей начитанностью и умением декламировать стихи, пользовался большим влиянием среди рабочих, которые звали его студентом... он имел колоссальную память и увлекался лингвистикой, изучая английский, немецкий и французский языки, наконец он увлекся языком эсперанто и изучил его настолько, что он свободно говорил на нем и вел большую переписку с эсперантистами разных стран». Кроме того, он увлекался философией, в рабочих кружках выступал как лектор. Умер он в Париже, будучи редактором журнала эсперантистов»¹⁰². Понятно, что таких рабочих было немного, но пример их был заразительным.

Среди малограмотных, воспитанных в покорстве сибирских рабочих была сильна вера в справедливость высших чинов и царя. Эта вера проявлялась в прошениях на высочайшее имя и министрам. Например, зыряновские горняки, жалуясь на свое горькое положение, писали: «Трудно допустить, чтобы такой режим был желателен для августейшего владельца; скорее всего, положение, в которое поставлен заводоуправлением рабочий ему неизвестно»¹⁰³.

Среди рабочих ходили слухи о якобы утаенных начальством царских манифестах о милостях простому люду, они охотно подписывали телеграммы во здравие императора, организованные заводским начальством, пили водку в день тезоименитства царских особ и юбилеев своего начальства, принимали в награду кафтаны. Из таких примеров можно составить идиллическую картину взаимоотношений рабочих с властями и хозяевами.

Современники, однако, куда чаще приводили примеры социальной розни и напряженности. Особенно часто доставалось от рабочих служащим. Рабочие называли их между собой не иначе как ругательно – «духами», «собаками», «причандалами». Атмосфера промышленных предприятий была пропитана враждой. Корреспондент «Сибирской газеты» писал со спичечной фабрики Ворожцова в Томске: «Каковы отношения между хозяином и рабочим видно из того, что хозяин на фабрику никогда не ходит один и без револьвера»¹⁰⁴. На приисках, по мнению одного из управляющих, «даже собаки разделяются на два лагеря»¹⁰⁵. Мордобой на промышленных предприятиях был явлением обычным. Побить «красную рожу» служащего почиталось доблестью. Среди служащих также ценились умелые бойцы.

У рабочих отмечалось понимание общности интересов, артельная солидарность. Защита товарищей, своего достоинства была нередко

единственной причиной протеста. Современники не раз отмечали примеры самопожертвования, честности, бескорыстия рабочих в отношениях друг с другом, сочувствие к товарищам. Начальству почти никогда не удавалось добиться приговора артельной расправы над провинившимся рабочим. Так, современник наблюдал дружелюбие и солидарность в разношерстном двухтысячном коллективе рабочих Николаевского железодельного завода¹⁰⁶.

Предания горняков бережно хранили рассказы о бунтарях – братьях Белоусовых, Печенкине, Пальникове. Любимыми героями приисковых рассказов были ловкие спиртоносы, фартовые «копачи», удачливые беглецы¹⁰⁷.

Состав рабочих был разнороден, поэтому трудно составить единый психологический портрет рабочих той поры. Одни, пройдя через острог, конфликты с хозяевами, поднимались до понимания общности интересов всех тружеников, такими, например, были вожаки бунта на приисках Барташева, обвинившие в несчастьях рабочих весь строй золотопромышленности¹⁰⁸, артельный староста Кондратий Фамильцев, возглавивший забастовку рабочих на Ононских приисках бр. Сабашниковых в 1873 г.¹⁰⁹

Другие рабочие искали лишь своей доли. Этот тип рабочих давали уголовная ссылка, выходцы из деклассированных слоев. На приисках их называли «отпетыми» или «иванами». Обладая отчаянной смелостью, незаурядной физической силой, выработанной в уголовной среде спайкой, слой этих рабочих был активен, умел и ладить с начальством, и поднимать рабочих на выступления против хозяев. Чаще же такие рабочие, сживаясь с окружающей обстановкой, составляли консервативную массу. Хозяева находили способы их подкупить, выделяя в «лучшие артели» с большим заработком, ежедневными «сотками» водки, превращая «отпетых» в свою опору на прииске. Из этой среды вышли многие служащие, промышленники. Впечатляющей выглядит карьера управляющего Лензото И.Н. Белозерова, начавшего карьеру рабочим-золотничником, в котором природный ум и техническая сметка сочеталась с жесткостью и холодным расчетом.

Немало в Сибири было и тружеников, забитых и приниженных настолько, что они не смели даже жаловаться. Фатализм, безысходность были их уделом. Современников поражал «безнадежно презрительный» взгляд части приисковых рабочих на себя как на шпану, пропавших людей¹¹⁰. Фатализм этот, однако, не выражался в

религиозности. В Сибири труд священников пропадал зря. И без того малорелигиозный русский мужик в Сибири, где сеть культовых учреждений была слаба, а местами совсем отсутствовала, терял остатки веры в церковного бога, чаще поминая его вместе с его ма-тушкой и архангелами в тяжкую минуту, облегчая душу скверно-словием. Начальник Томского губернского жандармского управле-ния в 1890 г. с тревогой писал в отчете, что «среди населения заме-чается отсутствие религиозности»¹¹¹. Горные исправники и инже-неры в отчетах указывали, что приисковые рабочие к церковным праздникам относятся равнодушно, десятками лет не бывают у ис-поведи. Вместе с тем презрение к официальной религии нельзя отождествлять с атеизмом. Вера в бога оставалась в упрощенном виде, господу отводилась роль покровителя, адреса для слов благо-дарности в случае удачи или проклятий в тяжелый момент.

Рабочие Сибири не только по своей психологии, поведению, но и по внешнему виду выделялись из деревенского окружения. Осо-бенно отличались щеголеватостью, лоском, стремлением выглядеть культурно и говорить красиво приказчики. Они сосредоточивались первоначально только в городах. В 1860-е гг. их было до 4 тыс., а к концу XIX в. – до 10 тыс.¹¹² К этому времени патриархальные от-ношения между хозяевами и работниками нарушились. Приказчики имели меньше, чем прежде, шансов завести свое дело, стать хозяи-ном. Так, из 69 соискателей на места продавцов в винных лавках Томска, давших сведения о стаже работы в торговле, от 1 года до 4 лет приказчиками работали 35 чел., 5–9 лет – 18, 10–19 лет – 14, 20 лет – 2 чел. Продавцом хотел стать 131 соискатель, в том числе 18 профессиональных приказчиков, 39 – служащих, 33 – крестьян, 11 – рабочих, 10 – домохозяек, 20 – бывших торговцев. Позднее хозяином лавки стал только один из них – И.И. Скубневский¹¹³. Легенды и рассказы о разбогатевших приказчиках поддерживали общий настрой надежды на лучшие времена. Некоторые приказчи-ки реализовали свои мечты только в период НЭПа. Разочарование в надеждах кончалось для приказчиков пьянством и самоубийством. Так, застрелившийся в 1888 г. томский приказчик Т.П. Волков ос-тавил записку следующего содержания: «Не могу видеть, когда один другого эксплуатирует. XIX век продажный прогрессивно безнравственный»¹¹⁴.

Промышленные села отличались скудостью пашен и малым числом хозяйственных построек. В газете «Сибирский вестник» из

с. Колывань корреспондент сообщал, что местные «походили скорее на городских жителей, чем на обывателей и заводских рабочих»¹¹⁵. Д. Поникаровский отмечал, что рабочие Гурьевского завода отличались высокой грамотностью, квалификацией, привычкой одеваться и даже «по бледному лицу, неразвитой груди и сухопарому телосложению», которые выработались годами тяжелого труда. Рабочие Гавриловского завода выделялись из крестьянского окружения городским платьем, лоском в обращении и походке, в манере говорить. Красноречива характеристика горняков Салаирского рудника: «Салаирцы большею частию роста среднего, лицо имеют суровое не улыбающееся, холодны, как тот камень, который приходится им долбить, большею частию молчаливы, сосредоточены, но остроумны; мускулы имеют крепкие, упругие, особенно в руках, чисто стальные; телосложение имеют хотя и сухопарое, но крепкое; цепки, как кошка, на ногу легкие; сметливость, ловкость и находчивость во время опасных работ – также качества, не чуждые салаирцам»¹¹⁶.

Предместья городов при всей схожести с деревнями от таких отличались поведением и обычаями обитателей. Вот как характеризует жителей Рабочего предместья Иркутска, образовавшегося на месте работного дома начала XIX в., современник: «Здесь обыватель религиозен, гостеприимен, прост, отзывчив к горю ближнего, чуток ко всякому проявлению общественной и частной инициативы и страстно любит свое «Рабочее». Молодежь, хотя и грубовата, но умна, способна, схватывает знания на лету и стремится к ним»¹¹⁷. Другой наблюдатель отрицает религиозное рвение рабочедомцев, однако в остальном его мнение не отличается от предыдущего¹¹⁸.

Процесс формирования индустриального пролетариата в Сибири был ускорен в конце XIX – начале XX в., с проведением Транссибирской магистрали. Этот сюжет хорошо изучен в литературе, поэтому достаточно назвать наиболее существенные результаты индустриального скачка Сибири на рубеже XIX–XX вв.

Штрафная колонизация перестала играть заметную роль в формировании ресурсов рабочей силы. Возросло значение промышленной колонизации. Поток отходников, командированных, законтрактанных, вольных специалистов хлынул на промыслы Сибири, стройки, пристани, каменноугольные копи. По подсчетам В.Н. Большакова, в Сибирь прошли в 1905 г. 20 тыс., в 1900 г. –

26 тыс., в 1902 г. – 45 тыс. искателей заработка¹¹⁹. В начале XX в. доля выходцев из Европейской России составляла в Сибири среди железнодорожников 80 %, водников – 60 %, фабричных – 50 %, горных – 30–40 %, строителей – 50–75 %¹²⁰. Новым элементом стало привлечение рабочих рук китайцев и корейцев.

В начале XX в. стало фактом образование на фабриках и заводах слоя кадровых, частью потомственных рабочих, становление системы профессионального образования.

Произошли изменения в структуре занятости. Увеличилось число рабочих в механизированном транспорте и в фабричных заведениях. Иным стало и размещение рабочих. Большая их часть – до 200 тыс. сосредоточилась в полосе железных дорог¹²¹. Города стали центрами концентрации индустриальных рабочих. К 1905 г. в Тюмени насчитывалось их до 5080 чел., в Кургане – 1600, в Омске – 5718, в Новониколаевске – 2200, в Томске – 5328, в Барнауле – 3400, в Красноярске – 3700, Иркутске – 1200, Чите – 2000 чел.¹²² В железнодорожных депо работали в 1904 г. 12,2 тыс. металлостов. Это были представители наиболее образованного, развитого и зрелого в социальном плане профессионального слоя рабочих России.

Наиболее разобщенным отрядом сибирских рабочих остались горнорабочие, рассеянные по тайге. Относительно компактно они размещались на Витимско-Олекминских промыслах – 6,2 тыс., в Енисейской тайге – 3,4 тыс., в Томской губернии – 5 тыс. Возникли новые центры сосредоточения горняков – Анжеро-Судженские (2 тыс. рабочих), Черемховские (3,3 тыс.) каменноугольные копи¹²³. Временные скопления рабочих образовывались на рыбных промыслах: в низовьях Оби – до 10 тыс. чел., в Нарымском Приобье – до 0,6 тыс. чел, в низовьях Енисея и Лены – до 0,4 тыс. чел., на Байкале – до 2,5 тыс. чел, на оз. Чаны – до 2 тыс. чел.¹²⁴

Распад крупного мануфактурного производства в начале XX в. был уравновешен ростом фабричных предприятий. С этого времени механизированные заведения стали определять динамику роста и состава кадров промышленных рабочих Сибири (см. табл. 10). На рубеже веков в Сибири произошли кардинальные перемены в структуре местного отряда работников наемного труда. Рабочие и прислуга в Сибири составляла 4,6 % общей их численности в Российской империи, 5,3 % общей численности населения края. Это в два раза меньше, чем в среднем по Европейской России – 11,1 %¹²⁵. Рабочие Сибири являлись малой долей населения обширной ок-

раины, были чрезвычайно разобщены гигантскими расстояниями, малоразвиты в культурном плане. Они представляли собой пестрый конгломерат, разделенный по национальности, сословности, роду занятий, втянутости в индустриальную сферу. Осознание себя как особого класса населения у многих еще не состоялось. Вместе с тем быстрое развитие края, ошеломляющие перемены в условиях жизни, социальный опыт и настроения рабочих, прибывших из индустриальных центров страны, способствовали росту классового самосознания и консолидации.

2.3. Управляющие и служащие

Одной из наименее изученных страниц истории индустриальной истории России, Сибири в том числе, является история российских служащих и менеджеров¹²⁶. Из них только А.И. Путилов удостоился внимания исследователей¹²⁷. Что же касается сибирских управляющих крупными торгово-промышленными делами, то их роль в истории экономики практически не отражена. Из менеджеров истории вспомнили управляющих Лензото¹²⁸. На доверенных и приказчиков как на серьезный источник формирования крупной буржуазии обратил внимание Г.Х. Рабинович¹²⁹. Ряд выдающихся организаторов горного производства в связи с их научной и технической деятельностью назвал В.А. Обручев¹³⁰. Остались в истории имена организаторов горного дела в Алтайском и Нерчинском округах Кабинета¹³¹. О некоторых управляющих можно узнать из некрологов в газетах и журналах¹³². П.Д. Баллоду и П.И. Пальчинскому посвящены отдельные книги, но не как менеджерам, а как общественным деятелям¹³³. О В.С. Реутовском и П.И. Пальчинском специальные статьи написаны мной¹³⁴. О служащих на горных промыслах написана статья Д.А. Стрельниковым¹³⁵. В настоящей работе проблема изучения истории кадров управленцев индустриального производства будет лишь поставлена.

Известно, что профессиональные управляющие капиталистических предприятий появляются на достаточно высоком уровне развития производства, когда предприниматель лично уже не в состоянии организовывать и контролировать все дело из-за его масштабов и сложности. Тогда он передает часть или все свои организаторские функции наемным специалистам – менеджерам. Раньше всего такие профессионалы появляются на государственных пред-

приятнях, где собственность не персонифицируется, а функции распоряжения от нее отделены изначально. К этому же приходит кооперативный капитал – паевые или акционерные компании. Необходимость передоверять функции контроля и управления наемным лицам возникает в крупных торгово-промышленных и транспортных фирмах, действующих на больших территориях, в комбинированных предприятиях и т.д. Прибегать к услугам наемных профессионалов семьям собственников приходится также и по чисто житейским обстоятельствам, когда никто из владельцев дела не может заменить прежнего его главу.

Сибирь, как и вся страна, первых профессиональных управляющих в сфере индустрии получила в лице приставов казенных предприятий – винокурен, солеварен, суконных мануфактур, рудников и заводов Кабинета. С XVIII в. школой управления, из которой позднее вышли многие сибирские предприниматели, стали винные откупа и соляные комиссионерства, построенные на системе доверенных по различным операциям. Институт доверенных утвердился также в крупных фирмах, торгующих чаем, мануфактурой, в транспортных фирмах.

На золотых приисках, возникших в 20–30-е гг. XIX в. в виде крупных централизованных мануфактур, главноуправляющие, управляющие, доверенные агенты стали главными фигурами организации промыслов. Это диктовалось изолированностью предприятий от жилых мест, автономностью существования промыслов в глухой тайге, необходимостью организации снабжения, создания системы коммуникаций. Компании создавались как тресты с разветвленной структурой производства, транспорта, жизнеобеспечения. Для управления такой системой требовалась сложная иерархия управленцев из директора-распорядителя, главноуправляющего, управляющих приисковыми дистанциями (группами), управляющих отдельными промыслами, смотрителей шахт и разрезов, станowych, материальных, комиссионеров по найму рабочих, доверенных на базах снабжения – резиденциях, заведующих транспортными конторами, агентов-заготовителей и т.д. Служащие составляли от 5 до 15 % от числа рабочих в зависимости от масштабов и типа производства. На крупных приисках с «правильными» хозяйскими работами процент служащих был ниже, на золотничных приисках – наиболее высок. Так, на приисках Витимско-Олекминской тайги в 1897 г. на 19015 рабочих было 1014 служащих, или 5 %, а на Королонских приисках Я.Д. Фризера в 1903 г. на

481 рабочего приходилось 86 служащих, или 15 %¹³⁶. В среднем же служащие составляли 10–12 % общего приискового персонала.

В обрабатывающих отраслях управляющие появились, прежде всего, на мануфактурах и фабриках со сложным производством, управлять которыми владельцы сами не могли, потому что их основным занятием обычно была торговля. Это – винокурение, пивоварение, мукомольные, фарфоро-фаянсовые, стекольные, рыбоконсервные заводы. Нередко на таких заводах функции управляющих и главных специалистов (винокуров, пивоваров, механиков, технологов, засольщиков) совмещались.

Позднее, чем в других отраслях хозяйственной деятельности, сформировался слой наемных управленцев в механизированном транспорте – на железных дорогах и в пароходстве Сибири. Здесь в конце XIX – начале XX в. был большой спрос на инженеров-путейцев. Транспортные служащие были сосредоточены в основном в управлениях в Томске (Сибирская ж.д.), Томский округ путей сообщения) и Иркутске (Забайкальская ж.д.), в конторах транспортных фирм.

Слой профессиональных управленцев в Сибири был невелик, счет вряд ли может идти на тысячи, скорее – на сотни человек. Число крупных предприятий в Сибири в XIX – начале XX в. не превышало 1000–1500, даже если добавить управляющих товариществ и торговых домов, несколько десятков управляющих казенными заведениями, и не все из них управлялись наемными людьми. С усилением концентрации производства число управляющих снижалось, но росло число управленцев на казенных предприятиях. Косвенно это подтверждает податная статистика. В 1912 г. число приказчиков первого класса в торговых заведениях 1-го разряда и промышленных заведениях 1–3-го разряда в Сибири насчитывалось всего 600 чел.¹³⁷ Число работодателей для менеджеров в Сибири – крупных капиталистов было также невелико – 1300–1400 чел.¹³⁸ Многие из них руководили предприятиями лично. Только подсчеты по отраслям могут дать точное число управленцев. В разных отраслях доля наемных управляющих была различной. Так, из 48 винокуренных заводов Сибири 43 работали под руководством наемных менеджеров, а из 129 крупнейших золотопромышленных компаний только 14 имели наемных управляющих¹³⁹.

Управляющие частными фирмами происходили из самых разных сословий. Управляющие казенными заводами являлись обыч-

новенно дворянами, имевшими чины не ниже 10-го класса – поручика или гиттенфервальтера. На предприятиях кабинета они происходили из горнозаводских служителей (К.Д. и П.К. Фроловы, И.И. Ползунов, Ф.В. Стрижков, Д.Ф. Головин, И. Денисов, П.Г. Ярославцев, П.М. Залесов, М.С. Лаулин, Черницины, Вяткины, Колычевы, Маюровы, Головачевы, Таскины), из фрейбургских или остзейских немцев (А.В. Беэр, Генин, И.С. Христиани, И.Г. Улих, И.Г. Ренованц, И.И. Эллерс, А.А. Ирман, К.К. Бар, А.Р. Гернгросс, Ф.Ф. Риддер и др.). Винокурами на треть работали польские евреи, пивоварами – австрийцы и баварцы, капитанами пароходов – англичане.

В торговых заведениях часто управляющими и служащими были земляки и родственники хозяев. С.Я. Елпатьевский, описывая фирму красноярских купцов Гадаловых, отметил, что у них все приказчики и пароходная администрация состояли из земляков-владимирцев: «из детей родственников, свойственников, кумовьев, однодеревенцев, по прохождении обычного курса «мальчиками» при лавке или при конторе, формировался штат служащих в многочисленных гадаловских предприятиях – и приказчиков, и счетоводов, и капитанов, и машинистов». Одни уходили, открывая свои дела, другие их заменяли из «неистощимого запаса подходящих владимирских людей»¹⁴⁰.

Многие всю жизнь трудились наемными управляющими. Так, П.Ф. Кочнев (1855–1939 гг.) 40 лет работал в пароходствах: был с 1869 по 1874 г. «мальчиком», затем – доверенным и материальным приказчиком с 1874 по 1882 г. у купца Н.А. Тюфина, с 1883 по 1894 г. – управляющим у барнаульского купца М.Е. Функа, одновременно – у тобольского купца И.Н. Корнилова (1886–1900 гг.), с 1900 по 1919 г. – управляющим у купца М.Д. Плотникова¹⁴¹.

Различен был и материальный статус управляющих и служащих. Чиновничьи фуражки телеграфистов и внешний лоск приказчиков мало маскировали их почти пролетарское положение, а директора-распорядители крупных фирм находились в рядах крупной буржуазии. В среднем служащие были люди небогатые. Положение служащих на приисках было немногим лучше, чем у рабочих. Холостые жили в общежитиях по несколько человек в комнате, женатые – в отдельных квартирах. Содержание и жалование служащих было предметом зависти и ненависти чернорабочих, но чаще всего они были ниже заработков квалифицированных специалистов –

драгеров, машинистов, механиков, получавших в год 1000–1200 руб. Управляющие средних компаний получали, по сведениям окружных инженеров, от 3 до 10 тыс. руб. в год, в крупных компаниях – от 10 до 18 тыс. руб. годового жалования. Кроме того, менеджеры крупных компаний имели акции, паи управляемых предприятий, получали премии (тантъемы). Так, главноуправляющий Южно-Алтайским золотопромышленным делом А.Е. Горст имел 2 из 100 паев компании, управляющий Приамурского золотопромышленного товарищества купец И.И. Мамонтов – 2 пая из 93, распорядитель Восточно-Сибирского золотопромышленного товарищества С.П. Дубровский – 4 пая из 100 и т.д.¹⁴² Больше других сибирских менеджеров получал управляющий Лензото И.П. Белозеров, который кроме жалования в 36 тыс. руб. получал еще в год 90–100 тыс. руб. попудных денег¹⁴³. Управляющие казенными заведениями получали оклады по 2–6 тыс. руб. в год. Реальные их доходы были выше за счет казнокрадства, о котором в XIX в. газеты писали как о факте, не требующем доказательства¹⁴⁴. В.В. Ведерников, изучая управление 'Алтайскими горными заводами, сделал вывод, что «горная элита взимала с общества и государства монопольно высокую плату за низкое качество управления...»¹⁴⁵.

Весьма сложной проблемой является изучение социально-психологического облика сибирских управленцев. В литературе и газетах, кроме казнокрадства кабинетских чиновников и корыстолюбия доверенных, обкрадывавших доверчивых хозяев, жестокости и невежества приисковых служащих, об этом мало что сказано. Вряд ли негативный портрет верен. Многие приисковые служащие стремились к самообразованию, активно участвовали в общественной жизни, скрашивая скучный таежный досуг.

Судя по немногим воспоминаниям, обобщенный портрет сибирского менеджера тех лет включал такие характеристики, как огромную работоспособность, целеустремленность, организаторский дар, здравый смысл и отменное здоровье. Так, для П.Д. Баллода организация дела была родной стихией. Студентом он организовал тайную типографию в Санкт-Петербурге для печатания прокламаций, в Александровском центре был старостой и организатором откорма свиней, мыловарения, изготовления свечей, что позволило каторжанам жить получше, по выходу на поселение несколько лет руководил партиями по поиску золота, управлял Александроневским прииском Лензото, 11 лет заведовал одной из крупнейших

в России Ниманской золотопромышленной компанией, затем организовал свое дело¹⁴⁶.

Кстати, политических ссыльных сибирские предприниматели охотно брали в систему управления на прииски и заводы за их грамотность и честность.

Образовательный ценз управляющих был различен, но известно, что большинство управляющих горными заводами и промыслами были специалистами своего дела, имевшими соответствующее образование. Кабинетские управленцы, как правило, были выпускниками немецких горных учебных заведений, а затем – Горного института в Санкт-Петербурге. Среди кабинетских управленцев были крупные ученые – К.Д. Фролов, И.И. Ползунов, П.П. Аносов, А.Ф. Кублицкий-Пиоттух, теплотехники М.С. Лаулин, П.М. Залесов, геологи – И.Д. Озерский, Ф.Ф. Риддер, И.М. Ренованц, В.С. Реутовский, изобретатели золотопромышленных машин – И. Разгильдеев, К.А. Кулибин, писатель А.А. Черкасов¹⁴⁷.

Кроме горных инженеров, в Сибири было некоторое число инженеров-технологов, а с организацией железнодорожных управлений и Томского округа путей сообщений появились инженеры-путейцы. Общее число технических специалистов с высшим образованием в дореволюционной Сибири едва ли превышало две-три сотни.

Немногим больше было лиц со специальным техническим средним образованием. В 1910 г. в Сибири было 1 горное, 7 коммерческих, 4 технических, 3 железнодорожных училища с 1380 учениками¹⁴⁸. За годы своего существования они дали не более тысячи выпускников. Профессиональных училищ в Азиатской России было меньше, чем в одной Вятской губернии.

В этих условиях на руководящих постах сибирских предприятий находились в основном практики, не обремененные дипломами и свидетельствами, награжденные нередко природой умом и сметкой. Таким был управляющий Лензото И.П. Белозеров. Но уже в те далекие времена специалист с дипломом при столкновении интересов выигрывал у практика. Это наглядно продемонстрировал конфликт в управлении Лензото. И.П. Белозеров видел путь повышения доходности компании в интенсификации труда, в экономии на механизмах, в хищнической выработке наиболее богатых россыпей, в поддержании полицейского режима на приисках. Л.Ф. Грауман был инициатором механизации производства, элек-

трификации промыслов, был сторонником планомерных разведок и сотрудничества с рабочими. В 1901 г., по требованию Государственного банка, предоставившего Лензото кредит, И.П. Белозеров сменил либерального Л.Ф. Граумана на посту главноуправляющего. Белозеровские методы дали временный эффект, огромные дивиденды акционерам и привели к грандиозной Ленской стачке 1912 г. Расстрел рабочих оборвал карьеру И.П. Белозерова и обозначил банкротство капитала первоначального накопления. «Лензото» вновь возглавил Л.Ф. Грауман.

В исторической литературе совершенно односторонне показывается такой непростой сюжет, как взаимоотношения рабочих и служащих. Альтернативой классовой вражде и ненависти на сибирских предприятиях была патриархальность отношений. Отец-управляющий был последней инстанцией, к которой обращались рабочие в случае конфликтов со служащими, в случае беды или нужды. Взамен этого управляющий мог рассчитывать на безотказность рабочих в экстренных обстоятельствах, на их терпение и доверие. Менеджер обязан был учитывать интересы двух сторон – и рабочих, и собственников, не забывая своей пользы. Контрактные условия с рабочими нарушались в редких случаях. В короткий промысловый сезон потеря времени несла убытки всем сторонам. Рабочие хорошо различали плохих и добрых управляющих, нередко помогая хозяевам избавляться от нечистых на руку служаков. Печальную память оставили о себе И.Н. Белозеров – Лензото, С.И. Серебренников – Прибрежно-Витимская компания, И. Разгильдеев – Нерчинские прииски, оберкригсшталмейстер Новицкий – Иркутская казенная мануфактура, управляющий Зырянским рудником Бастрыгин и др. Следует сказать, что крепостнические, жестокие способы управления рабочими постепенно изжили себя к концу XIX в., как по причине сопротивления рабочих, так и по своей экономической неэффективности.

Патриархальные отношения на предприятиях, основанные на неписанных традициях, заменяли правовые нормы при решении трудовых споров, смягчали атмосферу вражды и жестокие нравы тех времен. Чувства были искренними с обеих сторон, что можно продемонстрировать на следующем примере. 24 июня 1887 г. на Неожиданном прииске Южно-Алтайского золотопромышленного Дела торжественно праздновался юбилей уполномоченного Ивана Егоровича Горста. Корреспондент «Сибирского вестника» сооб-

шал: «Принимая от служащих адрес в присутствии всех рабочих, г. Горст был глубоко тронут. Со слезами на глазах благодарил рабочих за добросовестное выполнение контракта, а служащих за содействие. При этом г. Горст выпил за здоровье рабочих, чокнувшись с артельными старостами». В адресе же писалось: «Милостивейший государь Иван Егорович! Сегодня, по случаю дня Вашего рождения, позволяем себе принести наше искреннее поздравление и выразить Вам глубокую признательность за Ваше честное отношение к нашему труду. Ваше бескорыстие и желание быть полезным каждому известно всем, мы считаем за особую честь служить под началом Вашим, и нам остается одно – молить Бога, чтобы он продлил Вашу долгую жизнь на многие лета»¹⁴⁹.

Малоизвестно, что организаторами крупнейших сибирских промышленных предприятий были вовсе не их владельцы, а управляющие и доверенные. Славу крупнейшего в России «Ленского золотопромышленного товарищества» создали не Баснины и Катышевцевы, не Гинцбурги и Мейеры, а Иван Федорович Шмотин, В.П. Таюрский, Рухлов, Андрей Густавович Фохт, К.Ф. Пеньевский, М.С. Купенков, Леопольд Фердинандович Грауман, А.К. Кокшаров, И.Н. Белозеров, Л.А. Перре, В.Н. Журин, А.М. Малоземов, Исаак Давидович Красносельский. «Компания промышленности в разных местах Сибири» обязана своими успехами Беклемишеву, Н.Н. Стрижову, И.Е. Горсту, Василию Яковлевичу Кокоулину, Алексею Ивановичу Шамарину, компания Д. Бенардаки – Николаю Петровичу Аносову, Ниманская компания – А.М. Шестакову, М.М. Краевскому, М.Ф. Пантелееву, П.Д. Баллоду, Компания купцов Бутиных – Николаю Васильевичу Ельцову, Верхне-Амурская компания – Александру Ивановичу Нерпину, Л.А. Перре, А. Янчуковскому, Компания Я. Рязанова – «таежному Наполеону» Гавриле Машарову, синдикат Черемховских углепромышленников – Петру Иоакимовичу Пальчинскому, Техничко-промышленное бюро – Вячеславу Степановичу Реутовскому, Компания Рязанова и Баландина – Александру Войтеховичу Нарольскому, Компания Черемных и Ратькова-Рожнова – Герасиму Федоровичу Лазичеву, Торговый дом Кухтериных – Н.М. Накрохину, С.С. Валгусов – братьям Алексею и Александру Родюковым, Николаевский железодельный завод – Г.И. Гуллету и Н.Е. Глотову. Перечисление можно долго продолжать. Тема менеджеров и служащих заслуживает специального монографического исследования.

Примечания

- ¹ *Зиновьев В.П.* Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв., Сб. мат. конф. Новосибирск, 2003. С. 185–193.
- ² *Вилков О.Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск, 1990. С. 311.
- ³ Там же. С. 299–308.
- ⁴ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982.
- ⁵ Там же С. 27.
- ⁶ Там же. С. 53–54.
- ⁷ *Индова Е.Н.* О российских мануфактурах второй половины XVIII в. // Историческая география России XVII – начала XX в. М., 1975, С. 319, 323.
- ⁸ *Топчий А.Т.* Крестьянские реформы в Сибири. Томск, 1979 С. 30.
- ⁹ *Колесников А.Д.* Ссылка и заселение Сибири // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1975 С. 51.
- ¹⁰ Подсчет по: *Максимов С.В.* Сибирь и каторга. СПб, 1871 Ч. 2 С. 320–321
- ¹¹ Там же С. 327–332.
- ¹² Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Ч. 7. Д. 4999. Л. 3–ГЗ; Ф. 428. Оп. 1. Д. 114. Л. 1–2.
- ¹³ *Копылов Д.И.* Судостроение Западной Сибири в XVII – половине XIX в. // Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири. Новосибирск, 1978. С. 78.
- ¹⁴ Государственный архив Тюменской области, Тобольский филиал (далее – ГАТО ТФ). Ф. 329. Оп. 541. Д. 30. Л. 337, 346.
- ¹⁵ Там же. Л. 72, 180.
- ¹⁶ Государственный архив Тюменской области (далее – ГАТюМО). Ф. 10-и. Оп. 1. Д. 4445. Л. 1–7.
- ¹⁷ *Гагемейстер Ю.* Статистическое обозрение Сибири. СПб, 1854. Ч. 2 С. 465.
- ¹⁸ Там же. С. 467, 468, 495.
- ¹⁹ ГАТО ТФ. Ф. 329. Оп. 541. Д. 30. Л. 318–319.
- ²⁰ Рабочий класс Сибири... С. 54–55.
- ²¹ Такие данные есть по Тогурскому отделению Томского округа. (Государственный архив Томской области, далее – ГАТО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 6. Л. 5–38).
- ²² Центр хранения архивного фонда Алтайского края (далее – ЦХАФ АК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1048. Л. 83
- ²³ *Хроленок С.Ф.* Формирование пролетариата в золотодобывающей промышленности Восточной Сибири. Иркутск, 1973. Вып. 3. С. 2–3.
- ²⁴ Государственный архив Омской области (далее – ГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 1371. Л. 2–19.
- ²⁵ Рабочий класс Сибири... С. 53.
- ²⁶ *Рафиенко Л.С.* Функции и деятельность сибирских магистратов 40–70-х гг. XVIII в. // Бахрушинские чтения 1966 года. Новосибирск, 1968. Вып. 2. Сибирь периода феодализма и капитализма. С. 42–43.

- ²⁷ Рабочий класс Сибири... С. 56.
- ²⁸ ГАТО Ф. Ф. 329 Оп. 541. Д. 714. Л. 2–45.
- ²⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 191. Л. 7–107.
- ³⁰ Там же. Ф. 50. Оп. 3. Д. 5156. Л. 6–95.
- ³¹ Там же Д. 5209. Л. 10–11.
- ³² Там же. Оп. 2. Д. 3904. Л. 1–2.
- ³³ Там же. Оп. 3. Д. 6112. Л. 3.
- ³⁴ ГАТюМО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 288. Л. 1–15.
- ³⁵ ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 2–4.
- ³⁶ Рабочий класс Сибири... С. 57.
- ³⁷ См.: *Зобнин Н.* Мастерские Алтайских горных заводов до освобождения // Сибирский сборник 1892. Кн. 2, ч. 2. С. 1–48; Алтай. Томск, 1890; *Карпенко З.Г.* Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860-х гг. Новосибирск, 1963; *Шемелев В.И.* История Кузбасса с древнейших времен до отмены крепостного права. Кемерово, 1998; *Макеев Т.К.* К истории развития промышленности на Алтае. Барнаул, 1951, Очерки истории Алтайского края. Барнаул, 1987; История Алтая. Барнаул, 1995. Ч. 1 С древнейших времен до 1917 года, *Булыгин Ю.С.* Библиография истории Алтая. Барнаул, 1986.
- ³⁸ *Савельев Н.Я.* Сыны Алтая и отечества. Барнаул, 1985, 1988. Ч. 1, 2; *Гришаев В.* Алтайские горные инженеры. Барнаул, 1999
- ³⁹ Очерки истории Алтайского края. С. 93–95; Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. 869. Оп. 1. Д. 35. Л. 152; Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 468. Оп. 19 Д. 394. Л. 14–15.
- ⁴⁰ *Любомиров П.* Первые 10 лет существования Иркутской суконной фабрики // Труд в России. Л., 1925. Кн. 1. С. 55.
- ⁴¹ *Максимов С.В.* Сибирь и каторга. Ч. 1. С. 271.
- ⁴² Там же. Ч. 3. С. 382.
- ⁴³ Там же. Ч. 3. С. 366; Рабочий класс Сибири.. С. 124; Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. 25. Оп. 9. Д. 2. Л. 46–59; РГИА. Ф. 37. Оп. 29. Д. 135.
- ⁴⁴ На вторую четверть XIX в. как на переломный период в формировании капиталистического уклада в Сибири указывают ряд исследователей: *Карпенко З.Г.* Горняки и металлурги Сибири при феодализме // Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири Новосибирск, 1978. С. 18; Рабочий класс Сибири. . С. 51.
- ⁴⁵ *Семевский В.И.* Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб., 1898 Т. 1. С. 163.
- ⁴⁶ ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1048. Л. 82.
- ⁴⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 197. Л. 68.
- ⁴⁸ *Ровинский Н.* Очерки Восточной Сибири // Древняя и Новая Россия СПб., 1877. Т. 1, № 1. С. 79.
- ⁴⁹ Сибирская жизнь. 1899. 9 дек.
- ⁵⁰ ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1048. Л. 112.
- ⁵¹ Там же. Л. 55.

- ⁵² *Семевский В.И.* Указ. соч. Т. 1. С. XVIII, 163.
- ⁵³ *Потанин Г.Н.* Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983 Т. 6. С. 101–102
- ⁵⁴ *Цветолобов П.* Несколько слов о быте рабочих на золотых промыслах // Амур 1860. 22 марта.
- ⁵⁵ ЦХАФ АК Ф. 3. Оп. 3. Д. 1566. Л. 6.
- ⁵⁶ *Корнилов Н.П.* Записка о золотопромышленности в Минусинском горном округе // РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 261 Л. 6, 15.
- ⁵⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 207 Л. 11.
- ⁵⁸ ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 1099. Л. 134–135.
- ⁵⁹ *Семевский В.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 166. В связи с приведенными сведениями следует сказать, что замечание авторов труда по истории рабочего класса России о том, что доля помещичьих крестьян в числе приисковых рабочих Сибири не определена исследователями, является недоразумением (см.: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1989. С. 162).
- ⁶⁰ РГИА. Ф. 1281. Оп. 5. Д. 87 Л. 311–313.
- ⁶¹ *Максимов С.В.* Указ. соч. Ч. 3. С. 378.
- ⁶² *Зиновьев В.П.* Этапы индустриального освоения Сибири // Хозяйственное освоение Сибири: вопросы истории. Томск, 1994. С. 5–28.
- ⁶³ Рабочий класс Сибири... С 55.
- ⁶⁴ ГАТО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 65. Л. 1–11.
- ⁶⁵ Там же. Ф. 127. Оп. 1. Д. 528. Л. 59–60, 169.
- ⁶⁶ РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 10952. Л. 6.
- ⁶⁷ Там же. Л. 141.
- ⁶⁸ О поставке дров и прочих припасов на Вороновский винокурный завод // ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1188. Л. 1.
- ⁶⁹ ГАТО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 10. Л. 50–51.
- ⁷⁰ *Романов В.В.* Наемный труд в Алтайской кабинетской промышленности в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв. // Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири. Новосибирск, 1978. С. 35–43.
- ⁷¹ Рабочий класс России от зарождения... С 155.
- ⁷² *Зиновьев В.П.* Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.: Сб. мат. конф. Новосибирск, 2003. С. 185–193.
- ⁷³ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982 459 с.
- ⁷⁴ *Горюшкин Л.М.* Роль рабочих в хозяйственном освоении Сибири в период капитализма // Рабочий класс Центра страны и Сибири. Новосибирск, 1981. С. 216.
- ⁷⁵ *Большаков В.Н.* Роль миграций населения в процессе формирования рынка индустриального труда в Сибири в конце XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1982.
- ⁷⁶ В.П. Вошинин выделял колонизацию в узком смысле, как государственную политику колонизации региона, и в широком смысле, как уплотнение населения и процесс освоения региона. (Вошинин В.П. О термине «колонизация» // О земле. М., 1922. Вып 2 Л. 19–20).

- ⁷⁷ Васильев В. [Берви-Флеровский В.В.] Восток и Запад // Восточное обозрение. 1882. 1 апр. (№ 1).
- ⁷⁸ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 352. Л. 267.
- ⁷⁹ Сибирь, 1878 15 окт.; 1885. 17 февр.; ГАТО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 61. Л. 16–109.
- ⁸⁰ Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882. С. 11–365.
- ⁸¹ Подсчет по. ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 30. Л. 2–176; Д. 31. Л. 2–21; Кириллов Н.В. Поездка в Нижнеангарск Баргузинского округа на Байкале в 1885 г. // Известия ВСОИРГО. 1886. Т. 17, № 1–2. С. 1–83; Рабочий класс Сибири... С. 120.
- ⁸² Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения в XIX – начале XX вв. Томск, 2004. С. 223–226
- ⁸³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения. СПб., 1905. С. 36–45. Подсчет.
- ⁸⁴ Рабочий класс Сибири... С. 117, 186.
- ⁸⁵ Там же. С. 118–119
- ⁸⁶ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1895 заводском году. СПб., 1897. С. 107–129, 134, 143.
- ⁸⁷ Майский И. Рабочий вопрос на рыбных промыслах Тобольской губернии // Сибирские вопросы. 1898. № 19–20. С. 31–33.
- ⁸⁸ Андрющенко Б.К. Формирование в Сибири кадров постоянных промышленных рабочих. 60–90-е гг. XIX в. // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1989. С. 128–129.
- ⁸⁹ Енисейский листок 1892. 23 авг.; Сибирский вестник. 1890. 3 авг.; 1902. 4 сент.; 1903 21 дек.; 1904. 16 апр.; Сибирь. 1879. 22 апр.
- ⁹⁰ Швецов С.П. Положение труда на частных заводах Алтайского округа // Сборник правоведения и общественных знаний. М., 1897. Т. 7. С. 134–136.
- ⁹¹ Населенные места Российской империи в 500 и более жителей с указанием наличного в них населения... СПб., 1905. С. 57–84.
- ⁹² Коренев Е.Н. Очерк санитарно-экономического положения рабочих на золотых приисках Витимско-Олекминской системы Якутской области: Дис. . д-ра медицины. СПб., 1903. С. 168–169.
- ⁹³ Зиновьев В.П. Прошения о пенсиях как источник информации о рабочих кадрах сибирской золотопромышленности в XIX начале XX вв. // Проблемы источникововедения и историографии Сибири дооктябрьского периода. Омск, 1990. С. 72
- ⁹⁴ Кириллов Н.В. Указ. соч. С. 73, 75
- ⁹⁵ Сибирь 1887. 14 июня
- ⁹⁶ Большаков В.Н. Очерки истории речного транспорта Сибири XIX век. Новосибирск, 1991. С. 190.
- ⁹⁷ Степанов П. Путевые записи, веденные во время поездки летом 1885 г. в верховья рек Тартаса и Тары // Записки ЗСОИРГО. Омск, 1886. Кн. 8, вып. 1. С. 4.
- ⁹⁸ Большаков В.Н., Плотников А.Е. О грамотности, общем и профессиональном образовании рабочих в дореволюционной Сибири // Классы и партии

в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1977. С. 15.

⁹⁹ Памятная книжка Енисейской губернии на 1865–1866 годы. СПб., С. 173–183. Подсчет.

¹⁰⁰ Сибирский листок, 1894. 1 дек.; ЦХАФ АК. Ф. 3. Оп. 1 Д. 1119. Л. 12; ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 502. Л. 106–107, Ф. 90. Оп. 4 Д. 520. Л. 342.

¹⁰¹ *Серебренников И.* Грамотность в Сибири // Сибирские вопросы. 1907 № 17. С. 18–22.

¹⁰² Воспоминания В.Е. Воложанина // Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 5-П Оп. 2 Д. 29. Л. 4.

¹⁰³ РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 826. Л. 4.

¹⁰⁴ Сибирская газета. 1888. 14 февр

¹⁰⁵ *Уманский А.* На приисках // Сибирский вестник. 1886. 15 июня.

¹⁰⁶ Сибирь. 1887 3 мая.

¹⁰⁷ *Мисюрев А.А.* Легенды горной Колывани. Барнаул, 1989. С. 21–120.

¹⁰⁸ *Семевский В.И.* Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб., 1898 Т. 1. С. 685.

¹⁰⁹ *Зиновьев В.П.* Кого везла «Фортуна»? // Земля Верхнекетская Томск, 1997. С. 357–358

¹¹⁰ *Плотников А.Е.* О социальном облике сибирских рабочих пореформенного периода // Экономические и социальные проблемы истории Сибири Томск, 1984. С. 81.

¹¹¹ Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. Дп-3. 1890. Д. 47, ч. 21. Л. 1.

¹¹² В 1862 г. в Томской губернии было выдано 589 приказчицких свидетельств, в Иркутской губернии в 1861 г. – 270, в Енисейской – 737, в том числе 198 свидетельств первого класса, в Тобольской – 2732, в т.ч. 2315 – второго класса, в Кяхте было 600–1000 работников, а в Томске 100 в ширельных артелях, всего учтено 5248 торговых работников. За вычетом приказчиков первого класса, которых к рабочим относить нельзя, получается около 4 тыс. «пролетариев прилавка» (Томские губернские ведомости. 1862. 22 дек.; Памятная книжка Иркутской губернии на 1861 год. Иркутск, 1861. С. 162; Памятная книжка Енисейской губернии на 1861 год. СПб., 1864. С. 234; Список населенных мест Российской империи по сведениям 1868–1869 годов. СПб., 1871. 5. Тобольская губерния. С. ССXLVI; *В.В. (Птицын В.В.)* Бюджет слободы Кяхты // Восточное обозрение. 1889. 18 июня; Сибирская газета. 1888. 28 февр.; табл. 3

¹¹³ ГАТО. Ф. 210. Оп. 1. Д. 117. Л. 1–640; Д. 161. Л. 17–257, Д. 138. Л. 2–218

¹¹⁴ Сибирская газета. 1888. 7 февр.

¹¹⁵ Сибирский вестник. 1893. 13 марта.

¹¹⁶ *Поникаровский Д.* Сельские общества Салаирской волости // Записки ЗСОИРГО. Омск, 1880. Кн. 4. С. 23, 42–49.

¹¹⁷ Из наблюдений горожанина // Восточное обозрение. 1897. 2 июля.

¹¹⁸ *Бельский В.* Иркутские ремесленники // Сибирь. 1884. 14 окт.

¹¹⁹ *Большаков В.Н.* О размерах миграций в Сибирь рабочих из Европейской России в период империализма // Рабочие Сибири в конце XIX – начале XX в. Томск, 1980. С. 108.

¹²⁰ Рабочий класс Сибири... С. 193.

¹²¹ Там же... С. 187.

¹²² *Скубневский В.А.* Указ. соч. С. 252; *Земеров Б.И.* Указ. соч. С. 39, *Дмитриенко Н.М.* Социально-экономические условия революционного движения городских рабочих Западной Сибири в 1905–1907 гг. // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири (1905–1920 гг.). Томск, 1982. С. 62.

¹²³ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1904 заводском году. СПб., 1907. С. 119, 144–159, 162–175.

¹²⁴ *Галажсинский Э.В., Зиновьев В.П.* Формирование капиталистических отношений в рыбопромышленности Сибири XIX – начала XX в. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул, 1990 С. 126–127.

¹²⁵ *Рашин А.Г.* Формирование рабочего класса России. М., 1958. С. 182, Рабочий класс Сибири. . С. 70, 185. Подсчет.

¹²⁶ *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М.: Наука, 2004. С. 535.

¹²⁷ *Мусская И.А.* Самые знаменитые предприниматели России. М.: Вече, 2003 С. 328–330.

¹²⁸ *Шарапов И.П.* Очерки по истории Ленских золотых приисков. Иркутск, 1949. С. 58–61.

¹²⁹ *Рабинович Г.Х.* Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX в. Томск, 1975. С. 73–76.

¹³⁰ *Обручев В.А.* Избранные труды. М., 1964. Т. 6. Аносов Николай Петрович. С. 193; Лопатин Иннокентий Александрович. С. 195; Озерский Александр Дмитриевич. С. 196; Реутовский Вячеслав Степанович. С. 198; и др.

¹³¹ *Голубев П.* Горное дело и хозяйство Кабинета // Алтай. Томск, 1890 С. 361–191; Нерчинский округ ведомства Кабинета Его Императорского Величества. Хабаровск, 1913. 133 с.; *Савельев Н.Я.* Сыны Алтая и отечества. Барнаул, 1985. Ч. 1. Мастера хрустального дела. Филипп Васильевич Стрижков. Козьма Дмитриевич Фролов. Петр Козьмич Фролов. В старом Салаире: *Гришаев В.Ф.* Алтайские горные инженеры. Барнаул, 1999. 256 с.; *Ведерников В.В.* Горные инженеры на Алтае в 1747–1896 гг. Барнаул, 2005. С. 158 с.

¹³² Шостак М.А. // Золото и платина. 1911. № 3. С. 63; Савиных Андрей Андреевич // Там же. № 4. С. 87–88; Кокоулин Василий Яковлевич // Там же № 5. С. 115; Богашев С.М. // Сибирская жизнь, 1915. 26 июля; Реутовский В.С. // Горный журнал. 1923. № 12. С. 870–871; Томский некрополь. Томск, 2001 328 с.

¹³³ *Валескали П.И.* Революционный демократ Петр Давидович Баллод. Материалы к биографии. Рига, 1957; *Гараевская И.А.* Петр Пальчинский. Биография инженера на фоне войн и революций. М., 1996.

¹³⁴ *Зиновьев В.П.* Реутовский // Деловая элита старой Сибири. Новосибирск, 2005. С. 193–198; *Зиновьев В.П.* Петр Иоакимович Пальчинский // Из прошлого Сибири. Вып. 1, ч. 2. Новосибирск, 1994. С. 5–14.

¹³⁵ *Стрельников Д.А.* Технический персонал в горнопромышленных предприятиях Сибири. Томск, 1914.

- ¹³⁶ *Коренев Е.Н.* Очерк санитарно-экономического положения рабочих... С. 37, 46; *Фризер Я.Д.* Статистико-экономический очерк Королонских золотых приисков (Баргузинского округа Забайкальской области). СПб., 1906. С. 19.
- ¹³⁷ Статистика прямых налогов и пошлин за 1912 год. Пг., 1915. С. 30–31.
- ¹³⁸ *Рабинович Г.Х.* Крупная буржуазия и монополистический капитал.. С. 49, 54.
- ¹³⁹ Список винокуренных заводов Российской империи на 1886–1888 гг. СПб., 1890; *Бисарнов М.* Список главнейших русских золотопромышленных компаний и фирм. СПб., 1896. 181 с.
- ¹⁴⁰ *Елпатьевский С.Я.* В Сибири (из воспоминаний) // Былое 1926 № 2(36). С. 55.
- ¹⁴¹ *Кочнев П.Ф.* Жизнь на большой реке: записки сибирского приказчика. Новосибирск, 2006. С. 305.
- ¹⁴² *Бисарнов М.* Список главнейших... С. 33, 112, 161–162.
- ¹⁴³ *Шарапов И.П.* Очерки по истории Ленских золотых приисков. С. 60
- ¹⁴⁴ *Ионшер Ф.* Горное дело на Алтае // Страна. 1881. 9 июня.
- ¹⁴⁵ *Ведерников В.В.* Горные инженеры на Алтае... С. 117.
- ¹⁴⁶ *Валескалн И.И.* Революционный демократ... С. 95–99, 103–117.
- ¹⁴⁷ *Гришаев В.Ф.* Алтайские горные инженеры. С. 10–245.
- ¹⁴⁸ *Большаков В.Н., Плотников А.Е.* О грамотности, общем и профессиональном образовании рабочих в дореволюционной Сибири // Классы и партии в Сибири накануне и в период Великой октябрьской социалистической революции. Томск, 1977. С. 24–26.
- ¹⁴⁹ Сибирский вестник. 1887. 8 июля.

Глава 3. Правовое и экономическое положение индустриальных рабочих Сибири в XVIII – начале XX в.

3.1. Правовой статус рабочих Сибири

Правовые вопросы социальной истории России, как правило, мало интересуют историков, занятых выяснением генезиса классов, характером их формирования, изучением их экономических и бытовых условий жизни, определением масштабов и направленностью их социальной активности. Правовое положение работников в какой-то мере затронуто в обобщающих монографиях последних лет¹, по Сибири вышли специальные статьи В.И. Маркова, которые касаются преимущественно конца XIX – начала XX в.² Из дореволюционных историков рабочим законодательством в Сибири основательно интересовался лишь В.И. Семевский³.

Меж тем излишне доказывать, что в такой резко стратифицированной по сословному признаку, бюрократизированной стране, как Россия XVIII–XIX вв., правовое положение работника многое определяло в его жизни. Невысокий правовой статус наемных работников в России предопределялся тем, что они рекрутировались из наиболее бесправных и эксплуатируемых податных сословий и социальных групп. Это были крестьяне, работники крепостных мануфактур, мещане, а в Сибири также «сибирские инородцы», каторжные и ссыльные. Для российской бюрократии они не были рабочими заводов, фабрик и рудников, а являлись крестьянами, ссыльнопоселенцами определенной волости, инородцами такой-то инородной управы или мещанами такого-то города, находящимися во временной отлучке с места приписки по случаю заработков.

Работник, понуждаемый к индустриальному труду, в силу экономической или внеэкономической зависимости всегда находился в

поле зрения феодального государства и платил ему ренту, связанную не с доходами, а с сословной принадлежностью. Гулящие люди XVII–XVIII вв., не нашедшие еще своего места в сословной табели и места приписки, обязаны были платить годовой рублевой налог, 5 или 10 % с заработка, несколько копеек за право передвижения – «явчую головщину», всего около 1,5 руб., что соответствовало в целом денежным повинностям крестьян⁴. Выплата налогов нанимателями за работника нередко становилась исходным пунктом будущей кабалы, а затем – и крепостной зависимости. Эти же налоги были кандалами для предпринимательской инициативы и послужили предлогом для конфискации не одного предприятия. Можно назвать классический пример – перевод из-за такого рода долгов заводов Демидовых на Алтае в собственность Короны.

Доля повинностей в заработке постоянно сокращалась, но продолжала оставаться ощутимой даже к концу XIX в. Работник XVII–начала XVIII в. вынужден был отдавать государству треть из своего 4,5–5-рублевого годового заработка. Работники конца XIX в. платили казне не менее десятой части заработка. Так, на Абаканских золотых промыслах в 1897 г. рабочие из 126–198-рублевого годового заработка отдавали в подати 30–40, иногда 54 руб., в среднем – четверть получки⁵.

С введением Петром I подушной подати и паспортной системы работник уже жестко прикреплялся к государственной фискальной машине и, где бы он ни находился, должен был нести сословные повинности. Покормежное письмо от посада или сельского общества давало право на временный наем и передвижение по России⁶.

Получение паспорта было делом непростым. Желаящий отправиться на заработки подавал в магистрат, земский суд, городскую думу, управу, волостное правление, т.е. в ближайший орган управления, прошение с указанием причин увольнения в отлучку и нужный срок паспорта или билета. Благонадежность просителя должна была подтверждаться поручительством сообщественников. Вот типичный для Сибири пример поручительской расписки: «1822 года февраля 2 дня мы нижеподписавшиеся Манзурской волости Бирюльской слободы крестьяне Иван Машкарев и Алексей Ильин Юшин дали сию подписку той же слободы старосте Алексею Горбунову в том, что за уволенного для сплава в город Якутской крестьянина Ивана Алексеева Осипова сроком на полугодовое время обязуемся мы поручители в платеже государственных податей земской повин-

ности, мирских поборов, подводной гоньбе, в хранении огородов и во всех нарядах и сделках ответствовать беспрепятственно, а к сроку его Осипова представить в общество в чем и подписуемся...»⁷. Таким образом, поручители обязывались полностью заменять выбывшего временно члена общины в исполнении тягла и гарантировали его возвращение. Одновременно они являлись как бы заложниками в руках общины и властей, отходник всегда должен был помнить, что от него зависит благополучие поручителей, обычно друзей и родственников. Однако властям и этих гарантий было недостаточно, им нужно было поручительство всего общества – крестьянского или мещанского. Эту роль выполняли ручательные одобрения, подписанные старостами или сотниками.

Любопытно познакомиться с образцом такого «одобрения»:

«В Верхнекаинский волостной суд деревни Осиновый колок от сотника Михайлы Липинского одобрение.

Сего марта 18-го числа сей деревни при обществе всего мирского согласия крестьянин Иван Жуков просил об отпуске его для зарабатывания подушных денег и мирских тягостей которой от нас и увольняется Тобольского наместничества Томской области и Колыванской губернии в разные города, крепости и заводы сроком от вышеписанного числа впредь на год того ради благоволит оной волостной суд ему Жукову для взятия покормежного паспорта о увольнении дать от себя одобрение с приметами оной ростом двух аршин двух вершков лицом смугл глаза серые волосы на голове темно-русые от роду ему двадцать два года, а порукою по нем отец его родной Василей Жуков, коему одобрение вместо сотника Липинского и мирских людей их прозбою пищик Андрей Долгополов руку приложил».

На «одобрение» была наложена резолюция: «По сему одобрению названного в оном Ивана Жукова Каинский нижний земский суд увольняет и Каинское уездное казначейство благоволит дать оному на годичное время паспорт марта 19 дня 1797 г.

За отсутствующих господ присутствующих в округу земского заседателя Петра Судакова помощник Николай Петухов»⁸.

О том, что такой же порядок соблюдался и в других местах Сибири, свидетельствует приказ по Чаусскому волостному правлению от 20 марта 1799 г.: «Указом Канцелярии Горного начальства от 11-го сего марта за № 2020-м знать дала, чтоб у отправленных Тобольской камерной части комиссионеров к выломке из Коряковского

озера и вывозке в том на пристань соли что желающие поселяне не инаково в ту обязанность вступали как с получением на отлучку указных покормежных паспортов и с дачею при том от них верного поручительства и с согласия на оное общества с тем чтобы во время сей их отлучки за них поручительству и обществу ответствовать не только в платеже государственных податей но и в исправлении всех повинностей в надлежащее время равно и в неоскудении по домообзаводству и хлебопашеству о чем оному волостному правлению сим к сведению и должному исполнению предписываю. Марта 18 дня 1799 г. Земский управитель...»⁹

Получение личной свободы крестьянами после отмены крепостного права не означало свободы передвижения. По-прежнему существовали ограничения для крестьян, мещан, цеховых. Крестьянское или мещанское общество контролировало своих членов, связанных круговой порукой вследствие коллективной ответственности за выплату налогов и исполнение повинностей.

Паспорта выдавали теперь не власти, а волостные и городские правления и управы. Для выдачи паспорта или билета требовалось лишь согласие общества и выплата податей. Вот образец такого согласия: «1868 года января 23 дня дано сие Верхнеудинского округа Тарбагатайской волости Куналейского селения Гаврилу Солодухину желающему у кого-либо наняться в работу на частные золотые промыслы в операцию сего 1868 года, за которым состоит податей за 1867 год девять рублей, семь с половиной копеек серебром, которые при выдаче узаконенного билета в Тарбагатайском волостном управлении удержать». В волостном правлении крестьянин получал отпускной билет. Типичное его содержание таково: «Предъявитель сего Верхнеудинского округа Тарбагатайской волости Култукского селения крестьянин Зиновий уволен для служения работ на золотые промыслы по Витимской системе г. Катывшевцеву сроком нижеподписанного числа впредь по первое ноября 1867 года и по прошествии сего срока обязан он явиться на место своего жительства в случае неявки поступлено с ним будет как с бродягой»¹⁰.

Стоимость билета для крестьянина составляла 1 руб. 45 коп., для поселенца – 55 коп.¹¹ Такой порядок выдачи паспортов сохранился до конца XIX в. Обычно в паспорте содержались звание, имя уволенного, срок увольнения в отлучку. Есть смысл привести здесь пример мещанского паспорта: «По указу Его Величества Государя

Императора Александра Николаевича, Самодержца всероссийского, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявитель сего томский мещанин Афанасий Власов Козлов холост уволен в разные города и селения Российской Империи для собственных надобностей от нижеписанного числа впредь на один год то есть: Тысяча восемьсот шестьдесят шестого года по двадцать первое декабря, а по прошествии срока явиться ему обратно, в противном же случае поступлено с ним будет по законам. Дан по документу записанному в книге под № 759, из Томской городской думы с приложением печати оного двадцать первого декабря тысяча восемьсот шестьдесят пятого года. Кандидат в гласные Н. Зверев»¹².

Ссылные на место работы сопровождалась полицией, вместо паспортов им выдавались путевые листы. Обычно путевые листы сразу же при найме оказывались в руках нанимателей или их служащих. Ссылный, явившийся на место приписки до контрактного срока, считался беглым и подлежал высылке этапным порядком на место найма.

На промыслах или судах, куда чаще всего нанимались искатели заработка, паспорт или путевой лист заменялся расчетной книжкой, которая, опять же, работнику не выдавалась, а хранилась в конторе. Обычной была выдача задатков, которыми покрывались налоги, недоимки. Работник, таким образом, попадал в кабалу. В Сибири нередко были случаи буквальной продажи недоимщиков в работы золотопромышленникам, судовладельцам, рыбопромышленникам, которые, нуждаясь в рабочих, загодя выплачивали за крестьян и мещан недоимки. Впрочем, после удачного побега такого должника, сельское общество проявляло поразительную нерасторопность в поисках беглеца. Переписка горных исправников с волостными правлениями полна упреков на этот счет. Сибирские тузы добивались высылки должников через полицию, но губернские власти отказывали, так как интересы казны в данном случае не нарушались. Впрочем исправники, подкупленные золотопромышленниками, нередко разыскивали и высылали крестьян-должников на прииски. Верхнеудинский исправник объяснял свои незаконные действия по высылке рабочих тем, что «...приисковые рабочие дрянь крестьянского населения» и что поэтому «закон к ним не применим»¹³. Обычно же полицией пресекались только массовые уходы

работников, нарушающие общественный порядок и могущие повлечь за собой еще большие беспорядки.

Беспаспортный в России становился бесправным изгоем. Примеры преследования работников без билета или паспорта можно найти и в документах делопроизводства XVIII–XIX вв., и в прессе того времени. Приведу лишь несколько из разных эпох. В 1746 г. несколько десятков работных людей, обнаруженных в Тобольске без покормежных паспортов, были биты батогами и отправлены домой в села и посады Поморья¹⁴. В 1820 г. томский мещанин Тимофей Забабурин, вернувшись в Сибирь после 21 года службы в Русско-Американской компании, был арестован в Енисейске и выслан в Томск как бродяга¹⁵. В 1887 г. на Черемошинской пристани Томска полиция арестовала 90 работников, не имевших видов на жительство¹⁶. Строителей транссибирской магистрали в случае недовольства контрактами и забастовок высылали на место приписки этапным порядком. Наниматели в случае конфликтов стремились задержать паспорта, а рабочие, напротив, требовали их в первую очередь, так как наем без паспорта обесценивал труд чуть ли не вдвое. Такова была плата нанимателю за риск быть подвергнутым штрафу за укрывательство бродяг и беглых. Контрактные рабочие стекольного завода Омельянского в Енисейской губернии в 1883–1884 гг. дошли до губернского суда, добиваясь от нанимателя возврата паспортов¹⁷.

Наем беспаспортных, с просроченными видами, заведомых варнаков в Сибири был явлением рядовым и практиковался в селах, на судах, промыслах, заводах в широких масштабах. Для примера можно сказать, что на Воскресенском прииске компании Рязановых в Мариинской тайге в 1837 г. у половины из полутора тысяч работников не оказалось при проверке паспортов¹⁸, у поставщика соли Богданова только на двух судах были обнаружены в 1820 г. 74 работника с просроченными отпускными видами¹⁹. Среди землекопов на стройке железных дорог беспаспортные насчитывались тысячами²⁰. Подрядчики специально затягивали выдачу паспортов, чтобы сбить цены на рабочие руки и удержать их на месте.

Архаичная паспортная система была несколько упрощена высочайшим повелением 7 апреля 1897 г., которое освободило выдачу паспортов от пошлин и доверило ее полиции²¹. Власть общины и фискальной системы над работником перестала быть абсолютной.

На предприятии рабочих не оставался без опеки, он был обязан подчиняться хозяевам и служащим. Такого рода пункты обязательно включались в контракты судовых, промышленных и торговых работников. Вот пункт из типового контракта пароходчика Д.И. Тецкова с судорабочими, заключенного в 1876 г.: «Работы должны мы выполнять в точности с усердием без лености. К хозяину, его доверенным и приказчикам быть в полном повиновении, не грубить, не упрямствовать, без дозволения никуда не отлучаться и не делать никаких предосудительных поступков. Все имеющие быть объявленные нам правила относительно устройства артели мы должны безусловно принять и следовать им, понимая в этом смысле порядок, от которого зависит манера дела. Ослушников из нас г. Тецков или распорядители его подвергают или вычету из платы по собственному усмотрению или артельной расправе по мере поступка»²². Контракты судорабочих второй половины XIX в. отличались от «условий лямочной работы» бурлаков начала того же века только производственными задачами и отсутствием пункта о круговой поруке²³. Таким образом, экономическая зависимость дополнялась внеэкономической. Задаatok, паспорт, полицейские функции хозяев предприятий ставили работника в неравноправное, унижительное положение. Грубость нравов, бескультурие, произвол хозяев отмечали современники на рыбных промыслах, на судах, торговых и промышленных заведениях.

Унижительным было положение крупнейшего в крае отряда наемных работников – золотоискателей. Сложившаяся на приисках традиция издевательского отношения к рабочим-ссыльнопоселенцам распространилась затем на полноправных работников, и с трудом изживалась в течение второй половины XIX – начала XX в. Приисковый режим справедливо сравнивался современниками с крепостным правом. К услугам золотопромышленников были специальные казачьи отряды – горнополицейская стража, каталажки, неограниченная возможность штрафов и вычетов, розги и кулаки служащих. Наиболее жесткие порядки сложились на приисках богатейших компаний Ленской тайги – Лензото, Комапании промышленности, Прибрежно-Витимской. В Компании промышленности, судя по штрафному журналу, в 1880–1882 гг. высекали или посадили в карцер каждого третьего работника, оштрафовали – каждого четвертого²⁴.

Трудовые отношения нанимателей и наемных рабочих в Сибири регламентировались слабо, были предоставлены стихийному соот-

ношению сил, где промышленники оказывались сильнейшей стороной. В то же время Сибирь являлась одной из тех территорий империи, где специальные акты, призванные регулировать трудовые отношения, издавались еще в первой половине XIX в. Уже «Положение о разборе исков по обязательствам, заключенным в сибирских губерниях обывателями разных сословий» 1822 г. ограничивало наем одним годом с расчетом в конце срока и списанием долгов свыше 5 руб. «Положение» было призвано ограничить кабалу рабочих промыслов и судорабочих. Таким образом государство охраняло налогоплательщиков.

С обострением отношений предпринимателей и рабочих на приисках генерал-губернатор Западной Сибири князь Горчаков пришел к выводу о необходимости специального регламента. Положение 30 апреля 1838 г. о частной золотопромышленности в Сибири запрещало нанимать беспаспортных, но не исключало устных условий найма, определяло концом приискового сезона 10 сентября, устанавливало основное содержание контрактов: место и срок работы, число рабочих часов не более 15, число отдыхов – не менее 2 раз в месяц, право старательских работ, узаконило подъемное золото, определило порядок устройства жилья, продажи товаров и продуктов питания, подачи медицинской помощи. Положение предусматривало выдачу расчетных листов и ограничивало срок найма одним годом²⁵. Работник не имел возможности расторгнуть договор, хозяин же имел достаточно оснований для увольнения.

Устав о золотопромышленности 1870 г. сделал более жесткими либеральные условия 1838 г., установил круговую поруку при артельном найме, обязательную явку письменных договоров в полиции, отменил ограничения продолжительности трудового дня. Бунт против золотопромышленников расценивался уставом как выступление против властей. Современники справедливо расценивали устав 1870 г. как уступку властей крупным золотопромышленникам²⁶.

На Сибирь распространялась также часть общероссийских промышленных законов: о регламентации труда судорабочих из Устава путей сообщения²⁷, Временные правила о найме рабочих от 31 марта 1861 г., которые регулировали применение труда работников на строительстве железных дорог²⁸, пункты Устава торгового, где оговаривались права и обязанности приказчиков²⁹. В тех случаях, когда отношения с работниками не регламентировались особым законоположением, работодатели должны были руково-

дствоваться правилами о личном найме Законов гражданских³⁰. Все эти законы сложились еще в первой половине XIX в. и несли черты своего времени: они запрещали покидать работу ранее контрактного срока, поощряли артельный наем, предусматривали расчет в конце срока найма, вычеты и штрафы. Количество рабочих часов регулировалось только в Урочном положении у строителей – в зимнее время 6–9 часов, в летнее – 10–12,5 часов.

Социальное обеспечение работников гарантировалось только статьями 647, 648, 684, 687 Законов гражданских, по которым рабочий имел право требовать вознаграждение за увечье, если мог доказать вину хозяина. При слабости и продажности медицинского и полицейского контроля единственной гарантией этого закона была совесть предпринимателя. В противном случае даже упорные правдоискатели ничего не могли добиться. Например, бывшие рабочие Компании промышленности Попов и Рек, получившие тяжелые увечья, пролежавшие в больнице не одну неделю, были рассчитаны без компенсаций. Приисковый врач признал увечья легкими. Рабочий Попов писал в жалобе в Сенат: «В выдаче свидетельств о полученных увечьях на приисках он отказывает с угрозами и обещаниями продержат в приисковой тюрьме, что нередко практикуется по произволу бесконтрольного приискового управления» Он же писал, что обездоленных на приисках сотни, что родственникам умерших от производственных травм управление приисками издевательски сообщает: «Умер хвораая кровавым поносом или цингой». Сенат посоветовал просителям обратиться в суд.

Законоположения о фабричном труде 1880-х гг. распространились на горные промыслы Сибири с изданием Правил о найме на золотые промыслы 1895 г. Правила о надзоре за благоустройством и порядком на частных горных заводах и промыслах, утвержденные императором 9 марта 1892 г., были распространены на Сибирь только в 1899 г.³¹

Вмешательство местной администрации во взаимоотношения рабочих и промышленников ограничивалось циркулярами губернаторов и генерал-губернаторов о порядке расчета и выхода рабочих с золотых приисков, о запрещении или разрешении найма недоимщиков. Исходя из постулата, что рабочие – это крестьяне на заработках, администраторы стремились создать условия для сохранения заработка для последующей его инвестиции в сельское хозяйство. Для этого ограничивалась виноторговля в промысловых рай-

онах, назначались особые пункты расчета, организовывались переводы денег на родину, выдачи денег через волостные правления. Попытки эти встречались в штыки как промышленниками, так и работниками, воспринимавшими их как очередное покушение на свои права.

Любые формы сопротивления рабочих предпринимателям в России в XIX в., кроме жалоб, были законодательно запрещены вплоть до 1905 г. Еще в уложении о наказаниях 1845 г. в ст. 1791 предусматривалось «в случае явного неповиновения фабричных и заводских людей владельцу или управляющему заводом, оказанного целою артелью или толпою, виновные подвергаются наказаниям за восстание против властей». Статья 1792 того же уложения предусматривала за стачку арест от 3 недель до 3 месяцев³². Позднее эти статьи кочевали из одного Уложения в другое, меняя только нумерацию. Уложение 1865 г. имело аналогичную ст. 1866, более поздние Уложения – ст. 1358. В Уложении 22 марта 1903 г. такой же смысл имела ст. 367. Им предусматривалось также наказание за побуждение к стачке – ст. 318, за подстрекательство к стачке – ст. 368, за понуждение к стачке – ст. 509³⁴.

Министерство финансов в циркуляре 5 декабря 1895 г. требовало от фабрикантов не делать никаких уступок рабочим на том основании, что в России нет рабочего вопроса³⁴. Консервативная политика властей превращала любые экономические конфликты в бунты и уголовные дела. Хозяева были обязаны доносить о протестах работников даже в тех случаях, когда сами были в состоянии уладить конфликт, а вмешательство чиновников могло лишь усугубить и затянуть столкновение. В таких условиях сами промышленники в начале XX в. требовали признать за рабочими право на экономическую стачку, а массовое активное сопротивление оказывалось работниками только в положении совершенного отчаяния или сознательного мужественного решения пострадать за общее дело.

В фабрично-заводской промышленности работники были защищены законом еще менее, чем в горной. Положение о фабричной инспекции и общероссийское законодательство о труде были распространены на Сибирь только 7 июля 1913 г. До этого регламентация продолжительности рабочего дня определялась в городах Сибири законом 15 ноября 1906 г. о нормировании рабочего дня ремесленников, который применялся ко всем городским предприятиям. Городские думы ввели в действие закон в Сибири в 1907–

1913 гг., установив предельную продолжительность смен от 10 до 12 часов в сутки³⁵. Закон об обязательном страховании рабочих не был введен в Сибири до 1917 г. Отношения работодателей и наемных работников чаще регламентировались обычаем, а не правом.

Жизнь подневольных работников – мастеровых, каторжных, казеннорабочих, военнорабочих регулировалась до мелочей. Труд и быт мастеровых и урочных работников кабинетских предприятий изучен хорошо благодаря сочинениям Н. Зобнина, В.И. Семевского, Н. Голубева, Н.Я. Савельева, В.И. Шемелева, Ю. Гессена, З.Г. Карпенко, Т. Макеева, А.Г. Жеравиной и других исследователей, поэтому здесь я ограничусь общими замечаниями и некоторыми примерами.

Трудовая жизнь потомственного мастерового начиналась с 7 лет школьником и рудоразборщиком, с 12 лет он числился малолетним рабочим, с 18 лет – горным служителем. Последовательно он проходил службу работником 3, 2, 1-й статьи, затем по дряхлости переходил вновь в рудоразборщики и, наконец, в богадельщики, если оставался еще жив. Рекрут из приписных крестьян сразу попадал в число работников 3-й статьи. Вот пример жизненного пути мастерового Ф.И. Ломшакова: с 1829 г. – рудоразборщик, с 1836 г. – запасной служитель, с 1838 г. – работник 3-й статьи, с 1846 г. – работник 2-й статьи, с 1856 г. – вновь мастеровой 3-й статьи, не способный к промысловым работам, неграмотный, в штрафах и под судом не бывший, инвалид в свои 39 лет³⁶.

С 1786 г. на рудниках, а с 1800 г. – на заводах начальник Алтайских горных заводов Г. Качка ввел трехсменные работы. Мастерской одну неделю работал в дневную смену, другую – в ночную смену, а третью – в своем хозяйстве либо по вольному найму. Эта неделя называлась гулевой³⁷. За порядком на кабинетских предприятиях следили особые воинские команды, наказания определяли особые военно-судные комиссии, особый режим работы и быта создавали для особого сословия мастеровых свою особенную жизнь³⁸.

На казенных предприятиях жизнь работников также подчинялась особым положениям, определявшим весь распорядок действия предприятия. Так, по Положению об управлении Тельминской казенной фабрикой, утвержденному Сибирским комитетом 10 мая 1826 г., работники должны были работать по 12 часов, отдыхать в воскресенье и праздничные дни, иметь два месяца летом на воль-

ные и собственные работы без содержания от фабрики, подчиняться местной полиции в быту и администрации фабрики на производстве. Потомственные рабочие поступали на фабрику с 15 лет, увольнялись по старости лет в хлебопашцы или богадельщики, снабжались одеждой, двумя пудами хлеба в месяц. За проступки работники подлежали порке 25–50 розгами на первый раз, наложением оков – на второй раз, также как и на третий, за четвертый проступок полагались каторжные работы³⁹.

Особый распорядок был в военностроительных командах. Военнорабочие команды формировались в Сибирском округе путей сообщения из ссыльных через Приказ о ссыльных, давали клятву государю как и воиннослужащие, не имели права жениться, обучались военному артикулу, распределялись на отделения по 50 чел., на кап-ральства по 10 человек, жили и питались отделениями в казармах, снабжались казенной одеждой⁴⁰. После пятилетней беспорочной службы военные строители определялись на поселение как государственные крестьяне⁴¹. Среди военнорабочих Тобольской и Томской губерний было немало беглых помещичьих крестьян, которые почитали за благо после пяти лет службы стать свободными сельскими обывателями, а не крепостными. Например, С.М. Пудеров, беглый дворовый человек тамбовской помещицы, в письме к родителям 17 сентября 1827 г. объяснял им свой побег так: «Я по крайней мере надеюсь со временем стать свободным и вольным человеком. В Сибири также солнце светит и здесь народ живет, но только гораздо легче вашего, потому что здесь нет кровопийц и тиранов господ»⁴².

В целом правое положение работников Сибири в XVIII – начале XX в. было не лучшим, чем у их товарищей в Европейской России. Незначительное количество помещичьих крестьян среди рабочих уравновешивалось большим числом неравноправных поселенцев. Репрессивный аппарат, фискальная система также ограничивали сферу найма и свободу передвижения, подавляли проявления социальной активности, направленные на защиту прав и достоинства. Относительная слабость властей компенсировалась их бесконтрольностью.

Частный пример сибирских рабочих показывает, что феодальное общество, в котором проходили начальные шаги индустриализации, не только не спешило признавать права нового социального слоя индустриальных работников, но, наоборот, старалось их всячески ущемить, втиснуть в устоявшиеся отношения. Работники са-

ми, по мере осознания своей силы и особых интересов, вынуждали аграрное общество признавать их, хотя и тратили значительную часть усилий на борьбу с феодальным правом.

3.2. Временные промысловые поселки в Сибири (XIX – начало XX в.)

Экономическое положение работников в Сибири в значительной мере осложнялось малозаселенностью края, растянутостью коммуникаций, слабостью инфраструктуры. В этих условиях неизбежным было формирование временных промысловых поселков, предшественников индустриальных сел и городов.

Вахтовый метод эксплуатации нефтегазовых промыслов и лесоразработок сейчас широко распространен в мире. К нему прибегают там, где суровость климата, редкость населения, сезонность и опасность работ не дают возможности создать инфраструктуру или делают ее слишком дорогой. Создание вахтовых поселков подчас считается новаторством современности, на самом деле они лишь модернизированный вариант временных промысловых поселков далекого прошлого. Во временных поселках жили золотодобытчики Сибири, проспекторы Калифорнии, Аляски и Австралии, китобои Арктики, рыбаки на сибирских реках, строители дорог во все времена. Менялся уровень техники, надежность транспорта и связи, но всегда сохранялись главные черты комплектации кадров и условия жизни во временных поселениях – текучесть рабочей силы, формирование мужских сообществ, лишаящих работников нормальных семейных связей, экстремальность существования, размещение в общежитиях, ограничения в быту, обслуживании, проведении досуга, нередко – в питании.

В период XVIII – начало XX в сезонные поселки были обычным явлением в Сибири при организации охотничьих, лесных, рыбных, золотых промыслов, на строительных работах. Общее число сезонных промысловых поселков в Сибири составляло в 60-е гг. XIX в. приблизительно 400 с населением в 40–45 тыс. чел., в конце XIX в. – около 1300 с 50–55 тыс. жителей, в начале XX в. – до 1100 с населением около 50 тыс. чел. Наибольшее их число составляли золотые прииски. Первые поселки образовывались на рыбопромысловых песках по Оби и Енисею, на омулевых промыслах Байкала. Насчитывались они десятками.

С появлением золотых промыслов в конце 1820-х гг. количество временных промысловых поселений многократно увеличилось. В 1961 г. насчитывалось 336 приисков с 38 тыс. рабочих. В 1895 г. – 870 с 33 тыс. рабочих, в 1916 г. – 756 приисков с 41 тыс. рабочих⁴³. Первые прииски появились в Мариинской тайге, затем – на Алтае, в Енисейской губернии, в Забайкалье, в Якутии, на Амуре, а в начале XX в. – на крайнем северо-востоке Сибири. В 1860-е гг. средняя продолжительность сезона в золотопромышленности равнялась 175 дням, в 1880-е гг. – 195 дням, в 1913/14 г. – 157 дням⁴⁴. Сезонными были прииски без механизмов. Их было большинство: в 1900 г. – 656 с 12 тыс. работников, в 1916 г. – 646 с 33 тыс. работников⁴⁵. В южной полосе Сибири, где промысловый сезон был продолжительнее, а условия быта и транспорт лучше, выше механизация приисков, сезонные перерывы были невелики. Увеличилось количество крупных приисков с продолжительным сезоном (от 9 до 12 месяцев). В конце XIX в. они занимали более половины приисковых рабочих, в 1907–1914 гг. – 2/3⁴⁶. Круглый год работали рудники, шахтные прииски на р. Боровой в Енисейской тайге, в Бодайбинском, Тимптомском и Алданском районах, прииски с драгами, где на ремонт и подготовку площадей уходили зимние месяцы.

Много временных поселков в тайге создавали поисковые партии и отряды нелегальных вольностарателей («летучка» или «хищники» по официальной терминологии). Большая часть таких нелегальных поселков-«республик» находилась в Забайкалье (Желтуга, Королон), в Амурской обласги (Гиллюй), но горная инспекция вплоть до 1917 г. сообщала об открытии таких хищнических поселков и в Салаире, в Минусинском, Алтайском, Нижнеудинском округах⁴⁷.

Немало временных поселков возникало и в других горнодобывающих отраслях. Добыча многих материалов для горной и цветной металлургии: железных руд, огнеупорных глин, шпатов, известняков, топлива (дров, угля) носила временный характер. Сезонным (1,5–2 мес.) было существование поселков на соляных озерах, где постоянно находилась лишь охрана складов.

Значительное число временных промысловых поселений возникало летом и осенью по берегам рек и озер Сибири в связи с началом рыболовных сезонов. Наибольшее их количество фиксировалось современниками в среднем и нижнем течении Оби, в

низовьях Енисея, Лены, на Байкале. Так, в начале XIX в. в низовьях Оби на рыболовных песках было как минимум 53 промысловых поселка с числом жителей не менее 1500. Именно столько песков сдавалось в аренду («кортом») рыбопромышленникам с наемными работниками⁴⁸.

В 1879 г. врач Матвеев учел в низовьях Оби 42 рыболовных песков с числом работников около 1,5 тыс. чел.⁴⁹ Н.А. Варпаховский отметил в начале 90-х гг. XIX в. около 120 промыслов с 3 тыс. рабочих (10–70 на каждый из песков) и до 7 тыс. местных рыбаков из коренных народов на песках у промышленников на станках. Станками назывались в низовьях Оби и Енисея временные станы на реке, состоящие из засольных сараев и рыбацких избышек или чумов⁵⁰. По оценке самих рыбопромышленников, в низовьях Оби в 1895 г. было 333 песков с 6,5 тыс. рабочих⁵¹. Не меньше их было и в начале XX в. Рыбопромысловые пески имели тенденцию превращаться в солидные поселки с несколькими сотнями жителей. Так, предприниматели Плотниковы на Питлярском песке в 1898 г., а на Самутнельском песке – в 1900 г. открыли рыбоконсервные заводы производительностью в 125 тыс. руб. продукции в год⁵².

В Нарымском крае в 1870-е гг. было, по подсчетам врача Аккермана, 13 песков с населением в 600–800 чел.⁵³ В низовьях Енисея от Туруханска до океана в 60-е гг. XIX в. действовали 150 неводов, в 1897 г. – 250 неводов с 3–4 работниками на каждом. Неводные артели и засольщики рыбы сосредоточивались в 30–40 пунктах⁵⁴. Временное население на Енисее, таким образом, составляло от 800 до 1100 чел. В низовьях Лены от местечка Сиктях до Булуна и дельты с мая по август насчитывалось 50 песков с 400 работниками⁵⁵. На Колыме жители Среднеколымска летом направлялись на заимку Кульдино в 50 верстах от города для рыбной ловли⁵⁶.

На Байкале временные промысловые поселки были разбросаны по устьям рек – Селенги, Верхней Ангары, Сосновки, Голоустной, Баргузина, по берегам Чивыркуйского залива. Крупнейшими из них были Нижнеангарск в устьях Верхней Ангары (до 1,5 тыс. жителей) и Чертовкина пристань в устье Селенги. Последняя напоминала рыбный базар, где собирались сотни промышленников, скупщиков, открывались около сотни лавок, 12 харчевен и 6 кабаков⁵⁷. Всего на Байкале временные неводные промысловые поселки в 80-е гг. XIX в. насчитывали до 3 тыс. жителей.

Временные поселки образовывались и на лесозаготовках в Каинском, Туринском округах, у горных заводов на Алтае, в Забайкалье. Наиболее крупные из них формировались во время заготовки лесоматериалов для железных дорог, железоделательных заводов, дров для городов во время Первой мировой войны. Так в поселке Фабричном князей Сан-Донато в Туринском округе было более тысячи работников из китайцев и военнопленных. Сотни военнопленных вместили временные бараки при заготовке дров для Томска в Петуховском лесничестве, мобилизованных казахов – для Омска. К временным поселкам относились и зимовья охотников.

Большую роль сыграли временные поселки при сооружении железных дорог. Самый большой город Сибири – Новосибирск (Новониколаевск) возник первоначально как два временных поселка строителей железнодорожного моста и станции Обь. Население поселков за два года в 1894 г. достигло 12 тыс. человек⁵⁸. Из временных поселков строителей выросла станция Тайга (Томск Таежный), станция Иркутск-Сортировочный (Иннокентьевская), районы Омска Куломзино и Черный городок⁵⁹ и др.

Что представляли собой временные промышленные поселения? Из свидетельств современников, официальных источников можно предположить, что поселения охотников и поисковых горных партий состояли, как правило, из одной-двух избушек (зимовий), амбара (лабаза), насчитывали они не более десятка временных (на 2–3 месяца) обитателей. Временные обиталища рабочих на ломке соли в казахских степях – это юрты для казахов и дощатые сараи для русских.

Сезонные (на 6–9 месяцев) поселения на лесосеках, куренях, рыболовных песках, золотых приисках представляли уже более-менее солидный поселок из разнообразных деревянных строений: барак-общежитий для рабочих и служащих, пекарен, поварен, конюшен, кузниц, бань, промысловых сооружений – рыбоделов, золотопромывальных машин, амбаров. Поселки при крупных предприятиях имели еще конторы, дома для управляющих, больницы, магазины, церкви. Небольшие поселки насчитывали 5–10 зданий с населением в несколько десятков человек. На крупных промыслах находились до 2–3 тыс. рабочих. Таковы были Воскресенский прииск компании Рязановых, Баландина и Казанцевых в Мариинской тайге, Великониколаевский прииск компании Асташева, Коробкова и Толкачева на Хорме, Феодосиевское управление Лензото, Благо-

вешенский прииск Прибрежно-Витимской компании и др. Нижнеангарск, Бодайбо из временных поселков стали городами.

Общий вид временных поселков поражал наблюдателя своей неприглядностью, небрежностью, низким качеством и беспорядочностью застройки. Об этом, не сговариваясь, писали все санитарные врачи. Исправник А.А. Колычев оставил описание типичной приисковой казармы: «Сруб из бревен в 4–5 вершков в отрубе, разделенный на 2 или 3 отделения площадью около 3,25 аршин. Посредине каждого отделения ставная железная печь на срубе, кирпичная, а иногда и глинобитная, окон обыкновенно 4, каждое $\frac{3}{4}$ на аршин, форточек нет»⁶⁰. В номере жили 15–20 человек. Теснота, антисанитария были обычными спутниками таких казарм. Жилье для служащих было почище и попросторнее. Семейные жили отдельно. Управляющие занимали особый дом в несколько комнат или жили при конторе. Поселки приисковые и строителей железных дорог были при этом самыми благоустроенными.

Рыбопромысловые поселки, которые часто строились заново и ежегодно сносились водой, выглядели совсем убого. Врач Аккерман так описал казармы нарымских рыбаков: «Рабочие помещаются в полуземлянках: это деревянный сруб, длиной в 5 сажень, шириной в 4 и по стенам в высоту 1 сажень, спущенный приблизительно на аршин в песок и покрытый отлогой крышей из теса; пол покрыт только не везде – досками; по бокам устроены нары; в середине находится очаг, на котором горит почти постоянно огонь, дым которого проходит в отверстие, сделанное для этого в крыше»⁶¹. Помещение было рассчитано на 15–18 чел. На многих песках, особенно в безлесных низовьях сибирских рек, не было и таких удобств. Рабочие жили в землянках с крышей из корья, в балаганах из прутьев или теса, в чумах⁶².

Самый большой рыбацкий поселок в Сибири – Нижнеангарск состоял из нескольких десятков лачуг, 20 рыбоделов (амбаров для чистки рыбы), церкви, больницы, пристани. Санитарный врач Н.В. Кириллов, посетивший промысел в 1885 г., заметил внутри жилых помещений те же удобства – нары, реже – кровати, железные печи⁶³. Рыбаки-эвенки жили в своих чумах.

Наиболее скученно жили дроворубы, углежоги, которые набивались в избушки на ночлег до отказа. Краткий сезон промысла не позволял выделять время для благоустройства.

Изучение условий жизни во временных поселках позволило сделать вывод, что при изменении функций поселения и при превращении временного занятия населения в постоянное происходил переход поселения в разряд постоянных, приобретение статуса села, станции, даже города (Бодайбо, Нижнеангарск, Новониколаевск, Тайга). Можно заметить также постепенное улучшение условий быта на приисках и рыбных промыслах с улучшением транспорта, с ростом потребностей и самоуважения рабочих. Однако другая закономерность сохранялась – чем короче промысловый сезон, тем были хуже условия быта.

Временность поселков, их производственная функция диктовали и состав населения. Это были мужчины 20–40 лет, т.е. самого работоспособного возраста. Хозяева промыслов, чтобы избежать дополнительных расходов, ограничивали прием семейных работников. Типичным условием в контрактах было недопущение жен на прииски. Первоначально даже хлебопеки, повара, слуги были только мужчинами. Однако под давлением рабочих и служащих, улучшением условий жизни, это правило перестало строго соблюдаться. К концу XIX в. до 30 % приискового населения стали составлять семьи рабочих и служащих. На рыбных промыслах, на лесосеках положение мало изменилось в течение XIX в. Женщины там были редкостью. Исключение составлял Нижнеангарск и другие байкальские промыслы. Здесь рабочими на разделке рыбы – «чищалками» были и женщины и подростки. Агроном Н.А. Крюков писал про Каргинские промыслы: «Каждый год на промысла стремится масса народу, особенно работниц с Итанцы: так для многих заманчива и привлекательна привольная, разгульная жизнь, царствующая в это время на Байкале»⁶⁴.

В промысловых поселках складывалась особая субкультура, главными элементами которой были удача и спирт. При отсутствии нормального семейного досуга основными развлечениями рабочих были поиск и потребление алкоголя, игра в карты, пение песен, создание легенд об удачных старателях и рыбаках, горном хозяине, ловких спиртоносах. Алкоголь был средством поощрения, единственной стоящей в глазах рабочих наградой за тяжкий труд. Потребление алкоголя на приисках в 7 раз превышало среднюю норму по Сибири в XIX в.

Интенсивный труд, алкоголь быстро изнашивали организм даже самых сильных работников. Особенно тяжел был труд на Ленских

приисках, куда высокие заработки манили рабочих со всей страны. Работодатели имели выбор и брали самых сильных и опытных. На Лене редкие рабочие трудились более трех сезонов подряд. Они вырабатывались – «ханули». Ханыги пополняли ряды торговцев, спиртоносов, вольностарателей-хищников, гибли в тайге.

В целом приведенные факты свидетельствуют, что временные промысловые поселки были обычной практикой промышленного освоения Сибири еще в XIX – начале XX в. со всеми сопутствующими им явлениями – преобладанием мужского населения, однообразием досуга, алкоголизмом, проституцией, драками, высокой смертностью из-за тяжести мускульного труда, низкого уровня питания и быта, медицинского обслуживания, быстрым износом работников и частой сменой населения, формированием слоя изношенных («ханувших») работников, предшественников современных «бичей», высокими расходами на содержание поселков. Рабочие стремились к нормальному, по их понятиям, образу жизни, шли на конфликты с работодателями и администрацией.

Временные промысловые поселки капиталистической Сибири были порождением хищнической эксплуатации природных и людских ресурсов на основе низкого уровня технологии. Они перемалывали рабочую силу, препятствуя ее воспроизводству. При всей своей неэффективности они сыграли важнейшую роль в освоении Сибири. Они были неизбежны тогда, но сейчас есть смысл подумать, стоит ли делать основную ставку на вахтовый метод при освоении Севера.

3.3. Методы эксплуатации и жизненный уровень рабочих Сибири

Экономическое положение рабочих и служащих Сибири было типичным для начальной ступени развития индустрии, на которой находилась эта обширная российская окраина. В Сибири в силу отсталости производства в техническом отношении предприниматель мог рассчитывать на прибыль прежде всего в результате рационального использования переменного капитала, т.е. рабочей силы. Вследствие этого главнейшими проблемами во взаимоотношениях работодателей с наемными рабочими были величина рабочего времени, размер и форма выдачи заработной платы. Интерес предпринимателей исчерпывался нехитрой формулой дикого капи-

тализма – «за максимум работы – минимум вознаграждения». Интерес рабочего был абсолютно противоположным. Корреспондент из Енисейска в письме в газету «Справочный листок» так и определял сибирские принципы рационализации дела: «Удешевление производства» сводим к удлинению рабочего дня, к уменьшению заработной платы, да к расчету с рабочими вместо денег товарами по самым невозможным ценам»⁶⁵.

Действительно, в описании любого сибирского предприятия XVIII–XIX вв. можно видеть, что рабочее время ограничивалось естественными рубежами – световым днем и физическими возможностями работников. Сезонность большинства отраслей экономики усиливала тенденции к максимальному увеличению рабочего дня. Приисковые рабочие в своей удалой песне по этому поводу замечали: «Там не любят шутить шутки. Там работали мы в сутки двадцать два часа!»⁶⁶ Это, конечно же, преувеличение, но 13–15-часовой рабочий день не был редкостью в золотодобыче. В этом были заинтересованы и рабочие, и предприниматели. В 1894 г. из 30,6 тыс. приисковых рабочих Сибири работали 9 и менее часов в сутки 29 %, 10–12 часов – 65,3 %, 13–15 часов – 5,7 %. После 1905 г. 12-часовой рабочий день не фиксировался, в 1915–1916 гг. подсчет по 285 приискам с 19,4 тыс. рабочих показал, что 35 % рабочих трудились 9 и менее часов в день, а 65 % – от 9,5 часов до 10⁶⁷.

Продолжительный рабочий день не был особенностью приисковых работ. На заводах Кабинета обычной была 12-часовая смена, но в кричных цехах железоделательных заводов она могла составлять 15–18 часов⁶⁸. На Николаевском казенном железоделательном заводе рабочее время составляло в среднем 11 часов, в начале XX в. на металлургических заводах Сибири – 9 часов, на солеваренных заводах в XIX в. – от 8 до 16 часов, в среднем – в 1895 г. – 12,2 часа, в 1902–1911 гг. – 10 часов. На рудниках смена длилась 6–8 часов, на Бачатских коях в XIX в. – 12 часов, на каменноугольных коях Сибири в 1911–1914 гг. – 9,8 часа⁶⁹.

На винокуренных заводах в XIX в. рабочий день колебался в пределах 10–14 часов, в среднем – 12, на мукомольных мельницах – 16 часов или 8 часов через 8 часов отдыха, на табачных фабриках 12–13 часов, на заводах Гуллета в Тюмени, Пранга в Барнауле, типографии Макушина в Томске – 11–11,5 часов. В мелких заведениях с коротким сезоном действия рабочий день мог достигать 17 часов. В начале XX в. рабочий день на предприятиях фабрично-заводской про-

мышленности Сибири составлял в среднем около 10 часов⁷⁰. В Сибири рабочий день был не выше, чем в Европейской России, где он составлял в конце 80-х гг. XIX в. – 10–12 часов, в 1904 г. – 10,5 часов⁷¹.

Хозяева многочисленных ремесленных мастерских заставляли рабочих трудиться столько, сколько им было нужно. О сапожниках и портных Омска современники писали следующее: «Хозяин мастерской требует, чтобы работы продолжались не менее 12 часов в сутки. Перед праздниками Рождества и Пасхи, когда работа в мастерских проходит спешно, спят 3–4 часа в сутки»⁷².

Строители в короткий летний сезон трудились весь световой день, начиная с 4 часов утра и кончая в 8 часов вечера. Неопределенным был рабочий день торговых работников, грузчиков, черно-рабочих, рыбаков, прислуги. Лишь команды пароходов уже в XIX в. имели фиксированные восьмичасовые смены⁷³.

В целом можно отметить постепенное снижение продолжительности рабочего дня в индустриальной сфере Сибири в течение XIX – начале XX в., что, однако, не свидетельствует о снижении уровня эксплуатации работников. Рассмотрим более детально динамику методов эксплуатации рабочих на примере золотопромышленности, по которой сохранилась великолепная статистическая отчетность. В мануфактурный и в начале фабричного периода развития золотодобычи производительность труда на частных приисках имела следующую динамику (табл. 13):

Таблица 13

**Производительность труда
на частных золотых приисках Сибири (1840–1914 гг.)***

Производительность труда годового рабочего	Годы							
	1840–1849	1850	1859/60– 1869	1870–1879	1880–1889	1890–1899	1900–1909	1910–1914
Шлиховое золото, фунтов	1,53	1,39	1,47	1,92	1,79	1,74	1,69	1,70
Добытая порода, тыс. пуд.	6,15	15,0	19,7	20,5	23,0	24,6	25,7	34,0

* *Зиновьев В.П.* Методы капиталистической эксплуатации рабочих в золотопромышленности России // Из истории буржуазии в России. Томск, 1982 С 70.

Из материалов таблицы следует, что производительность труда в пересчете на золото изменилась слабо (выросла на 11 %), но серьезно возросла производительность труда в пересчете на добытую породу (более чем в 5,5 раз), а за мануфактурный период (до

1900 г.) – в 4 раза. За счет чего было достигнуто такое увеличение выработки? Возможности экстенсивной эксплуатации были ограничены. Средний рабочий день в золотодобыче, судя по сведениям В.И. Семевского, в 1840-е гг. составлял 13 часов, в 1850-е гг. – 13–14 часов, в 1860-е гг. – 14–15 часов⁷⁴. В дальнейшем рост продолжительности рабочего времени вступил в противоречие с увеличением интенсивности труда, которое привело к сокращению рабочего дня. Судя по ведомостям приисков, рабочий день в среднем составлял в 1879 г. 11,5 часов, в 1894 г. – 10,8 часа, в 1897–1898 гг. – 10,1 часа в 1906–1907 гг. – 9,3 часа, в 1912–1916 гг. – 9,7 часа⁷⁵.

Вместе с тем росло количество рабочих дней в году, вследствие чего общее количество рабочего времени в году продолжало расти:

1830-е гг. – 185 рабочих дней × 12 часов = 2220 часов;

1860-е гг. – 165 рабочих дней × 14–15 часов = 2310–2475 часов;

1879 г. – 180 рабочих дней × 11,5 часов = 2070 часов;

1894 г. – 195 рабочих дней × 10,8 часов = 2106 часов;

1906/1907 гг. – 310 рабочих дней × 10 часов = 3100 часов⁷⁶.

Предприниматели, сократив рабочий день на два часа, увеличили на 60 % число рабочих дней и тем самым на треть увеличили общее рабочее время в течение года. Но этим не объясняется увеличение производительности труда в 5,5 раза.

Технические усовершенствования дали, по подсчетам Ф.И. Михалевского, выигрыш на 40–50 %⁷⁷. Введение золотопромывальных машин в 1830–1840-е гг. дало прирост производительности труда всего в 6–8 %, поскольку механизировался только процесс обогащения песков, а их добыча и транспортировка продолжали опираться на мускульную силу людей и животных. Замена ручной откатки песков на конную увеличила производительность труда еще на 25–33 %. Несомненно, эти нововведения позволили резко увеличить производительность труда в 1840–1850-е гг., наряду с увеличением продолжительности рабочего дня и усилением интенсивности труда. В Сибири утвердилась крупная централизованная мануфактура с элементами машинной техники.

Главным резервом роста производительности труда оставалась его интенсификация. Действительно, по подсчетам В.И. Семевского и горных специалистов, норма выработки рабочего с 30–40-х гг. XIX в. выросла до начала XX в. в три раза: с 1/6–1/3 куб. сажени песка до 0,5–1,0 куб. сажени на человека в день⁷⁸. В 1830-е гг. нор-

ма выработки равнялась 1/3 куб. сажени на 2 человек в день. После завершения обязательных работ рабочие имели право на самостоятельную промывку песка (старание) со сдачей золота в приисковую контору. Старатель подчинялся капиталисту лишь формально, сам регулировал темп работы. С введением золотопромывальных машин старание стало помехой для хозяйских работ. Одиночное старание было заменено артельным, а затем стало и продолжением обязательных работ. Расчет за сданное золото был заменен на денежный расчет за выработку. Уроки (нормы) выработки выросли и стали составлять в 1850-е гг. 1 куб. сажень на 2–4 человека с тачками или 1,0–1,5 куб. сажени на 2 человек с лошадью.

Отчетные документы крупных золотопромышленных компаний подтверждают рост выработки на рабочего. На приисках Асташева в 1873 г. выработка на одного горняка в день составила 0,25 куб. сажени, в 1893 г. – 0,4 куб. сажени (рост 60 %), зарплата увеличилась на 25 %⁷⁹. На приисках Верхнее-Амурской компании, где было занято 1,5 тыс. рабочих, выработка за 1868–1898 гг. поднялась с 0,32 до 0,75 куб. сажени на человека в день, или на 134 %⁸⁰. К осени, когда накапливалась усталость, рабочие уже не могли выполнять предельно намеченные уроки.

Повышение норм выработки поощрялось премиями в виде лишней порции водки после работы, денег, лучших мест в казармах и т.д. Подстегивала рабочих и хорошо продуманная система штрафов. Так, на приисках Лензото нормой считались 4 куб. аршина добытого песка. За первые три аршина полагалась 50-копеечная плата, за четвертый – 70-копеечная, за пятый – 90-копеечная. Для основной массы работников урок, замеренный по лучшим артелям, был трудновыполним. Не выполнивший же четырехаршинную норму работник получал поденную плату в 1 руб. 45 коп. Таким образом, работник, недотянувший до 4 куб. аршин, наказывался штрафом до 70 коп. в день.

Горняки нередко требовали гарантированного поденного заработка вместо сдельных расценок или снижения норм выработки. Перевод на сдельную оплату встречал сопротивление рабочих. Так, администрация крупнейшего в Сибири Зырянковского рудника на Алтае смогла ввести сдельную оплату горных работ только после тридцатилетней борьбы с горнорабочими в 1895 г. В победной реляции Кабинету управляющий рудником смысл перевода на сдельщину открыл просто и цинично: «Вне всякого сомнения, установление

задельной платы значительно повлияет на удешевление цены рук и доставит руднику контингент добросовестных и надежных рабочих»⁸¹. В конце XIX – начале XX в. вместо грубых методов интенсификации труда стали применяться премиальные системы, цель которых была заинтересовать рабочих в участии в прибылях. На драгах за перевыполнение смет рабочим стали доплачивать по 2–8 коп. с золотника добытого золота, на копиях – с пуда добытого угля⁸².

Норма эксплуатации (прибавочная стоимость, деленная на заработную плату) рабочих Сибири была при низкой производительности труда достаточно высокой. В 1891 г. на приисках она составила 110 %⁸³, а на механизированных предприятиях имела тенденцию к росту. Так, подсчет по балансам акционерных обществ показал, что норма эксплуатации рабочих на приисках общества «Драга» в 1903 г. составила 115 %, в 1910 г. – 160 %, в 1915 г. – 200 %, на приисках и рудниках Мариинской тайги в 1895 г. – 100 %, в 1910 г. – 200 %, в 1916 г. – 230 %, на приисках «Лензото» в 1895–1899 гг. – 50 %, в первое пятилетие XX в. – 35 %, во второе пятилетие – 160 %, в третье – 150 %, а в 1914–1916 гг. – 205 %. На Иркутском солеваренном заводе норма эксплуатации колебалась в начале XX в. от 53 до 175 %, на Судженских копиях Михельсона в 1912 г. – около 110 %, на Забайкальских угольных копиях в годы Первой мировой войны – от 275 до 420 %, на Сибирской железной дороге – от 100 до 148 %⁸³. В среднем в промышленности Сибири норма эксплуатации равнялась 100–130 %, что было выше, чем в среднем по промышленности Европейской России, где она составляла, по подсчетам В.И. Ленина и С.Г. Струмилина, около 100 %. Она была ближе к показателям промышленности США в начале XX в. – 130 %⁸⁴.

В целом можно констатировать, что в промышленности и транспорте Сибири в XIX – начале XX в. преобладали формы эксплуатации, характерные для раннеиндустриального периода развития общества, основанные на всемерном увеличении рабочего дня, что стимулировалось сезонностью большинства производств. Вместе с тем необходимо отметить и первые признаки методов эксплуатации зрелого капитализма, связанных с ростом производительности и интенсивности труда.

Эти же черты раннеиндустриального общества проявлялись и в отношениях рабочих и предпринимателей вне производства. В силу исторически сложившейся патриархальности, слабости инфраструктуры и торговой сети предприниматели обычно обеспечивали работников питанием, одеждой, жильем, образовательными и медицинскими услуга-

ми. Эта ситуация, возникавшая благодаря традициям и необходимости, широко использовалась предпринимателями для сокращения заработка рабочих и порой создавалась даже там, где в ней не было особой необходимости. Такую систему эксплуатации К. Маркс называл вторичной, в отличие от эксплуатации, возникавшей в процессе производства. Он писал: «Эксплуатация рабочего начинается сызнова, как только он начинает обменивать цену своего труда на другие товары. Лавочники, залогоприниматели, домовладельцы – решительно все эксплуатируют его еще раз»⁸⁵. Часто все нити эксплуатации сосредоточивались в одних руках – хозяина предприятия. Это ставило под контроль предпринимателя потребление, быт работников, подчиняло их фабричному режиму и вне рабочего времени, создавало условия для обкрадывания рабочих.

Ф. Энгельс на примере эволюции английской промышленности показал, что продолжительный рабочий день, приемы «мелкого обворовывания рабочих» при оплате труда – это признаки «юношеского возраста капиталистической эксплуатации», которые исчезают по мере развития капитализма, становясь помехой на пути получения прибавочной стоимости в процессе производства. Вместе с тем Ф. Энгельс отмечал, что в конце XIX в. эта тенденция в полной мере была характерна только для Англии, а в остальных странах (Франции, Германии, США) преобладали грубые формы эксплуатации⁸⁶. К таким же странам К. Маркс и Ф. Энгельс относили и Россию. К. Маркс писал об этом: «На этой русской почве, столь богатой всяческими безобразиями, находятся в полном расцвете старые ужасы младенческого периода английской фабричной системы»⁸⁷. Грубые формы вторичной эксплуатации В.И. Ленин считал характерными признаками русского капитала первоначального накопления, который он называл «октябристским»⁸⁸.

Сибирь XIX – начала XX в., которая была заповедником раннего капитализма со всеми его «прелестями», давала массу примеров вторичной эксплуатации⁸⁹. Не случайно именно дикие формы эксплуатации прежде всего привлекли внимание публицистов при обсуждении рабочего вопроса в Сибири. Они чаще всего создавали конфликты между рабочими и предпринимателями. На предприятиях горных отраслей, зачастую изолированных от внешнего мира немалыми расстояниями, любое неблагополучие в ведении дела, воровство и некомпетентность администрации ставили под угрозу существование промысловых поселков, иногда – жизнь всего их населения, вызывали социальные взрывы и безвозвратные убытки.

Из методов вторичной эксплуатации в Сибири, как и в России в целом, наиболее распространенной была плата натурой – продуктами питания, одеждой, предоставлением жилья. На кабинетских предприятиях, кроме денежного жалования, мастеровым выдавалось по 2 пуда муки на взрослого работника, предоставлялись места под усадьбы, покосы, лес. Каторжнорабочим и военнорабочим выдавались еще одежда и обувь, поэтому беглый каторжник или военнорабочий строитель автоматически становился вором, уносящим на себе казенное имущество.

Нормировалось хозяйское содержание рабочих и на капиталистических предприятиях. На приисках оно состояло из 2,0–2,5 пуд. хлеба ржаного, 0,5–1,5 пуд. хлеба пшеничного, 45–60 фунт. мяса, 4–15 фунт. крупы, от 2 до 6 фунт. масла скоромного, 2–3 фунт. соли, от 2 до 4 фунт. сахара, от 0,5 до 1 кирпича чаю, капусты, кваса, винных порций по одной сотой ведра (123 г) в день или по несколько раз в неделю⁹⁰. Питание организовывалось поартельно, на пароходах – по категориям служащих. Содержание служащих было лучшим за счет большего количества мяса, масла, белого хлеба. На пароходах содержание служащих первой категории (капитанов, их помощников, машинистов) резко отличалось от содержания матросов. Хозяйское содержание дополнялось покупкой продуктов в лавках. Похожим было питание строителей, промышленных рабочих, скуднее у рыбаков, у которых львиную долю питания составляли рыба и хлеб, разнообразнее – у приказчиков, речников. В течение XIX в. от хозяйских харчей отказались во всех отраслях, кроме рыбопромышленности. В золотопромышленности хозяйские харчи отменила в 1890-е гг. горная инспекция. На пароходах хозяйское харчевание прекратилось само по себе в начале XX в.

Для хозяев выгоднее было продавать рабочим продукты из лавок, получая прибыль без затрат на содержание штата поваров, пекарей, квасоваров. Доля заработка, выданного натурой из хозяйских лавок, была в Сибири высокой, по причине слабости торговой сети и редкости населения. На предприятиях обрабатывающих отраслей, судя по ведомостям выдачи заработной платы, она составляла в конце XIX в. 40–45 %⁹¹. В 1914 г. доля натуральной оплаты на предприятиях обрабатывающей промышленности, по сведениям фабрично-заводской инспекции, составила в Сибири 12,4 %⁹². На приисках Асташева рабочие взяли товаров из лавок в 1842/43 г. на 4,5 % заработка, в 1891/92 г. – на 42,4 %

(см. табл. 14), в 1900 г. на всех приисках Южно-Енисейской тайги рабочие товарами взяли из лавок 63,6 % заработной платы, в 1916 г. – 52,9 % (см. табл. 15). На Ленских приисках в 1880-е гг. плата натурой составляла от 27 до 65 %, в 1890–1911 гг. – от 50 до 60 %, после стачки 1912 г. – 25 %. На мелких приисках, в ремесленных мастерских натурой забирали 80–90 % всего заработка. На каменноугольных копях шахтеры получали натурой до 20–30 % заработка⁹³, на Николаевском железодельном заводе в 1863 г. – 2/3, в 1888 г. – 5/6⁹⁴.

Доля натуральной оплаты имела тенденцию к снижению лишь в городах, где была развита стационарная торговая сеть, на сезонных промыслах она оставалась постоянно высокой. Во временных промысловых поселениях росло число семейных рабочих и служащих, возросло потребление, поэтому предприниматели использовали свое монопольное положение и получали торговую прибыль. Чиновник для особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири Калагеорги, инспектируя в 1882 г. Ленские прииски, отмечал: «Заготовление вещей и продажа их не обуславливается только необходимостью, а представляет собой особое коммерческое дело»⁹⁵. Лензото в 1895/96 г. получило от продажи товаров из лавок 168,5 тыс. руб. дохода, или 24 % всей прибыли. Торговая прибыль Верхне-Амурской компании в 1905/06 г. составила 227,2 тыс. руб. и превысила доходность от золота. В «Ивмарзоло» в 1914 г. доход на 30 % был получен из лавок⁹⁶.

Зная чувствительность рабочих к качеству питания, промышленники старались соблюдать условия контрактов, однако среди них иной раз обнаруживались скаредные и недальновидные люди, не всегда честными были и служащие. Сбыт лежалого, некачественного товара, обмеры и обвесы, обсчеты в условиях монополии оставались безнаказанными до очередного взрыва возмущения потребителей-рабочих. При «хозяйской содержании» экономия достигалась путем закупки самых дешевых, а потому не лучших продуктов. Зимой и весной выдавалась солонина, которая нередко портилась, забивался старый рабочий скот, вместо мяса выдавались субпродукты. Так, в 1873 г. стачку на Ононских приисках Сабашниковых вызвала раздача на порции туши павшего быка. В 1886 г. мелкий арендатор Менделевич выдавал рабочим тухлое мясо и хлеб пополам с травой. Так же поступил в 1890 г. золотопромышленник Буткевич⁹⁷. Хорошо известно, что поводом для грандиозной Ленской стачки 1912 г. стала продажа рабочим вместо мяса непотребных частей бычьей туши.

**Структура выдачи заработной платы на приисках Сибири (Компания Асташева в Южно-Енисейской тайге)
в 1842–1892 гг. (в рублях на одного рабочего в год)***

Годы		Весь зара- боток	Выдано натурой			Выдано наличными					
			Всего	В том числе		Все- го	В том числе				
				Продук- тами	Това- ром из ла- вок		В зада- ток	В пода- ти	Отосла- но семьям	Налич- ными на при- иске	Рас- чет
1842/43	Руб.	212	97,6	88,1	9,5	114, 4	11,7	5,5	2,0	1,9	93,3
	%	100,0	46,1	41,6	4,5	53,9	5,5	2,6	0,9	0,9	44,0
1851/52	Руб.	158,6	61,1	38,4	22,7	97,7	15,3	6,3	2,9	5,4	67,8
	%	100,0	38,5	24,2	14,3	61,5	9,6	4,0	1,8	3,4	42,7
1861/62	Руб.	230,1	72,9	53,4	19,5	157, 2	38,8	2,8	2,0	2,3	111,3
	%	100,0	31,7	23,2	8,5	68,3	16,9	1,2	0,9	1,0	48,3
1871/72	Руб.	196,9	112,1	64,7	47,4	84,8	42,7	7,3	4,6	7,8	22,4
	%	100,0	56,9	32,8	24,1	49,1	21,7	3,7	2,3	4,0	11,4
1881/82	Руб.	290,9	172,8	97,3	75,5	118, 1	58,4	4,3	4,8	16,5	34,1
	%	100,0	59,4	33,4	26,0	40,6	20,0	1,5	1,7	5,7	11,7
1891/92	Руб.	247,9	160,3	55,3	105,0	87,6	31,0	7,3	6,0	11,4	31,9
	%	100,0	64,7	22,3	42,4	35,3	12,5	2,9	2,4	4,6	12,9

*Подсчет на основе данных: Тове Л.Л., Горбачев М.Ф. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Южной части Енисейского округа. СПб., 1899. Приложение.

Таблица 15

**Структура заработной платы
на приисках Южно-Енисейской тайги в 1897–1916 гг. (в %)***

Год	Зада-ток	Выс-лано семьям	В подати	Полу-чено на при-исках налич-ными	Полу-чено това-рами и продук-тами	До-дача. (расчет)	Невоз-вращен-ные долги
1897	8,6	3,7	4,9	2,2	42,3	35,3	3,0
1900	5,3	7,6	3,0	4,7	63,6	10,9	4,9
1907	1,4	3,9	0,4	13,0	40,9	38,5	1,9
1914	–	15,9	0,7	16,2	52,4	14,2	0,6
1916	–	5,3	0,8	22,4	52,9	18,2	0,4

* *Зиновьев В.П.* Методы вторичной эксплуатации рабочих . С. 121.

Регулирование цен на приисках Западной Сибири было введено в 1841 г., в Восточной Сибири – в 1857 г. Утвержденные горными ревизорами цены (таксы) предполагали от 33 до 100 % торговой прибыли. Лишь с введением горной инспекции в 1888 г. горные окружные инженеры урезали прибыль лавок до 20–25 % и стали штрафовать любителей наживы⁹⁸.

Кроме экономической зависимости, хозяйские харчи и лавки морально унижали рабочих, создавали условия для контроля за потреблением. Постоянное заглядывание в котелок рабочих со стороны хозяев служило почвой для стабильной атмосферы взаимной подозрительности, давало повод для мелких стычек, придинок, из которых вырастали крупные конфликты.

Последнее обстоятельство усугублялось при хозяйском обеспечении жильем. Затраты горных компаний на жилье составляли от 3 до 7 % всех расходов на наем рабочей силы. Качество «бесплатных» квартир почти всегда было низким. Теснота и грязь были непременными их атрибутами. Номер приискового барака обычно вмещал 20–25 человек. Размер площади на человека составлял в 60–70-е гг. XIX в. 2–3 кв. м, в 90-е гг. – 3–4 кв. м, в начале XX в. – 3,6 кв. м. На каменноугольных копях на человека приходилось несколько больше площади – 4,4 кв. м. В семью в казармах рабочих копей приходилось 5,7 кв. м (т.е. «угол»), на приисках – 14,6 кв. м, т.е. комната⁹⁹. Жилье горнорабочих было все же лучше, нежели у других рабочих. Рыбаки, строители, лесорубы, грузчики часто жили в шалашах и в землян-

ках. Городские рабочие жили по-разному. Квалифицированные рабочие – типографские, металлисты, железнодорожники могли снять или построить вполне приличное по понятиям любого времени жилье. Приличная квартира стоила 7–9 руб. в месяц, и была по карману только профессиональному, квалифицированному работнику¹⁰⁰. Чернорабочие же ютились в ночлежных домах, ночевали в рабочих помещениях, даже в навозных кучах. Об этом часто писала пресса, сообщали санитарные врачи.

Лучшей была ситуация в промышленных селах, где рабочие имели свои дома, хозяйства¹⁰¹. Четверть железнодорожников получала квартиры, либо квартирные деньги, четверть снимала квартиры в городах, затрачивая на это 85–120 руб. в год, или 25–30 % заработка, либо имела свои дома. Другая половина неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих (сторожа, стрелочники, ремонтные, чернорабочие) жила в землянках, бараках, путевых будках и в другом непригодном жилье¹⁰².

Проживание в хозяйских бараках и домах ставило под контроль хозяев бытовую жизнь работников. В замкнутых мирках промысловых поселков вся жизнь рабочих была открыта для слежки со стороны многочисленных хозяйских шпионов из числа самих же рабочих. В конфликтах с рабочими действенным оружием предпринимателей было выселение из фабричного или копейного жилья.

Каков же был жизненный уровень рабочих Сибири по сравнению с другими слоями сибирского населения? Если судить по дореволюционной печати, то жизнь рабочих была ужасна. Рабочий вопрос не сходил со страниц газет и журналов, в которых постоянно бичевались язвы «пролетариата» – скудное питание, убогое жилье, дикie нравы, временность и мизерность заработков, ненадежность существования наемного работника. Пресса, отстаивая интересы рабочих, можно сказать, выполняла интересы профсоюзов, которых не было до 1905 г. Нет сомнения в искренности и правдивости таких замечательных публицистов, как А.П. Щапов, В.И. Семевский, А.А. Колычев, С.П. Швецов, Н.И. Наумов, Н. Астырев, В.В. Берви, Н.В. Кириллов, А.И. Крахалев, В.Е. Воложанин, И. Майский. Однако им нечего возразить на саркастическое замечание золотопромышленника А. Савиных: «Если прииски для рабочих “неволя”, то что же после этого представляет из себя для них деревня, которая неумолимо гонит их в “неволю”, т.е. на прииски»¹⁰³.

Гарантированность средств существования в обмен на тяжкий физический труд, более широкий выбор товаров в промысловой лавке по сравнению с деревенской делали жизнь промышленного рабочего привлекательной для крестьянского парня, ссыльнопоселенца или мещанина. О появлении у сибирских рабочих более высоких потребностей по сравнению с деревенскими обитателями свидетельствуют обвинения сибирской прессы в адрес приказчиков, промышленных рабочих в стремлении к «роскоши», расточительству, приобретению товаров, не свойственных черному люду. Рабочие, следовательно, не только стремились, но и имели возможность повысить свой жизненный уровень.

Как известно, жизненный уровень определяется соотношением заработной платы и цен на предметы потребления. Анализ заработной платы сибирских рабочих показывает на большие различия таковой у отраслевых и квалификационных групп. В XVII – начале XVIII в. работники всех отраслей получали практически одну и ту же заработную плату – 4–5 руб. в год. При пятирублевом доходе работник тратил 2–3 руб. на питание, 45 коп. на одежду, 1,6 руб. на уплату налогов. Таким образом, работник тратил на свое содержание 50–70 % заработка¹⁰³. В 1759 г. средний заработок рабочих сибирских мануфактур составлял 8 руб., в 1859 г. – 34 руб. серебром в год. На питание тратилось соответственно 4,44 руб. и 33,5 руб., или 55,5 % и 95,4 % заработка. Можно говорить, таким образом, о падении реальной заработной платы наемных рабочих в Сибири в XVII – первой половине XVIII в. Исследователи связывают это с появлением дешевых рабочих рук ссыльнопоселенцев и ослаблением дефицита предложения труда¹⁰⁴.

Вольные работники получали за труд вдвое-втрое больше подневольных. Колодники казенных винных заводов получали в месяц в середине XIX в, 3 руб., а вольные – 9 руб. Работникам кабинетских предприятий по «плакату» (расценкам заработной платы) десятилетиями платили одно и то же мизерное жалование. В 1770 г. оно составляло 18–20 руб. в год, в 1852 г. – 16–20 руб. По подсчетам Ю. Гагемейстера, Кабинет не доплачивал своим работникам в год до 70 руб. до цен вольного найма¹⁰⁵. Не случайно в пореформенные годы на предприятиях Кабинета заработная плата быстро выросла почти на порядок: 1861 г. – 31 руб., 1870 г. – 61,2 руб., 1883 г. – 162 руб.¹⁰⁶

В XIX – начале XX в. номинальная заработная плата рабочих имела тенденцию к росту. На приисках за 1840–1890-е гг. она поднималась на 20 % (см. табл. 16). На горных промыслах она выросла, судя по данным горной инспекции, с 1895 по 1914 г. на 43 % (см. табл. 17).

**Динамика заработной платы приековых рабочих Сибири
(на примере Южно-Енисейских промыслов компании Асташева) в 1841–1894 гг.***

Годы	Номинальная заработная плата		Прожиточный минимум**		Реальная заработная плата	
	В руб. в мес.	В %, 1841/42 г. = 100	В руб. в мес.	В %, 1841/42 г. = 100	В %, 1841/42 г. = 100	В %, 1861/62 г. = 100
1841/42	17,66	100,00	16,93	100,00	100,0	70,90
1846/47	18,96	107,36	17,19	101,54	105,73	74,96
1851/52	13,21	74,80	9,42	55,64	134,44	95,31
1856/57	14,66	83,01	9,23	54,81	151,45	107,37
1861/62	19,17	108,55	13,03	76,96	141,05	100,00
1866/67	16,18	91,62	12,95	46,49	119,73	84,92
1871/72	16,40	92,87	14,11	83,34	111,44	79,01
1876/77	22,34	126,50	14,26	84,23	150,18	106,47
1881/82	24,24	137,26	18,46	109,04	125,88	89,24
1886/87	25,54	144,62	16,73	98,82	146,35	103,76
1891/92	20,66	116,99	13,04	77,02	151,80	107,69
1893/94	21,20	120,05	12,80	75,61	158,78	112,57

* Источник подсчета: *Тове Л.Л., Горбычев М.Ф.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Енисейского округа. СПб., 1899. Приложения. Статистические таблицы экономического состояния Южно-Енисейских промыслов Асташева.

** В бюджетный набор включены: мука ржаная – 2,5 пуд., крупа – 10 фунт., мука пшеничная – 35 фунт., мясо – 1 пуд 10 фунт., масло скоромное – 4 фунт., сахар – 2,5 фунт., чай – 1/3 фунт., спирт – от 0,01 до 0,04 ведра в месяц, азам (армяк) один на год, 2 рубахи на год, сапоги – 2 пары на год, мыло – 1 фунт, рукавицы – 1 пара, табак – 2 фунт, свечи – 1,5 фунт. в месяц.

Таблица 17

Динамика заработной платы горнорабочих Сибири в 1895–1917 гг. (в руб. в мес.)*

Годы Отрасли производства		1895–1899	1900–1904	1905–1909	1910–1914	1915	1916	1917
Золотодобыча		28,0	29,1	35,7	40,2	45,9	55,5	87,4
Каменно-угольные копи		Св нет	23,9	26,1	26,3	30,5	39,2	125,0
Заводы, рудники, каменоломни		18,8	17,9	23,6	26,7	28,8	41,8	71,4
Средняя заработная плата в горной промышленности	Руб.	26,1	27,3	31,9	37,3	41,1	48,3	97,9
	Индекс	100,0	104,6	122,2	142,8	157,5	185,1	375,1
Промышленность Европейской России		–	20,1	23,0	25,9	–	–	–

*Источник: *Зиновьев В.П.* Формирование горнорабочих Сибири в период империализма (1895–1917 гг.) Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1977. С. 150.

В обрабатывающей промышленности в пореформенное время месячный заработок составлял от 8 до 15 руб., в 1897 г. – 13,2 руб., в 1902 г. – 15,7 руб., в 1908 г. – 20,7 руб., в 1914 г. – 22,5 руб., в 1916 г. – 29,9 руб.¹⁰⁷

На речном транспорте сезонная плата в течение XIX в. изменялась следующим образом, судя по контрактам, 1811 г. – 57,5 руб., в 1853 г. – 49,8 руб., 1876 г. – 73,75 руб., 1885 г. – 250 руб.¹⁰⁸ В 1895–1899 гг. в среднем в месяц в пароходствах Сибири получали от 35 до 41,15 руб., в пароходстве «Лензото» – 49,25 руб., в 1900–1904 гг. аналогичные цифры были такими – 37,15–41,65 и 51,90 руб., в 1905–1909 гг. – 42,25–47,15 и 53,55 руб., в 1910–1914 гг. – 43,70–48,00 и 59,95 руб.¹⁰⁹ В среднем заработная плата речников выросла с 1811 по 1914 г. более чем в пять раз: с 8,2 руб. до 45 руб. в мес. Наиболее высокой в Сибири была заработная плата железнодорожников, которая, по подсчетам Б.И. Земерова, в два раза превышала таковую в промышленности. В службе тяги, где был наиболее квалифицированный состав рабочих, в 1900 г. средняя зарплата составляла 73 руб. в мес., в 1905 г. – 96, в 1910 г. – 80, в 1916 г. – 94 руб., в службе движения аналогичные показатели составляли – 41 руб., 55, 46 и 54 руб. В службе пути, где преобладали малоквалифицированные рабочие, среднемесячные заработки составляли в те же годы 29 руб., 39, 30 и 37 руб.¹¹⁰ Росли заработки и на рыбных промыслах: в 1812 г. на песках Нарымского края сезонный наем давал 6 руб., в 1895 г. – 30–45 руб.¹¹¹

Перечисление отраслей можно продолжить и далее, но вывод уже ясен, номинальные заработки индустриальных рабочих Сибири имели тенденцию к росту в течение XIX – начале XX в.

Реальные заработки рабочих имели несколько иную динамику под влиянием эволюции цен на предметы первой необходимости. В горной промышленности отмечен рост и реальной заработной платы. На приисках Асташева за полвека с 1841 по 1894 г. реальные заработки опередили номинальную заработную плату. В денежном выражении она выросла на 20 %, а в покупательной способности – на 60 % (см. табл. 16). Следует отметить, что интенсивный рост реальных доходов рабочих пришелся на дореформенное время, когда упали цены на хлеб. После реформы 1861 г. рост реальных доходов горняков был минимален. Если за 100 % взять уровень 1861 г., то за последующую треть века реальная прибавка в зарплате приисковых рабочих составила всего 13 %.

В начале XX в. реальные доходы горнорабочих продолжали в целом расти до Первой мировой войны (см. табл. 18). Резкое снижение реальных заработков в Сибири, как и в России, произошло в 1917 г.

**Динамика реальной заработной платы в горной промышленности Сибири
в 1895–1917 гг., в индексах (1895–1899 гг. – 100 %)***

Годы	Золотые прииски			Каменноугольные копи		
	Номинальная заработная плата	Цены	Реальная заработная плата	Номинальная заработная плата	Цены	Реальная заработная плата
1900–1904	129,66	116,65	110,59	102,01	93,41	109,21
1905–1909	140,05	119,86	116,84	111,89	110,08	101,64
1910–1914	165,98	146,24	113,49	135,10	107,54	125,89
1915	200,46	187,89	106,69	124,92	123,32	101,29
1916	241,99	240,47	100,63	161,23	175,24	92,0
1917	214,40	267,63	80,05	197,30	263,78	76,31

* Источник: *Зиновьев В.П.* Формирование горнорабочих Сибири в период империализма (1895–1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1977. С. 221.

В фабрично-заводской промышленности реальная заработная плата, по подсчетам В.А. Скубневского, имела уверенную тенденцию к росту. Если 1897 г. принять за 100 %, то уровень 1902 г. составил 123 %, 1908 г. – 139,6 %, 1914 г. – 131,4 %. Лишь в 1916 г. реальные доходы фабричных рабочих упали до 88,6 %¹¹². У строителей Томска номинальные заработки выросли с 1862 по 1894 г. с 20,5 руб. до 29,2 руб., т.е. на 42,3 %, а реальные доходы увеличились на 22,9 %. В Красноярске за те же годы аналогичные показатели составили 23,2 и 44,4 %¹¹³. Реальные заработки речников Сибири с 1900 по 1914 г. выросли на 7,6 %, а в отдельных пароходствах они не изменились¹¹⁴.

Иначе выглядит динамика реальных доходов железнодорожников. По подсчетам Б.И. Земерова, если соотношение цен и заработной платы железнодорожников в 1900 г. взять за 100 %, то в 1905 г. оно составило 98,5 % в 1910 г. – 84,5 %, в 1916 г. – 82,8 %. Надо иметь в виду, что для привлечения кадров казна шла в первое время на значительное повышение заработной платы в Сибири, затем она увеличивалась не настолько быстро (135 %), чтобы поспевать за ростом цен (175 %)¹¹⁵. В целом же реальная заработная плата рабочих Сибири, как и в России, имела тенденцию к увеличению по мере роста квалификации и производительности труда¹¹⁶. Абсолютного обнищания не происходило, но в Сибири рост заработной платы сбивался усилением конкуренции на рынке труда, появлением безработицы.

Нельзя сказать, что рабочие дореволюционной Сибири достигли сколько-нибудь сносного уровня жизни даже при росте реальных заработков. Так, уже приводившиеся в пример рабочие богатейших приисков Асташева в самый благополучный для себя 1893/94 год тратили на собственное содержание 3/5 заработка. Оставшихся средств хватило бы при сохранении стандарта потребления, на жену, но на детей не осталось бы ни копейки. Стало быть, приисковые рабочие в массе своей получали заработную плату, не обеспечивавшую воспроизводство рабочей силы. То же самое отметил В.А. Скубневский для рабочих обрабатывающих отраслей Сибири, Б.И. Земеров – для железнодорожников¹¹⁷. Напомню, что простое воспроизводство рабочей силы включает стоимость жизненных средств семьи из 4 человек.

Возможность дифференцировать рабочих по размеру заработной платы и обеспеченности жизни дает анкета, проведенная ин-

спекцией на крупных предприятиях горной промышленности Сибири в июле 1914 г. (см. табл. 19).

Таблица 19

Обеспеченность жизни горняков Сибири в 1914 г., %*

Предприятия	Число рабочих	В т.ч. получающих заработок			
		Не обеспечи- вающий 1 чел.	Обеспечивающий 1 чел	Обеспечивающий 2 чел	Обеспечивающий 4 чел
Угольные копи	4797	30,7	36,1	21,7	9,5
Прииски с драгами	827	6,6	27,2	39,2	27,0
Прииски «Лензото»	6162	2,8	67,7	30,0	3,5
Итого	11786	14,4	50,7	27,5	7,4

* *Зиновьев В.П.* Формирование горнорабочих Сибири в период империализма (1895–1917 гг.) Дис. ...канд. ист. наук. Томск, 1977. С. 156. Бюджетные наборы, положенные в основу расчета, указаны там же на с. 220

Простое воспроизводство рабочей силы по стандартам своего времени могли обеспечить только 3,5 % рабочих богатейшей компании Лензото, меньше десятой части шахтеров и около четверти рабочих механизированных дражных промыслов. Эти цифры в основном совпадают с долей высококвалифицированных рабочих. По расчетам Б.И. Земерова, только 6 % железнодорожников получали доход, соответствующий стоимости рабочей силы¹¹⁸.

Эти расчеты историков подтверждаются многочисленными корреспонденциями в сибирские газеты, авторы которых показывают, что большинству семейных рабочих денег на жизнь не хватало. Так, неизвестный корреспондент с Олекминских промыслов в 1887 г. сообщал, что горняки тратят на себя 86 % заработка, или 227 руб. из 264¹¹⁹. По мнению другого корреспондента из Енисейска, в 1881 г. в этом городе семье из 5 человек нужно 30 руб. в месяц, а боль-

шинство рабочих имели заработок в 15–25 руб.¹²⁰. Из Омска корреспондент сообщал в 1876 г., что большинство рабочих влчат жалкое существование, получая от 6 до 13,5 руб. в месяц¹²¹. Однодневная перепись Иркутска в 1864 г. выявила, что 2 тыс. чернорабочих имели доход в 90 руб. в год, тогда как прожиточный минимум составлял 102 руб.¹²².

Франтоватые приказчики на самом деле в большинстве находились на грани нищеты. В 1880 г. приказчики Иркутска в среднем получали 25 руб. в месяц, или 300 руб. в год. Холостому человеку, по мнению корреспондента, «чтобы быть здоровым и способным работать, чтобы не попасть в разряд бедных», необходимо было зарабатывать не менее 173,3 руб. в год, а семейному – 439,9 руб. Холостой приказчик мог откладывать деньги на черный день, женатый испытывал дефицит средств на жизнь¹²³.

Приведенные примеры и подсчеты показывают, что жизненный уровень рабочих Сибири был невысок и чрезвычайно зависел от места работы и квалификации. Предприниматели не оплачивали стоимость рабочей силы, имея ее неограниченный резервуар в виде крестьян-отходников, ремесленников, бездомных поселенцев и бродяг.

Почему же крестьяне соглашались на заведомо невыгодные условия продажи рабочей силы? Ответ дает сравнение доходов крестьянских хозяйств и рабочих. В начале XX в. средний доход бедных крестьянских дворов равнялся, по подсчетам Л.М. Горюшкина, 177–206 руб., середняцких хозяйств – 459–463 руб. Средний годовой доход фабрично-заводских рабочих составлял 248,8 руб., горнорабочих – 327,6 руб., железнодорожников – 492–744 руб., строителей – 552 руб.¹²⁴ Таким образом, даже середнякам, составлявшим большинство сибирских крестьян, имело смысл переходить в индустриальную сферу в качестве наемных рабочих. Эта и была главная причина перелива рабочих рук из сельского хозяйства в промышленность и транспорт. Заработки сибирских рабочих также превышали средний заработок рабочих Европейской России (214 руб. в 1904 г.), что привлекало в Сибирь рабочие кадры.

Следует также учесть, что какой бы слабой ни была система страхования рабочих, учреждения медицины и образования, они предоставляли индустриальным рабочим несравненно лучшие услуги, нежели аграрному населению. В каждом промышленном поселке, на крупном промышленном предприятии были школы,

фельдшерские пункты, действовали правила обеспечения при несчастных случаях. В 1913 г. на горных промыслах действовали 37 школ с 58 учителями и 2702 учениками, 152 больницы на 920 коек, которые обслуживались 198 врачами и фельдшерами¹²⁵. Своя система медицинского обслуживания имела на речном транспорте, на железной дороге, на стройках.

В целом положение сибирских рабочих и служащих мало чем отличалось от такового в Европейской России. Но здесь имелись свои особенности, связанные с тем, что Сибирь переживала процесс хозяйственного освоения, была слабо заселена, менее развита в социальном и техническом смысле, имела слабую инфраструктуру и более суровый климат. Рабочие здесь эксплуатировались еще более дикими методами, имели неустроенный быт, более тяжелые условия труда, были обделены образовательными и медицинскими услугами.

Примечания

¹ Рабочий класс России от зарождения до начала XX в Второе издание, исправленное и дополненное. М., 1989. С. 109–121, 305–316, Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 131–134.

² Марков В.И. Некоторые вопросы правового положения рабочих золотодобывающей промышленности Сибири (1895–1917 гг.) // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 8. С. 117–129; Он же. Горный надзор в Сибири (1895–1917 гг.) // Рабочие Сибири в период капитализма. Томск, 1979. С. 55–76.

³ Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб., 1898. Т. 1–2.

⁴ Рабочий класс Сибири.. С. 25–26, 33–35; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма Новосибирск, 1982 С 254

⁵ Енисей 1897 19 сент

⁶ Рабочий класс России от зарождения С 92

⁷ ГАИО Ф. 145. Оп. 3. Д. 75. Л. 13.

⁸ ГАНО Ф. 130. Оп. 1. Д. 170. Л. 192.

⁹ Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 1. Л. 124.

¹⁰ Рабочий класс Сибири... С. 131–132

¹¹ ЦГА Бур. республики. Ф. 207. Оп. 1. Д. 1157. Л. 1, 16–22.

¹² ГАТО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 610. Л. 34.

¹³ ГАОО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 17383. Л. 3–9, 22, 96; ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 1383. Л. 44.

¹⁴ Рабочий класс Сибири... С. 53.

¹⁵ ГАТО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 6111. Л. 7, 10.

¹⁶ Сибирский вестник. 1887. 14 июня.

- ¹⁷ Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика: В 3 т. Томск, 1988. Т. 1. С. 169–171.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 255. Л. 1–2.
- ¹⁹ ГАТО Ф. Ф. 1 Оп. 1. Д. 288 Л. 1–2.
- ²⁰ Сибирский листок. 1896. 22 авг.
- ²¹ Томские губернские ведомости 1897. № 23.
- ²² ГАТО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 42. Л. 22.
- ²³ РГИА. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 54. Л. 7–13.
- ²⁴ ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 1704. Л. 182, 250–266.
- ²⁵ *Семевский В.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 49–52.
- ²⁶ *Лоранский А.* Наши законы о золотопромышленности // Горный журнал. 1872. Т. 3. № 7–8. С. 369.
- ²⁷ Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 12.
- ²⁸ Полное собрание законов Российской империи Собр. 2 СПб., 1863. Т. 34, № 36793.
- ²⁹ Свод законов... СПб., 1893. Т. 11, ч. 2.
- ³⁰ Там же. Т. 10. Ст. 2201–2239.
- ³¹ Урочное положение для строительных работ СПб., 1892. С. 16–17; РГИА. Ф. 37. Оп. 40. Д. 962. Л. 9; *Лаверычев В.Я.* Царизм и рабочий вопрос в России (1861–1917 гг.). М., 1972. С. 96.
- ³² *Полянский Н.Н.* Стачки рабочих и уголовный закон. СПб., 1907. С. 363.
- ³³ Там же. С. 365, 367, 371; *Полянский Н.Н.* Коалиции рабочих и предпринимателей с точки зрения уголовного права. М., 1909. С. 246.
- ³⁴ *Полянский Н.Н.* Стачки рабочих... С. 374.
- ³⁵ *Скубневский В.А.* Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири. Томск, 1991. С. 132–135.
- ³⁶ ГАТО. Ф. 421. Оп. 1. Д. 39. Л. 539–540.
- ³⁷ Рабочий класс Сибири... С. 63.
- ³⁸ *Пережогин А.А.* Военизированная система управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.) Барнаул. 2005. 262 с.
- ³⁹ РГИА. Ф. 18. Оп. 3. Д. 625. Л. 2–32.
- ⁴⁰ *Андрющенко Б.К., Бузанова В.А., Зиновьев В.П. и др.* История дорожного дела в Томской области Томск, 1999. С. 20–21.
- ⁴¹ К военнорабочим были причислены и ссыльные работники Омской суконой фабрики Сибирского казачьего войска.
- ⁴² О возмутительном письме военнорабочего // ГАОО Ф. 4 Оп. 1. Д. 427. Л. 7.
- ⁴³ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 94; *Зиновьев В.П.* Горная промышленность Сибири и формирование горнорабочих (1895–1917 гг.) // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980. С. 24.
- ⁴⁴ *Зиновьев В.П.* Методы капиталистической эксплуатации рабочих в золотопромышленности России // Из истории буржуазии в России. Томск, 1982. С. 71–72.
- ⁴⁵ *Зиновьев В.П.* Горная промышленность... С. 24.

⁴⁶ *Зиновьев В.П.* Методы капиталистической эксплуатации .. С. 72.

⁴⁷ См.: Отчеты горных управлений, например Иркутского, за 1896 г о поселке хищников на р. Королон (ЦГА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 126. Л. 97–98)

⁴⁸ Судя по отчету Березовского исправника Тобольскому губернатору за 1807 г., в низовья отправились 20 судов. ГАТО ТФ. 329. Оп. 541. Д. 206 Л. 27–122). Судя по фактурам судов, в среднем на одно рыболовное судно приходилось 73 чел. (ГАТО ТФ. Ф. 1 Оп. 2. Д. 16. Л. 1–39). Таким образом, количество рыбаков составляло около 1,5 тыс.

⁴⁹ ГАТО ТФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 31. Л. 1–86; Д. 30. Л. 2–176. Подсчет.

⁵⁰ *Варнаховский Н.А.* Рыболовство в бассейне реки Оби. СПб., 1898. С. 82–84.

⁵¹ *Майский И.* Рабочий вопрос на рыбных промыслах Тобольской губернии // Сибирские вопросы. СПб., 1908. № 19–20. С. 29–33

⁵² *Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский север. СПб., 1904 С. 240–241.

⁵³ ГАТО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1858. Л. 14.

⁵⁴ *Кулаков П.Е.* Рыбный промысел и торговля в Туруханском крае // Известия ИРГО 1898 Т. 34, вып. 6 С. 669, *Он же.* Рыбный промысел и рыбная торговля в низовьях Енисея (в Туруханском крае) // Русское судоходство 1898 № 201. С. 76.

⁵⁵ *Кузнецов И.* К познанию рыбных промыслов северо-восточной Сибири // Русское судоходство 1910 № 9 С. 75

⁵⁶ *Мельников В.И.* Рыбные промыслы на реке Колыме // Русское судоходство. 1910. № 11. С. 37.

⁵⁷ [*Кирилов Н.В.*] Отчет по командировке на селенгинские рыбные промысла врача Кирилова в сентябре 1886 года // Известия ВСОИРГО, 1886. № 3–4 С. 133; *Он же.* Поездка в Нижнеангарск Баргузинского округа на Байкале в 1885 г. // Известия ВСОИРГО. 1886. Т. 17, № 1–2. С. 61–65, 73.

⁵⁸ *Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Цепляев Л.Н.* Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 36–39.

⁵⁹ Очерки истории города Омска. Омск, 1997. Т. 1. Дореволюционный Омск. С. 179–180.

⁶⁰ *Колычев А.А.* Рабочие на приисках Сибири Томская горная область СПб., 1904. С. 43.

⁶¹ ГАТО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1858. Л. 10

⁶² Русское судоходство 1898 № 192–193 С. 75

⁶³ *Кирилов Н.В.* Поездка в Нижнеангарск . С. 39.

⁶⁴ *Крюков Н.А.* Западное Забайкалье в сельскохозяйственном отношении СПб., 1896 С. 127

⁶⁵ Письма из Енисейска Упадок золотопромышленности // Справочный листок. (Красноярск). 1890. № 29.

⁶⁶ *П. Н-чъ (Лепешинский П.Н.)* О приисковых рабочих // Сибирская жизнь 1898 17 сент.

⁶⁷ Ведомости работавшихся приисков // ГАТО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 195. Л. 283–286; Д. 544. Л. 35–376, РГИА. Ф. 37. Оп. 44. Д. 1723. Л. 1–589; Оп. 67. Д. 1316. Л. 11–32; Оп. 75. Д. 711. Л. 52–57; ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1423. Л. 1–9; ГАКК. Ф. 470. Оп. 1. Д. 977. Л. 1–7; Ф. 543. Оп. 1. Д. 192. Л. 27–32

⁶⁸ Алтай С. 396, ГАКО. Ф 6 Оп 2 Д 36 Л 74, ГАИО Ф 712 Оп. 1 Д. 520. Л. 45

⁶⁹ Сибирский листок 1891. № 19, ГАТО. Ф 433. Оп. 1. Д 182. Л 76, РГИА Ф. 468. Оп. 23. Д 826 Л 10; Ф. 37. Оп. 75. Д. 404. Л. 12–97; Д. 433. Л. 7–15; Д 581. Л. 19–22; ГАИО Ф 135 Оп 1 Д. 218 Л. 354; Д. 1156. Л. 13–123, Д 1627 Л. 74; Горный журнал. 1864 Т 1, № 3 С 354, Вестник золотопромышленности. 1896 № 23. С. 423–424, 1899. № 20. С. 422; Горнозаводская промышленность Сибири А. Томская горная область в 1904 году. Томск, б.г. С. 11–12; Горные и золотопромышленные известия 1907. № 2. С. 25; 1911 № 7 С. 170; 1913. № 8–9. С. 176–179.

⁷⁰ Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири. (90-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.) Томск, 1991. С. 130–137; ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 77. Л. 5–180.

⁷¹ Крузе Э.Э. Положение рабочего класса в России в 1900–1914 гг. М., 1976. С. 259; Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России. М., 1979. С. 44–45

⁷² Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1899 год. Томск, 1899. Отд. I С 246

⁷³ Сибирь 1876 10 окт.

⁷⁴ Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах СПб., 1898 Т 1. С 107–360.

⁷⁵ Зиновьев В.П. Рабочие Сибири в 1907–1917 гг. // Рабочие Сибири в период капитализма. Томск, 1979. С. 24.

⁷⁶ ГАИО. Ф. 712 Оп. 1 Д. 598. Л. 77–935, ГАТО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 195. Л. 283–286, РГИА. Ф. 37. Оп. 44. Д. 1637. Л. 5–403, Д 1723. Л. 1–589. Семевский В.И. Рабочие ... Т. 1. С. 107–360; Зиновьев В.П. О рынке рабочей силы для горной промышленности Сибири в период империализма // Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1976. С. 65.

⁷⁷ Михалевский Ф.И. Золото как денежный товар. М., 1937. С. 66.

⁷⁸ Семевский В.И. Рабочие ... Т. 1. С. 14–365; Т. 2. С. 98–337.

⁷⁹ Подсчет по: Тове Л.Л., Горбачев М.Ф. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Южной части Енисейского округа. СПб., 1899. Приложение. Статистико-экономические таблицы.

⁸⁰ Подсчет по: Тове Л.Л., Иванов Д.В. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Амурско-Приморского района. СПб., 1905. Т 2 Амурская область. Ч 1 С. 112, Приложение. С. 81–85.

⁸¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 826. Л. 54.

⁸² ГАТО. Ф. 433. Оп. 1 Д. 532. Л. 163

⁸³ Подсчет по: Труды комиссии высочайше утвержденной для собирания и разработки сведений для сибирской золотопромышленности. СПб., 1895. Вып. 1 С. 10, 23; Рабинович Г.Х. О методах капиталистической эксплуатации промышленных рабочих Сибири в конце XIX – начале XX в. // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 8. С. 106–116; Зольников Д.М. Рабочее движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск, 1969. С. 94; Медведев Н. Каменноугольная промышленность Забайкалья // Горная промышленность ДВР. Чита, 1922.

С 49, *Земеров Б.И.* Реальная заработная плата рабочих и служащих на железных дорогах Сибири (1895–1917 гг.) // *Рабочие Сибири в период капитализма* Гомск, 1979. С. 94; *Вестник золотопромышленности и горного дела* вообще 1893–1894 № 13. С. 214, № 14. С. 232, РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 600. Л. 4, Оп. 75. Д. 650. Л. 7; Ф. 1418. Оп. 1. Д. 272–299, 495, 798, 809; ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 241. Л. 81–84; Д. 246. Л. 166–167; Д. 327. Л. 55–57; Д. 1897. Л. 4–5.

⁸⁴ *Ленин В.И.* Заработки рабочих и прибыль капиталистов в России // *Ленин В.И. Полн. собр. соч.* М., 1961. Т. 22. С. 25; *Струмилин С.Г.* Избранные произведения. М., 1963. Т. 1. С. 344, *Варга К.* Основные вопросы экономики и политики империализма. М., 1957. С. 162.

⁸⁵ *Маркс К.* Заработная плата // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т. 2. С. 586.

⁸⁶ *Энгельс Ф.* Приложение к американскому изданию «Положения рабочего класса в Англии» // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т. 21. С. 260–263.

⁸⁷ *Маркс К.* Капитал // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т. 23. С. 572.

⁸⁸ *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России // *Ленин В.И. Полн. собр. соч.* М., 1961. Т. 3. С. 417, 527, *Ленин В.И.* Третья Дума // Там же. Т. 16. С. 141; *Ленин В.И.* Язык цифр // Там же. Т. 23. С. 431.

⁸⁹ См.: *Зиновьев В.П.* Методы вторичной эксплуатации рабочих в горной промышленности Сибири в период капитализма // *Вопросы социально-экономического развития Сибири в период капитализма.* Барнаул, 1984. С. 106–128.

⁹⁰ *Зиновьев В.П.* К вопросу об экономическом положении горнорабочих Сибири (1895–1914 годы) // *Из истории Сибири.* Томск, 1973. Вып. 8. С. 155.

⁹¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 152. Л. 35; Ф. 234. Оп. 1. Д. 76. Л. 5–55.

⁹² *Скубневский В.А.* Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири. С. 143.

⁹³ *Зиновьев В.П.* Методы вторичной эксплуатации рабочих... С. 116–117.

⁹⁴ ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 292. Л. 430–434; *Восточное обозрение.* 1889. 22 окт.

⁹⁵ *Семевский В.И.* Рабочие... Т. 2. С. 405.

⁹⁶ РГИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 33. Л. 22, Ф. 57. Оп. 1. Д. 78. Л. 1–2; Ф. 1418. Оп. 1. Д. 273. Л. 2–3.

⁹⁷ *Зиновьев В.П.* Методы вторичной эксплуатации рабочих. С. 114.

⁹⁸ *Семевский В.И.* Рабочие. Т. 1. С. 128–405; Т. 2. С. 116–403; *Колычев А.* Рабочие на приисках Сибири. Томская горная область. СПб., 1904. С. 57; РГИА. Ф. 37. Оп. 44. Д. 1983. Л. 49.

⁹⁹ Подсчет по: *Вырубов А.* О гигиенической обстановке и некоторых болезнях приискового населения на золотых промыслах Прибрежно-Витимского золотопромышленного товарищества и Компании Промышленности в Олекминском округе Восточной Сибири: Рассуждение на степень д-ра медицины М., 1876. С. 13; *Горбачев М.Ф.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Ленского горного округа. СПб., 1905. Т. 1. С. 96–309, *Зиновьев В.П.* Формирование горнорабочих Сибири в период империализма (1895–1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1977. С. 170–171; ГАТО. Ф. 428. Оп. 1. Д. 427. Л. 250–257.

¹⁰⁰ *Сибирский листок.* 1895. 16 февр.

¹⁰¹ См., например: История Иткульского спиртового завода. 1868–2003 годы. Красноярск, 2004. С. 79.

¹⁰² Земеров Б.И. К экономическому положению рабочих Сибирской железной дороги накануне революции 1905–1907 гг. // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 8. С. 126–128.

¹⁰³ Рабочий класс Сибири. С. 34–35. Подсчет.

¹⁰⁴ Там же. С. 61.

¹⁰⁵ Там же. С. 63; Гагемейстер Ю. Статистическое обозрение Сибири СПб., 1854. Ч. 2. С. 396, 400.

¹⁰⁶ ЦХАФ АК Ф. 3. Оп. 3. Д. 116. Л. 10–11; Д. 351. Л. 63, Д. 1806. Подсчет.

¹⁰⁷ Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири... С. 139.

¹⁰⁸ ГАТО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 5158; Ф. 220. Оп. 1. Д. 10. Л. 25–36; Д. 42. Л. 22–23, 116–125; Д. 57. Л. 65–69.

¹⁰⁹ Цепенникова Е.П., Большаков В.Н. Динамика заработной платы рабочих плавсостава на речном транспорте Сибири // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1989. С. 139.

¹¹⁰ Земеров Б.И. Реальная заработная плата рабочих и служащих... С. 92.

¹¹¹ ГАТО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 5209. Л. 3; Ф. 220. Оп. 1. Д. 65. Л. 35, 55, 59, 76.

¹¹² Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири... С. 146.

¹¹³ Рабочий класс Сибири. С. 142.

¹¹⁴ Цепенникова Е.П., Большаков В.Н. Динамика заработной платы рабочих... С. 144.

¹¹⁵ Земеров Б.И. Реальная заработная плата рабочих и служащих... С. 94.

¹¹⁶ Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень... С. 132.

¹¹⁷ Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири.

С. 148; Земеров Б.И. Реальная заработная плата рабочих и служащих... С. 92–93.

¹¹⁸ Земеров Б.И. Реальная заработная плата рабочих и служащих... С. 94.

¹¹⁹ Сибирь. 1887. 5 апр.

¹²⁰ Сибирская газета. 1881. 23 авг.

¹²¹ Сибирь. 1876. 10 окт.

¹²² Иркутск и Иркутская губерния. Иркутск, 1866. С. 14.

¹²³ Сибирь. 1881. 22 нояб.; 1884. 28 окт.

¹²⁴ Рабочий класс Сибири. С. 203, 204; Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917). Новосибирск, 1976. С. 169.

¹²⁵ Зиновьев В.П. Формирование горнорабочих Сибири... С. 225–226.

Глава 4. Формы социальной активности в индустриальной сфере Сибири

Средства массовой информации сейчас старательно создают негативный образ бунтовщиков как разрушителей и террористов. Публицисты часто ссылаются на А.С. Пушкина, говорят о бессмысленном и беспощадном русском бунте и не подвергают сомнению правоту высказывания гения как знатока русской жизни. Я же полагаю, что дворянин А.С. Пушкин был не прав. Русский бунт был беспощаден, но имел глубочайший смысл, ибо сопротивление злу: рабству и крепостному праву – всегда благородно и полезно для общества в целом. Бунт не давал окончательно оскотиниться господам и рабам и тем самым спасал страну для развития и совершенствования.

Прав крестьянский сын Иоганн Готлиб Зейме, немецкий демократ XVIII в., который сказал: «Бунт означает сопротивление, а восстание – силу и решимость идти прямым путем. Следовательно, и то, и другое может быть проявлением прекрасных мужественных добродетелей. Лишь обстоятельства клеймят их позором»¹.

Изучение народных движений в России полезно именно сейчас, когда граждан нашей страны новые хозяева жизни опять стараются собрать в стада, чтобы гнать к новому, теперь уже капиталистическому счастью. Для этого стараются вытравить из людей волю к сопротивлению, развернув настоящую телевизионную войну с историей народной борьбы. Немногие объективные исследования с трудом пробиваются через общий негативный фон современной историографической конъюнктуры².

Рабочее движение и в Сибири имеет давние традиции. Социальные конфликты сопровождали весь процесс освоения Сибири, были естественной частью этого грандиозного социокультурного явления. В Сибирь сбрасывался беспокойный социальный элемент. С появлением категории лиц, специализированных принудительно или добровольно на индустриальном труде, возникли их специфические социальные интересы, нуждающиеся в защите. Как видно из предыдущей главы, феодальное аграрное общество, в котором происходили начальные этапы индустриализации, не только не спешило с признанием прав нового социального слоя, но, наоборот, старалось всячески ущемить его, втиснуть в устоявшиеся отношения. Аграрное общество с презрением относилось к индустриальным рабочим, в лучшем случае – с сочувствием, хотя и не могло обойтись без их услуг.

Пролетариат сам вынудил общество считаться со своими интересами. Постепенно, по мере формирования, рабочий класс осознавал свою особенность, специфику потребностей, вырабатывал приемы борьбы за улучшение своего общественного и экономического положения. Условия феодального общества наложили на всю жизнь рабочих и служащих, на проявление их социальной активности отпечаток несвободы, вынуждали значительную часть сил тратить на борьбу с феодальной зависимостью. Сибирь в этом отношении не являлась исключением, а скорее – весьма наглядным примером, поэтому рабочее движение дореформенного времени представляет особый социальный феномен, слабо изученный до сих пор в масштабах страны, Сибири в частности. Его стоит рассмотреть отдельно, обратив внимание на эволюцию форм борьбы, различия в характере движения работников феодальных и капиталистических мануфактур.

Рабочее движение второй половины XIX – начала XX в. изучено лучше. После публикации хроники и статистики рабочего движения в Сибири в 1988–1991 гг. и защиты моей докторской диссертации³ в этом направлении серьезных исследований не проводилось, поэтому в настоящей монографии будет приведен лишь краткий очерк на основе названных исследований для того, чтобы нарисовать полную картины развития рабочего движения в Сибири на протяжении всего изучаемого периода. В настоящей главе анализируется эволюция социальной активности индустриальных кадров Сибири в XVII – начале XX в.

Рабочее движение в Сибири со второй половины XVII в. по февраль 1917 г. прошло три этапа, связанные с тремя ступенями форми-

рования пролетариата: 1) борьба предпролетариата (вторая половина XVII в. – 20-е гг. XIX в.); 2) борьба мануфактурного пролетариата (30-е гг. – первая половина 90-х гг. XIX в.); 3) борьба пролетариата машинной индустрии (вторая половина 90-х гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Этапы отличались не только по основным движущим силам, но и по преобладающим методам, формам и целям протеста.

4.1. Побег рабочих в XVIII – первой половине XIX в. как форма социального протеста

Рабочее движение не сразу становится организованным и массовым. Развитым его формам предшествуют индивидуальные и групповые акты пассивного сопротивления и бунтарские действия. Одним из наиболее распространенных способов борьбы работников на ранних этапах генезиса капиталистических отношений, когда силен элемент внеэкономического принуждения при комплектовании рабочей силы, являются побег. Под побегом понимается уход прикрепленного работника – крепостного, каторжного, военнорабочего, ссыльнорабочего до окончания срока службы или работы, а также вольнонаемного рабочего до окончания контрактного срока.

Побеги рабочих были зубной болью для сибирских администраторов, поскольку являлись одной из главных причин нестабильной работы казенных заводов, главным источником бродяжьего племени. Показатели числа бежавших и пойманных были обязательными пунктами казенной и кабинетской отчетности; побег являлись предметом разбирательства военно-судных комиссий. К сожалению, отчеты промышленных заведений XVIII–XIX вв. сохранились далеко не полностью, как и материалы военно-судных комиссий. Сведения же о побегах с частных заведений и судов в XVIII в. единичны. Несколько лучше сохранились отчеты по частным золотым промыслам, начиная с 50-х гг. XIX в., по которым можно собрать довольно полные данные.

Существенным дополнением к официальной отчетности являются труды дореволюционных исследователей, которые пользовались недошедшими до нашего времени официальными источниками. Наиболее полные сводки материалов о побегах рабочих сконцентрированы в трудах С.В. Максимова, А.И. Крахалева, В.И. Семеновского⁴. Поделиться своими рассуждениями о причинах побегов, о мерах по их устранению считал своим долгом каждый публицист, писавший о рабочем вопросе в Сибири⁵. Из советских историков

обстоятельно занимались анализом побегов рабочих В.И. Шемелев, И.П. Шарапов, З.Г. Карпенко, И.И. Комогорцев, В.Г. Карцов, Ф.А. Кудрявцев, М.М. Шмудевич, А.А. Мухин⁶.

Специальные, глубокие теоретически и насыщенные фактами труды посвятила побегам работников принудительного труда в Сибири Т.С. Мамсик⁷. Она совершенно справедливо обратила внимание на коренное отличие побегов, как средства протеста, от иных методов борьбы, направленных на улучшение существующего положения работников⁸. Борьба за улучшение отношений найма или зависимости означала фактическое признание их принципиальной приемлемости для работника на иных условиях. Побег же означал отрицание сложившихся отношений в целом, стремление переменить весь образ жизни, найти лучшую долю в другом месте, заняться другим делом. Для крепостного работника, каторжанина идеалом являлась жизнь свободных обывателей – крестьян или горожан, а не промышленного и транспортного рабочего. В.И. Шемелев верно писал, что «крепостные рабочие жили мечтой о земле, о крестьянском хозяйстве»⁹.

Для временных работников побег был связан с нежеланием выполнять какую-либо обязанность, повинность. При дефиците рабочих рук в Сибири любой человек из податных сословий мог быть принужден к такого рода работе и нередко спасался бегством. Особенно тяжело приходилось обязанным работникам казенных предприятий, экспедиций, где экстремальные условия труда и быта сочетались с самодурством и казнокрадством чиновников.

Организация Камчатской экспедиции В. Беринга, например, вызвала жалобы и побегі работников в ряде мест Восточной Сибири. В 1732 г. при основании Тамгинского железоделательного завода для снаряжения экспедиции из 21 работника-арестанта и крестьянина с. Амги бежали 5, а в 1736 г. из 200 работников бежал 21¹⁰. С Ангинского завода Ф. Ланина, выполнявшего спешные заказы экспедиции, в 1742 г. из 200 рабочих бежал также 21¹¹. При транспортировке имущества экспедиции по Енисею из 400 мобилизованных работников бежали в 1841 г. 8 человек¹².

В 1770-е гг. вследствие сопротивления рабочих была прекращена другая экспедиция – в Верхоянском районе. В 1774–1777 гг. убегали и подавали жалобы на штейгера Метелева рабочие Юндыбальского серебросвинцового рудника, разработка которого велась в тяжелейших условиях, осложненных осадой враждебно настроенных против пришельцев ламутов¹³.

Повседневным явлением были побеги работников с частных, кабинетских, казенных заводов. О динамике и масштабах побегов индустриальных работников в XVIII в. судить трудно из-за отсутствия полных сведений, но отрывочные данные позволяют утверждать, что ежегодно в бегах числились в это время сотни человек, что беглый каторжник и казенный работник был привычной фигурой сибирского социального пейзажа. Недаром так много песен и легенд о сибирских бродягах. Так, в 1744 г. на Алтайских заводах Демидовых числились в бегах 93 человека, в 1745 г. бежали еще 173, а в 1746–1747 гг. неизвестно куда выбыли почти 1850 мастеровых, приписных крестьян и разного рода пришлых людей¹⁴. Источник, к сожалению, не выделяет из этого числа мастеровых. В 1748–1796 гг. с заводов Алтая, по подсчетам Т.С. Мамсик, бежали 937 мастеровых, 184 военнослуживых, 179 колодников, а всего – 2619 работных людей¹⁵. С Ирбинского завода И.Г. Савельева в 1779–1781 гг. бежали не менее 49 чел., учтенных Енисейской воеводской канцелярией¹⁶. С Селенгинского завода купцов Пахолковых в 1795 г. бежал 41 работник. В июне 1796 г. из Иркутского работного дома бежали 9 работников, из которых 6 человек еще ранее совершили побег с Петровского завода¹⁷. С Забайкальских заводов в 1777–1780 гг. бежали 200 работников¹⁸. С Тельминской казенной мануфактуры в 1798 г. бежали 137 работников, в 1799 г. – 102, в 1800 г. – 106 работников из 2,5 тыс. их общего числа¹⁹. В 1815 г. из 860 работников Каменского, Боготольского, Краснореченского винокуренных заводов совершил побег 31 работник, в 1819 г. – 65 работников из 1100²⁰.

Работники бежали от тяжелой работы, неустроенного быта, скудного питания, жестокости и унижений со стороны хозяев и служащих. Так, беглый ссыльнорабочий Ирбинского завода Савельева И.К. Кирилов объяснял свой побег тем, что на заводе есть нечего, нет одежды, что рабочих бьют до такой степени, что «многие от ево Савельева тирании люди резались до смерти»²¹. Беглые работники Селенгинского завода объяснили следствию, что «побег учинили от несносной работы и по недачи ни хлеба ни одежды и от учинения теми купцами Пахолковыми им тяжкие побои»²². Хронически испытывая недостаток оборотных средств, сибирские заводчики экономили на содержании работников, подавляя недовольство террором. Для хозяев остановка заводов грозила разорением, для рабочих – голодной смертью.

На кабинетских и казенных заводах, стоявших более прочно в финансовом отношении, бегство как средство борьбы было характерно не для всех подневольных работников, а преимущественно

для низкооплачиваемых, бессемейных, новых рекрутов. Сведения, имеющиеся в моем распоряжении, подтверждают подобные выводы З.Г. Карпенко, Т.С. Мамсик, А.С. Черкасовой²³. Видимо, побудительные мотивы к бегству действовали на тех предприятиях, на которых жизненный уровень работников был ниже среднего для крестьян и мещан. Семьи, дома и хозяйства, дававшие относительный достаток, приобретенная квалификация привязывали мастеровых и каторжных к заводам прочнее кандалов и запоров.

На Екатерининском винокуренном заводе в 1842 г. было 172 каторжника и 102 временных работника из бродяг, 31 поселенец, из которых бежали: 3 каторжника, 68 бродяг и 1 поселенец²⁴. С заводов Томской губернии также бежали в основном временные поселщики. Уход в бега штатных работников, «вечноотданных» каторжников был событием чрезвычайным²⁵. Подполковник Кун, управляющий сибирскими солеваренными заводами отмечал в 1848 г. вредность присутствия на заводах «оправочных команд» из пойманных бродяг, которые, переждав зиму, по весне разбегались, унося казенную одежду²⁶.

Спытные и дальновидные администраторы старались удержать работников созданием для них условий оседлой жизни. По режиму содержания каторжники делились на пять разрядов. Первый разряд составляли «воздержанные» – осужденные за маловажные преступления и бродяжничество. Они могли жить без оков и охраны. Второй разряд составляли осужденные за важные преступления, за 2–3 года показавшие примерное поведение. Они тоже освобождались от оков и назывались «исправляющимися». Третью категорию составляли вновь прибывшие каторжники, которые жили в остроге и сопровождались охраной. Они назывались «испытываемые». Четвертый и пятый разряды составляли «невоздержанные» и «неисправимые», которые многократно бежали с заводов и рудников и содержались по этой причине в оковах и в острогах. Бегство было обычным методом сокращения срока каторги. В случае поимки беглецы назывались вымышленной фамилией или говорили, что родства не помнят. По этой причине в Сибири так много Бесфамильных, Непомнящих, Безродных, Беспровзванных. Нередки были обмены фамилиями. Идентификация личности в те времена была неточной, и многие, отбыв короткие сроки как бродяги, выходили на поселение. В Сибири бывали случаи, когда в добропорядочных гражданах через много лет опознавали беглых каторжников или крепостных работников.

На Керевском винокуренном заводе Томской губернии каторжные первых трех разрядов жили бесконвойно, а бежали реже, чем на

заводах Восточной Сибири. Керевский завод острога не имел, строить его заводская контора отказалась, так как работа и пропитание каторжников требовали свободы передвижения. Насколько был либеральным режим на заводе, можно судить по тому, что ревизия сенатора Анненкова конфисковала в 1850 г. у каторжников 13 охотничьих ружей. В 1851 г. из 771 каторжника, учтенного на заводе, 488 имели семьи, 283 – свои дома, 56 жили в казенных помещениях²⁷.

Лучше других подневольных работников были устроены мастерские и урочные рабочие кабинетских заводов на Алтае и на Тельминской казенной мануфактуре, хуже других – работники казенных солеварен и винокурен, на Нерчинских рудниках и кабинетских золотых промыслах.

Показательны в этом плане сведения о беглых ссыльнокаторжных с предприятий Иркутской губернии за 1828–1833 гг. (табл. 20), которые свидетельствуют о том, что винокуренные заводы ежегодно теряли одну – две пятых численности работников, солеварни – от 2 до 6 %, суконная фабрика – одного работника в два года.

Таблица 20

**Число работников, бежавших
с казенных заводов Иркутской губернии в 1828–1833 гг.***

Заводы и фабрики	Число рабочих на предприятии	Из них		
		Бежало	Поймано	В бегах
Александровский винокуренный	633	1621	1265	356
Илгинский винокуренный	554	605	238	367
Селенгинский солеваренный	147	50	14	36
Усть-Кутский солеваренный	30	36	7	29
Тельминская суконная	832	3	2	1
Иркутский ремесленный дом	306	34	19	15
Иркутская суконная тюремная	150	18	10	8
Итого	2652	2367	1555	812

* РГИА. Ф. 37. Оп. 25. Д. 1142. Л. 3. Данные о численности работников на предприятиях взяты по Александровскому винокуренному заводу на 1833 г. (Максимов С.В. Сибирь и каторга. Ч. 1. С. 183); по Илгинскому заводу – на 1840 г. (ГАОО. Ф. 367. Оп. 1. Д. 766. Л. 162), по Селенгинскому и Усть-Кутскому заводам – на 1817 г. (РГИА. Ф. 37. Оп. 25. Д. 188. Л. 90, 98); по Тельминской фабрике – на 1826 г. (РГИА. Ф. 18. Оп. 3. Д. 625. Л. 4); По Иркутскому ремесленному дому – на 1835 г. (Гагемейстер Ю. Статистическое обозрение Сибири... Ч. 2. С. 178); по Иркутской суконной тюремной фабрике – на 1824 г. (Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М., 1827. С. 185).

Позднее бегство работников с заводов Восточной Сибири носило также массовый характер. С Николаевского винокуренного завода в 1858 г. из 347 работников сбежали 248, или 71,5 %; с солеваренных заводов генерал-губернаторства в 1860 г. сбежали 289 из 1259 работников, или 23 %, с Николаевского железоделательного завода – 237 из 498, или 47 %, с Троицкого железоделательного завода – 29 из 295, или 10 %, с Петровского железоделательного завода – 11 из 773, или 1,5 %, с Нерчинских заводов и рудников – 5 из 2345, или менее 1 %, с золотых промыслов Кабинета – 259 из 4883, или 5,3 %²⁸. С Нерчинских заводов и рудников в 1848–1853 гг. ежегодно бежали 1–3,5 % мастеровых и 14–17 % каторжных. Главной причиной побегов администрация называла низкую заработную плату²⁹.

Полиция полагала, что к бегству движет «страсть сих людей к бродяжничеству и невозможность иметь за ними достаточно присмотра при употреблении их к работам в разных местах и особенно к таким, кои при всяком присмотре не отнимут способа к побегу, а с другой стороны недостаток содержания ссыльнокаторжных по заводам, особенно беда им одежды, для приобретения которой каким бы то ни было образом, делают побег и совершают самые убийства»³⁰. То, о чем чиновники писали витиевато и туманно, С.В. Максимов высказал без дипломатии: «...в конце концов все-таки нет возможности видеть пущей нищеты и рвани, как на каторжных солеваренных заводах»³¹.

Побегі облегчались слабостью охраны и характером работ, требующих зачастую свободного передвижения. С.В. Максимов отмечал, что «там, где работы раскидываются на значительных пространствах, не доступных равномерному наблюдению, средства к побегу упрощаются до того, что не бежит только безногий или совсем хилый или ожидающий на днях законного освобождения от казенных работ»³². Охрана, жизнь которой была чуть лучше, чем у каторжников, часто бежала вместе с варнаками.

По числу побегов самый многолюдный в Сибири Алтайский округ уступал отдельным заводам Восточной Сибири³³, несмотря на то, что интенсивность побегов в округе выросла с 40-х гг. XVIII в. до 50-х гг. XIX в. почти в четыре раза (см. табл. 21).

Таблица 21

**Интенсивность побегов работников
с предприятий Алтайского горного округа в 1748–1862 гг.***

Годы	Число работников в год	Число беглых в год	Доля беглых в % к числу работников
1748–1764	2000	8,6	0,43
1765–1780	4500	20,3	0,45
1781–1796	9000	38,1	0,42
1840	17673**	170	0,96
1841	18292	173	0,95
1842	18688	159	0,85
1843	19662	98	0,50
1844	18888	109	0,58
1845	18849	112	0,59
1846	19603	100	0,51
1847	19505	72	0,37
1848	19714	102	0,52
1849	20556	154	0,75
1850	19763	117	0,59
1851	19643	132	0,67
1852	20036	165	0,82
1853	19112	185	0,97
1854	19567	327	1,67
1855	21718	257	1,18
1856	23823	350	1,78
1857	23967	308	1,29
1858	23176	413	1,78
1859	22441	277	1,23
1860	19983	228	1,02
1861	21803	154	0,71
1862	15744	59	0,25

* Источник подсчета *Мамсик Т.С. Побег* ... С. 37; ГАНО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 35. Л. 39–151.

** Нижние чины, горные служители, подростки в работе.

Если же продолжить анализ и исключить число побегов с золотых промыслов округа, где условия труда и быта были много хуже, чем на заводах, то выяснится удивительная стабильность ситуации: показатель интенсивности побегов в округе более чем за век почти

не изменился и был равен 0,4–0,5 % численности работников и нижних чинов (табл. 22). Исключением являются предреформенные годы, когда работники бежали в два раза чаще обычного. Это свидетельствует о том, что на кабинетских предприятиях была создана устойчивая система социально-экономических отношений, дававшая работникам более высокий жизненный уровень и статус, нежели окружающему аграрному населению. С золотых же промыслов ежегодно уходили самовольно от 3 до 9 % мастеровых.

Таблица 22

**Распределение побегов
по предприятиям Алтайского горного округа Кабинета в 1855–1862 гг.***

Годы	Рудники и заводы			Золотые прииски		
	Число работ- ников	Число беглых	Доля беглых от числа работни- ков	Число работ- ников	Число беглых	Доля беглых от числа работ- ников
1855	18521	84	0,45	3246	173	5,32
1856	19227	95	0,49	3483	255	7,36
1857	20278	77	0,38	3689	231	6,26
1858	19660	82	0,42	3834	331	8,60
1860	16528	134	0,81	3455	94	2,72
1861	17387	154	0,71	2817	169	6,00
1862	15744	59	0,25	2585	101	4,26

* Источник подсчета. ГАНО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 35. Л. 139–151; ЦХАФ АК. Ф. 28. Оп. 1. Д. 111. Л. 632–633.

В.И. Шемелев приводит в своем труде впечатляющие подсчеты управляющего Салаирскими приисками полковника Ястржембовского по Алтайским предприятиям за 1858 г., из которых следует, что на приисках преступность была выше в 7 раз, интенсивность побегов – в 15 раз, заболеваемость – в 3 раза, смертность – в 15,5 раз, чем на заводах (табл. 23).

Таблица 23

**Сравнительное положение рабочих предприятий
Кабинета в 1858 г.***

Показатели	Рудники и заводы		Золотые прииски	
	Абс.	% к числу работников	Абс.	% к числу работников
Число работников	19248	100,0	3458	100,0
Число совершенных работниками преступлений	193	1,0	253	7,0
Число побегов	81	0,4	219	6,0
Число заболеваний	9742	50,0	5495	157
Число умерших	210	1,1	55	16

* Источник подсчета: ГАНО. Ф. 2025. Оп. 1. 157. Л. 200.

На частных золотых промыслах, где условия труда и быта были аналогичны кабинетским, уходили до десятой части нанятых рабочих. С золотых промыслов Западной Сибири бежали ежегодно 6–11 % рабочих. На приисках Восточной Сибири, уход с которых был затруднен расстояниями и бездорожьем, ежегодно убегали 3–4 % или 0,5–1,5 тыс. чел.³⁴

Значительное число уходило до срока, обозначенного в контрактах, с судовых караванов. Статистики таких случаев не велось, поэтому в распоряжение историков попадают случайные сведения. Так, Т.С. Мамсик отметила по разным документам в XVIII в. 66 беглецов с дощаников. В мае 1802 г. с судов контрагента Куклина и купца Тюленева бежали 12 работников³⁵. В 1810 г. мещанин Д. Петров отказался работать на судне купца Серебренникова, в сентябре 1817 г. бежали трое рабочих со свинечного судна контрагента Сибирякова, в августе 1841 г. мещанин Н. Михайлов бежал с судна Серебренникова в Тобольске³⁶ и т.д. Обычным явлением были побегі военнорабочих. Так, в 1824 г. из 1000 их общего числа в Западной Сибири ушли со службы 66³⁷.

Цель побегов у каторжных, ссыльных, мастеровых, военнорабочих была одна – освобождение от принудительного труда, хотя

способы существования их во время побегов были различны. Можно согласиться с Т.С. Мамсик, что в XVIII – первой половине XIX в. три из них были основными – деревенские работы, колонизация, разбой и нищенство³⁸. Обнаруженные мной факты подтверждают наблюдения Т.С. Мамсик, однако нередко беглые переходили с одних заводских работ на другие в поисках более-менее сносного варианта. Например, в 1779 г. на Каменском и Краснореченском казенных винокуренных заводах работали 27 беглых с Ирбинского железодельного завода Савельева. Вот история жизни одного из таких беглецов – Архипа Никитина, бывшего работника Екатеринбургских заводов. Он бежал с Урала в 1773–1774 гг. «по бывшем в государстве великорусском замешательстве», то есть во время Пугачевского бунта. Затем он полгода трудился на Талицком винокуренном заводе, 2,5 года – на Екатерининском винокуренном заводе Тобольской губернии, выдержал две недели работы на Ирбинском заводе, откуда бежал на Каменский винокуренный завод. С Каменского завода он держал путь в Енисейск с целью приписаться в мещане, но был арестован³⁹.

Беглые с Нерчинской каторги уходили на частные золотые промыслы. Ссылнопоселенцы, бежав с одного прииска, тут же нанимались на другой. Таким образом, работники часто стремились изменить не сферу занятий и образ жизни, которые их в принципе устраивали, а избавиться от принуждения, кабалы, конфликтной ситуации. Безусловно, среди беглых были отъявленные уголовники, скрывавшиеся от правосудия, работники, спасавшиеся от мести товарищей. Последние не имели отношения к социальному протесту, но их вычлнить из общего числа беглецов невозможно.

Участие беглых мастеровых, каторжан, работников в колонизационном процессе вряд ли стоит признать заметным. Алтайские мастеровые все же уходили «в Камень» вместе с беглыми крепостными крестьянами, а Нерчинские мастеровые – на Амур, который прошли до океана намного раньше Невельского. В 1823–1828 гг. беглый первопроходец Гурий Васильев прошел по всему Амуру и вышел к Удскому острогу⁴⁰.

Чаще беглые мастеровые сбивались в разбойничьи шайки, занимавшиеся вместе с варнаками грабежами и убийствами. В 1800–1801 гг. против шайки разбойников из беглых каторжников, направленных на Лену для строительства соляных варниц, но ставших разбойниками, власти были вынуждены послать войска. Из-

вестна была шайка атамана Е. Григорьева из семи человек⁴¹. В 1856 г. беглые работники Карийских и Шахтаминских золотых промыслов Кабинета образовали на берегах Шилки шайки, «наводящие страх на обывателей»⁴². В 1847 г. полиция в Томской губернии ликвидировала вооруженную банду из 10 человек, в число которых входили и беглые мастеровые Алтайских заводов⁴³.

Особые цели были у бежавших с заводских работ подростков. Они обычно направлялись к родителям. Так, в 1845 г. три рудоразборщика Змеиногорского рудника объяснили свой побег желанием «только быть неразлучными со своими родителями»⁴⁴. Такого же рода данные приводят и другие историки. Впрочем, малолетние беглецы не всегда были так просты. В 1826 г., например, в Томске полиция арестовала двух рудоразборщиков Салаирского рудника И. Лучшева и И. Худяшева, которые два года работали по найму у томских мещан, сказавшись деревенскими сиротами⁴⁵.

Побег был преимущественно индивидуальным проявлением протеста. Из 937 побегов алтайских мастеровых XVIII в. 737, по подсчетам Т.С. Мамсик, были индивидуальными. Она отметила лишь 20 случаев групповых побегов по 4–7 человек⁴⁶. З.Г. Карпенко привела примеры некоторых групповых побегов. В 1759 г. бежала группа каторжных с Семеновского рудника. В сентябре 1775 г. групповые побег совершили работники Сузунского завода, Томского завода, Змеиногорского рудника⁴⁷.

Уйти с золотых приисков было гораздо сложнее, нежели с рудников и заводов вследствие дальности расстояний, бездорожья, казачьих кордонов. Побег требовал основательной подготовки – снаряжения, незаметного накопления продуктов. С приисков бежали небольшими группами по 3–7 чел. Например, с Успенского прииска Герасимова в Забайкальской области в 1860 г. бежали 25 человек группами по 3, 5, 7, 3 человек, прочие – по одному или по два⁴⁸. С приисков Баунтовской компании в 1864 г. ушли 18 человек, в том числе группами по 4, 3, 3, 3 и 3 человек, с приисков Хилкотойской компании – 12 человек, в том числе группами по 4 и 6 человек⁴⁹ и т.д. Факты побега как можно дольше скрывались от хозяев. В погонях за беглецами принимали участие, как правило, стражники и приисковые конюхи, нередко с собаками. Случались кровавые стычки и перестрелки, которые не всегда заканчивались в пользу погони. Расправа над беглыми нередко вызывала бунты на приис-

ках. Побег усиливались с первыми теплыми днями и прекращались к зимним морозам.

В некоторых случаях побег был лишь средством для осуществления другой формы протеста. Таковыми были побег для подачи жалоб начальству с Селенгинского солеваренного завода в 1795 г., с Тельминской фабрики в 1797 г., ссыльнорабочих из села Тогур Томского округа в 1823 г.⁵⁰ Для организации бунта против заводского начальства бежали 23–26 апреля 1815 г. 8 ссыльнокаторжных с Троицкого завода Енисейской губернии⁵¹. Бунтом окончился побег 14 каторжных работников с Дучарского завода Нерчинского округа 8 июня 1815 г.⁵², также как и побег каменщиков Коргонской копи на Алтае весной 1826 г.⁵³

Большинство беглых и бродяг рано или поздно попадали вновь в острог и заводские работы. Как метко писал енисейский губернатор А.П. Степанов: «Сибирь есть тюрьма колоссальная, с бесчисленными палисадами, в которых-нибудь из них беглецов ловят»⁵⁴. Многие беглецы заканчивали свою жизнь на таежных дорогах от голода, болезней, от пуль охотников за варнаками, в острогах. Многие профессиональные бродяги провели всю свою сознательную жизнь в бегах в летнее время и в заводских работах в зимний сезон. От одного из таких бродяг С.В. Максимов записал немудреные слова песни ссыльных 1820-х гг.:

Уж я тридцать лет в Сибири. Я покою не имел
Винокурные заводы все состарили меня,
Соловарные заводы скрыли белый свет из глаз⁵⁵

Счастливыцы доживали свой век в богадельнях при заводах или добывали паспорта и становились полноправными обывателями сел и городов Сибири, иные добирались до России. Такие примеры привел С.В. Максимов. Встречаются упоминания о такого рода случаях и в официальной переписке. Так, беглый каторжник И. Иванов долгое время был писарем Татауровской волости в Забайкальской области. В 1785 г. в Томске мещане П. Сиязов и А. Суранов, попав под рекрутский набор, сочли за благо признаться, что они беглые бергалы (бергайеры – горнозаводские мастера-вые) С. Шелехов и М. Саломатин⁵⁶.

Списки числившихся в бегах на некоторых предприятиях насчитывали сотни и тысячи фамилий. На Тельминской мануфактуре список на 1831 г. насчитывал 2437 человек, на Нерчинских рудниках – 501 чел.⁵⁷

Стремление работников любой ценой избавиться от обязательных работ вызывает изумление. Рабочий Бельсинского прииска на Алтае Александр Южаков в свои 32 года был в бегах 10 раз, за что претерпел 9625 ударов розгами и палками: за первый побег в 1837 г. – 25 розог, в 1838 г. – 100 палок, в 1843 г. – 1500 палок за два побега, в 1845 г. – 3 тыс. палок за три побега, в 1847 г. – 2 тыс. палок, в 1848 г. – 3 тыс. палок за два побега и был сослан на каторгу в Нерчинск⁵⁸.

Побеги в XVIII – первой половине XIX в. являлись самой массовой формой протеста. В XVIII в. по имеющимся данным, ежегодно бежали с предприятий 54 работника, в 1801–1830 гг. – 197, в 1831–1860 гг. – 1356 работников. Ни репрессии, ни остроги не могли удержать в повиновении подневольных работников. Вал побегов нарастал и достиг максимума перед реформой 1861 г. Судя по реакции властей, это примитивное средство протеста обладало существенным эффектом предупреждало наиболее варварские способы эксплуатации, корректировало политику правителей края в отношении применения принудительного труда как средства освоения территории.

4.2. Волнения на крепостных мануфактурах Сибири в XVIII – первой половине XIX в.

Сибирь пополнялась бунтарями, беглыми, бродягами у которых хватило воли уйти от рабства. но с укреплением государства крепостнические порядки устанавливались и в Сибири. Прежде всего, они укоренялись в промышленности, где можно было контролировать людей.

Профессиональные работники крепостных мануфактур составляли особый слой населения. При общем невысоком жизненном уровне мастеровые, урочные и неперменные работники мануфактур имели важное преимущество перед временными наемными рабочими – гарантированность существования за счет жалования и казенного провианта. Они редко решались на побеги и массовые протесты. Владельцы предприятий – Казна и Кабинет были заинтересованы в стабильной работе заведений, нарушение условий содержания мастеровых для работодателя было невыгодно. Поэтому одной из главных причин открытого возмущения было нарушение объявленных условий со стороны администрации, злоупотребления

и деспотизм должностных лиц, старавшихся увеличить свою долю дохода за счет рабочих и хозяев. На частных заведениях причиной конфликтов было несоблюдение хозяевами условий использования подневольных работников. Другим важным мотивом движения работников крепостных мануфактур было стремление освободиться от заводских и горных работ, перейти на положение государственных крестьян.

В обобщенном виде данные о количестве жалоб, волнений, актов террора на крепостных мануфактурах Сибири представлены в табл. 24, которая составлена на основе «Хроники рабочего движения в Сибири»⁵⁹.

Таблица 24

Борьба работников крепостных мануфактур Сибири XVIII в. – 1860 г.*

Периоды движения		1700– 1775 гг.	1776– 1830 гг.	1831– 1860 гг.	Итого
Жалобы	Число	3(3)	16(6)	3(1)	22(10)
	Кол-во участников	600	219	44	863
Волнения	Число	4(1)	18(11)	4(2)	26(14)
	Кол-во участников	100	357	170	627
Акты террора	Число	–	3	4	7
	Кол-во участников	–	3	4	7
Все формы протеста	Число	7(4)	37(19)	11(3)	55(26)
	Кол-во участников	700	579	218	1497

* В скобках указано число протестов с известным количеством участников.

Судя по этим данным, социальная активность работников крепостных мануфактур была максимальной в последней четверти XVIII – первой трети XIX в. Это и период расцвета крепостной мануфактуры в Сибири⁶⁰.

Протесты работников не имели каких-то определенных форм. Каждый случай был оригинален. Вместе с тем можно выделить типичные элементы, из которых складывались выступления: 1) подача жалоб (прошений, челобитных, ябед); 2) столкновение с воинскими командами при уходе группой с места работы для подачи прошения; 3) защита выборных и вожakov от властей; 4) предъявление требований толпой; 5) неповиновение администрации; 6) от-

каз от работ; 7) избивание служащих. Сочетания элементов протеста могли быть различными.

Первый зафиксированный случай активного сопротивления подневольных работников в Сибири связан с побегом с Уральских заводов группы мастеровых в 1729 г. Они, направляясь по Барабинской степи «великим обозом по дороге в Томск, оказали сопротивление капралу, имевшему задание вернуть беглецов в Екатеринбург, стреляли из ружей и грозили капралу: ... естли же еще будешь за нами гнатца, то всех вас постреляем до смерти»⁶¹.

Другой случай был отмечен в феврале 1741 г., когда ссыльные рабочие на перевозке кладей Камчатской экспедиции из Якутска в Охотск заявили о желании уйти с работ, поскольку распространились слухи об освобождении их от обязательного труда. Претензии от имени товарищей предъявил ссыльный Григорий Воронов. Сибирский Приказ повелел произвести строгий розыск, «пущих заводчиков» повесить, остальных тоже строго наказать⁶². Жестокая расправа объясняется не только важным государственным значением экспедиции, но и неполноправным положением работников, рекрутированных из приговоренных к смертной казни.

Для снаряжения Камчатской экспедиции был сооружен Ангинский железоделательный завод купцом Ф. Ланиным. При дефиците работников Ф. Ланин использовал приписных крестьян, приданных заводу для исполнения вспомогательных операций, на заводских работах. В 1742–1743 гг. крестьяне неоднократно подавали челобитные о нарушении заводчиком обязательств. Крестьяне С. Мушников и С. Холкин от имени 200 товарищей жаловались 13 июля 1742 г., что они задержаны на заводе после положенного месяца отработки, что их заставляют делать не обозначенную в условиях работу, бьют и дорого продают провиант. В том же году 24 ноября крестьянин А. Голков вновь жаловался от имени товарищей в провинциальную канцелярию на принуждение к заводским работам. 23 декабря 1743 г. челобитная от приписных Ангинского завода дошла до императрицы Елизаветы Петровны. Но пока была нужда в железе завода, жалобы крестьян игнорировались. Лишь в 1746 г. Иркутская провинциальная канцелярия отказала Ф. Ланину в приписке крестьян⁶³.

Дефицит рабочих рук заставлял использовать на заводах ссыльных, которые стремились осесть на землю или уйти в вольные работники. Это стало распространенной причиной конфликтов. Так, в

конце XVIII – начале XIX в. происходили постоянные стычки управления и ссыльнорабочих на Селенгинском солеваренном заводе купцов Пахолковых в Забайкалье. Пахолковы, получая ссыльных, платили за них налоги, поэтому полагали, что могут распоряжаться их трудом в течение года. Ссылные же считали, что приписаны только для заводских работ, а за их отсутствием могут заниматься своим хозяйством и вольным наймом. В 1795 г. трижды группами в 11, 14 и 5 человек они ходили для подачи челобитных на хозяина в Иркутск, 11 человек сбежали. В жалобах рабочие писали, что «за все работы не получали от него Пахолкова никакой платы деньгами ни одежды или обуви ни же довольного пропитания хлебом. Сия крайность и несообразные силам их труды принудили согласившись бежать»⁶⁴. Новые поселенцы, приписанные к заводу, тоже спасались бегством. В феврале 1809 г. ушли 19 человек, в апреле – 14, в августе – 8. Пойманные были биты кнутом и сосланы в Нерчинскую каторгу⁶⁵.

В 1802 г. после многократных жалоб добились перевода в государственные крестьяне приписанные к Тельминской мануфактуре крестьяне Биликтуйской слободы (160 мужчин). В конце XVIII – начале XIX в. упорную борьбу за освобождение от заводских работ вели приписные и крепостные крестьяне полотняной мануфактуры И. Куткина и стекольной фабрики Корнильевых близ Тобольска. Результаты были различны. Работников фабрики И. Куткина, после смерти владельца, перевели на Тельминскую фабрику, потому что в Сибири дорожили кадрами обученных казенных рабочих. Приписные крестьяне Корнильевых после многократных прошений и волнений были переведены в государственные крестьяне. Крепостные люди Корнильевых добились свободы в 1848 г., после того как сначала довели фабрику до убытков, а потом сожгли⁶⁶.

В 1810 г. отказались производить работы на Боровлянском винокуренном заводе приписанные к нему крестьяне. В 1828 г. добились перевода в государственные крестьяне 69 мастеровых Омской казенной суконной фабрики⁶⁷. Желание работников немногочисленных крепостных мануфактур Сибири избавиться от заводского ярма выглядит естественным в окружении государственных крестьян, более свободных в выборе занятий и места жительства.

Значительно чаще работники казенных мануфактур стремились не к свободе, а к улучшению своего положения при сохранении прежнего статуса, который был уже достижением по сравнению с

положением крепостного в России или ссыльного в Сибири. Это характерно для военнорабочих, вечноотданных в работы ссыльно-поселенцев и горнозаводских служителей.

Военнорабочие, связанные присягой, сурово наказывались за уклонение от службы. Коллективных протестов против самого их статуса не обнаружено, хотя дезертирство было делом обычным. Принудить же военнорабочих к массовому выступлению могли только обстоятельства исключительные. Известны два таких случая. В одном из них драгуны и солдаты Змеиногорского рудника 29 мая – 16 июня 1749 г. отказались получать нищенскую заработную плату⁶⁸. В другом случае произошел бунт военнорабочих строителей 28 марта 1825 г. в д. Истяцкие Юрты Тобольского округа.

В этом случае отразилась вся трагикомедия российской жизни. Расследование бунта выявило, что командир отряда военнорабочих капитан Шматов пропил кормовые и прогонные деньги в начале пути, оставив без средств к существованию 156 человек. Голодная команда, по прибытии в деревню, стала добывать себе пропитание воровством и грабежами. Возмущенные татары потребовали установить порядок и опознали двух служивых, из которых один украл горшок вареного гороха, а другой пытался демонстрацией своих мужских достоинств соблазнить местных афродит. Капитан, являвшийся причиной всех несчастий команды, решил «наказать двух военнорабочих за сделанную жителям обиду, но при сем случае команда взбунтовалась и брося фронт подбежав к его квартире с буйственным криком не дали наказать двух преступников». Начальник округа путей сообщения постановил предать суду и капитана и зачинщиков бунта, но губернатор не нашел в действиях растратчика Шматова ничего преступного, а вот четырех военнорабочих отправил на каторгу⁶⁹.

Та же снисходительность властей по отношению к истинным виновникам волнений и крайняя суровость к пытавшимся добиться правды работникам обнаруживается и на кабинетских предприятиях, казнокрадство служащих на которых являлось визитной карточкой Алтайского округа Кабинета в России.

В 1765 г. мастера Иrbинского завода, доведенные до отчаяния управляющим Гордеевым, по инициативе мастеров Пашкова, Зыкова, горнорабочего Текутьева написали жалобу в канцелярию Колывано-Воскресенского горного округа, в которой описали зло-

употребления Гордеева, поборы, произвольное увеличение им рабочего дня, снижение заработной платы, жестокие побои. Гордеев не мог опровергнуть ни одной претензии. Тем не менее жалобщиков было приказано «бить батожем нещадно при команде за ложный донос», а Гордеева – назначить управляющим нового Томского завода. Туда же перевели ирбинских бунтовщиков⁷⁰.

В 1797 и 1810 гг. мастеровые Салаирского рудника протестовали против высоких цен на продукты питания, дважды зачинщиков били прутьями⁷¹. В 1855 г. около 70 бергаеров, работавших на разведке Андреевского рудника в Каркаралинском округе, отказались от работ по причине задержки жалования и провианта и отправили делегатов с жалобой на начальника партии поручика Порецкого в Барнаул. Протест кончился каторгой и арестантскими ротами для 8 горняков и без последствий для Порецкого⁷².

Выступление против продолжительного рабочего дня, мотив, характерный для движения индустриальных рабочих, встречался, кроме упомянутого волнения на Ирбинском заводе, еще дважды – на строительстве зданий Нерчинского завода в начале XIX в. и в мае 1853 г. на Змеиногорском руднике, где ремесленники просили сократить рабочий день на один час до определенных петровским регламентом 12 часов⁷³.

Работники также требовали сократить нормы выработки – «уроки». Так было на Коргонской копи Кабинета на Алтае в 1826 г., на Солкоконском прииске Нерчинского округа в 1850 г.⁷⁴ Бунтарские действия, нападения на служащих провоцировались особо гнусными проявлениями произвола.

Стычки работников со служащими происходили часто, но случаи специально организованных покушений на жизнь администраторов были редкими. В 1796 г. работники Риддерского рудника, по предварительному сговору, убили управляющего Шрама. В 1829 г. бергаер Змеиногорского рудника Чикилев в сговоре с тремя товарищами пытался убить смотрителя. В 1830-е гг. рабочие кабинетских приисков убили двух служащих. В 1854 г. мастеровой Зырянского рудника Н. Оксенов ранил подмастера за притеснения. То, что рабочие называли притеснениями, а служащие – «строгостью», точнее нужно называть издевательствами. Покушения на жизнь служащих были следствием редкого стечения обстоятельств: эмоциональный работник, не потерявший понятия о чести и достоинстве, сталкивался с рьяным или садистски настроенным служакой.

Так, на Царево-Николаевском прииске мастеровой Пальников убил не в меру сластолюбивого управляющего, преследовавшего жену рабочего⁷⁵. Любопытно, что все случаи нападения на служащих отмечены на Алтае, для которого не были характерны столкновения рабочих с воинскими командами.

Инциденты такого рода отмечались в Восточной Сибири. Здесь были распространены каторжные работы с особо суровым режимом, с более возбудимым, чем мастеровые, контингентом работников. Большая степень их унижения обуславливала и большую остроту конфликтов. Каторжные легче шли на обострение отношений с конвоем и начальством, так как не были связаны хозяйством и семьями.

В 1796 г. напряженная ситуация сложилась на Тельминской мануфактуре, где из положенных по штату 120 рабочих осталось 89. Работники, через выборных С. Полосова и О. Клепцова, подали жалобу в Иркутское наместническое правление на то, что выполняя полуторную работу, получают в награду только штрафы. Выборные были закованы в кандалы как беглые. Дальнейшие события, по показаниям охранников, были таковы. Клепцов и Полосов призвали товарищей: «Господа фабричные, не выдавайте», на который крик из рабочих светлиц выбежали фабричные до тридцати, крича господину кригцехмейстеру, что, естли он изволил приказать ковать одних посланных от их общества просителей тоб их всех сковать он приказал, что слыша господин кригцехмейстер Меньшов приказал капралу Лебедеву прогнать их к работе палкою и сколь скоро он Лебедев начал гнать, тогда из них все с ропотом на господина кригцехмейстера Меньшова, идя в рабочие светлицы, имели намерение капрала Лебедева и с командой бить. Из них Роман Гладышев говорил, что де палка о двух концах, однако напоследок наказанные Сергей Полосов и Осип Клепцов освобождены от крепи их в кандалы, а посланы были на работы»⁷⁶. Таким образом, энергичная защита товарищей спасла выборных от расправы.

В апреле 1815 г. на Троицком солеваренном заводе был раскрыт заговор ссыльнорабочих, намеревавшихся перебить охрану и смотрителя. Для чего 23 апреля 8 человек бежали, чтобы достать ружья, но были пойманы⁷⁷. В 1828 г. дважды бунтовали работники Нерчинского горного округа – на Кличкинском руднике, где 30 ссыльнокаторжных противились выдаче 4 товарищей, и на Петровском

заводе⁷⁸. В 1849 г. оказали неповиновение работники Верхне-Карийского промысла.

В 1850 г. произошел бунт на Солкоконском промысле Кабинета. На последнем около 100 рабочих бросились защищать товарищей, приговоренных к наказанию розгами за не выработку непосильных уроков. Смотритель прииска об этом происшествии 23 февраля 1850 г. доносил следующее: «Сего числа после вечерней отработки на разрезе из числа последней партии приведенных из Дучарского завода до 40 человек людей за двухдневную недоработку происшедшую от совершенной лености подвержены были полицейскому оштрафованию (порке. – В.З.) и, смотря по вине, уже до 3-х человек оштрафовались, но вдруг из нижних 3-х казарм с азартом высыпала вся команда вооруженная лопатами и другими убийственными орудиями и с неистовыми ругательствами бросились на меня к лишению жизни, от чего я только мог сохраниться поспешным укрытием в письменный дом и запереться в комнате, а между тем полицейские служители и военная команда, вооруженная ружьями, эту буйственную толпу едва могла успокоить и разогнать по казармам». Далее смотритель просил войск и следователей.

Расследование, проведенное майором Таскиным, установило, что «уроки» были непомерно велики, что рабочих заставляли трудиться и в гулевую неделю, предназначенную для работы в своем хозяйстве, что смотритель проигнорировал требование высшего начальства ослабить тяжесть работ. Совет Главного управления Восточной Сибири признал справедливым снизить нормы выработки на приисках и не принуждать рабочих к сверхурочным «статерельским работам». Пять зачинщиков – Трофим Варламов, Афанасий Рагузин, Самойло Серебренников, Михайло Умрихин, Козьма Пахотный были переведены на Карийские прииски⁷⁹. Мягкость наказания подчеркнула справедливость требований рабочих и чрезмерное усердие смотрителя.

В целом анализ мотивов выступлений работников крепостных мануфактур в XVIII в. – 1860 г. показывает, что они 9 раз протестовали против низкой заработной платы, 3 раза – против продолжительности рабочего дня, 6 раз – против недостатка провианта, 3 раза – против высоких норм выработки, а всего они 21 раз выдвигали специфические требования индустриальных рабочих. Значительно чаще звучали антикрепостнические мотивы – 38 раз, в том

числе протесты против притеснений – 16 раз, защита товарищей – 3 раза, перевод в государственные крестьяне – 18 раз. Из общего ряда выпадает случай на Змеиногорском руднике в 1808 г., когда горные работники отказались преклонить колена во время молебна во здравие императора. Подробности выяснить не удалось⁸⁰.

Движение работников крепостных мануфактур было, как и следовало ожидать, по преимуществу антифеодалным. Однако специфика их положения как индустриальных работников уже наложила отпечаток на характер борьбы. Преобладали крестьянские формы движения, мотивы же выступлений все чаще становились пролетарскими. В Сибири не было массовых организованных волнений на крупных мануфактурах, как это происходило в 1807–1841 гг. на Урале⁸¹. Волнения и даже коллективные жалобы работников здесь были редкостью. Открытой борьбе работники предпочитали бегство. Количество беглых в десятки раз превышало число участников массовых протестов⁸². Видимо, этот клапан и сбрасывал социальное напряжение на сибирских крепостных предприятиях.

Сибирский регион показывает, что движение предпролетариата в России было заметным явлением социальной жизни. Ему уделяется незаслуженно мало внимания. Обобщающие издания предлагают нам иллюстраций⁸³. Необходимо систематизировать факты борьбы работников в масштабах всей России по единой методике и вписать этот феномен в историю страны.

4.3. Волнения и стачки наемных рабочих Сибири в XVII – первой половине XIX в.

Движение наемных рабочих дореформенного периода четко распадается на три периода: вторая половина XVII в. – 1775 г.; последняя четверть XVIII в. – 1930 г.; 1831–1860 гг. Критерием выделения периодов послужили не отдельные события, а отраслевая принадлежность субъектов социальной активности. В первый период – это работники раннекапиталистических мануфактур в горной и металлургической промышленности; во второй – работники речного транспорта; в третий – рабочие золотых промыслов (см. табл. 25).

Таблица 25

Формы борьбы наемных работников мануфактур Сибири в XVII в. – 1860 г.*

Периоды	Жалобы		Волнения		Стачки		Все формы протеста	
	Число	Количество участников	Число	Количество участников	Число	Количество участников	Число	Количество участников
1672–1775 гг.	1(1)	7	4(4)	1023	–	–	5(5)	1030
1776–1830 гг.	9(8)	2423	4(1)	23	4(3)	456	17(12)	2902
1831–1860 гг.	3(1)	20	33(20)	3699	27(20)	100350	63(41)	14069
Итого	12(10)	2450	41(25)	4745	31(23)	10806	85(58)	18001

*Составлено по данным: Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика: В 3 т. Томск: Изд-во Том ун-та, 1988. Т. I. XVII в. – 1904 г. С. 121–143; Зиновьев В.П. Дополнение к хронике рабочего движения в Сибири // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск, 1994. С. 110–113.

Первым из известных историкам волнений на сибирских мануфактурах стал бунт крестьян Красносельской слободы и работников первой в Сибири частнокапиталистической мануфактуры – железодельного завода промышленников Тумашевых в Верхотурском уезде. В мае 1672 г. работники Петр Рублев, Матвей Драгунов, братья Сажины и другие по неизвестным мотивам разгромили судную избу, побили приказчика и земского старосту. Конфликт затронул и завод Тумашевых⁸⁴. Есть основания думать, что причина выступления лежала в отношениях работников из слободских крестьян с местными властями, а не в отношениях с работодателями.

Второе из отмеченных в Сибири выступлений наемных работников связано со специфическим требованием наемных рабочих – выдачей задержанной заработной платы, просьбой увеличить заработок и облегчить тяжесть работ. Так можно объяснить содержание челобитной семи подмастерьев Аргунского рудного промысла Петру I от 27 ноября 1707 г. Работники, получив за полгода на 11 человек 195 рублей жалования, другую половину года вынуждены были жить в долг. Положение работников в челобитной описано следующим образом: «И за те долги ныне робим мы на взаимодавцев, а ныне братья бродят меж двор и питаются христовым именем для того, что нам, рабам твоим, на другую половину года твоего Великого Государя кормового жалования не указано и не дают. Да у нас же, рабов твоих, из наемных денег из вышеописанного числа, которые дни мы, рабы твои, за скорбию пролежали, в твою Великого Государя казну по расчету вычтено. А работаем мы, рабы твои, у того рудного промысла в господние праздники и в воскресные дни без расчета, и оттого мы, рабы твои, оскудели и одолжали до конца...» Они просили прибавить наемных денег, выдать кормовое жалование на нерабочее зимнее время с 1 октября по 1 апреля или освободить их от рудного промысла. Прошение мастеровых людей было учтено частично: в контракте 1708 г. им были назначены кормовые по 8 денег на человека в день⁸⁵.

В третий раз в Сибири участие наемных людей в социальном движении отмечено во время пугачевского бунта. Воевода Исетского уезда Веревкин доносил 22 февраля 1774 г.: «К несчастию нашему все здешнее население в верности колеблется, также в семидесяти верстах от Исетска винокуренные заводы Ертарский, Бутвинский и Боровлянский, на коих вольнонаемных до тысячи

человек народу, все взбунтовались и смотрителя их майора Полякова содержат под караулом»⁸⁶. Д.И. Копылов уточнил, что составившие крестьяне и работники заняли Ертарский завод в 100 верстах от Тюмени 17 февраля 1774 г. В феврале-марте того же года он отметил волнение на Успенском заводе Походяшина, на котором было до 100 работных людей из крепостных хозяина. Волнения эти были подавлены казачьей командой, схвачены главный агитатор на Успенском заводе Емельян Ведерников и участники бунта на Ертарском заводе Федор Алферов и Сергей Котов⁸⁷.

Во второй период (последняя четверть XVIII – первые три десятилетия XIX в. исследователями и мной фиксировались фактически только выступления судорабочих Тобольской и Томской губерний. Первый из такого рода конфликтов произошел на судах соляного контрагента Казанцева в 1789 г. Нанятые на солевозные суда 130 рабочих четыре недели ждали прибытия каравана из Коряковской пристани в Подчувашскую под Тобольском и потребовали оплаты за простой – по 3 руб. на человека. Работники выбрали челобитчиков – крестьянина Василия Седелина и ямщика Захара Мезенцева, которые просили содействия у тобольского городничего в получении денег. Контрагент согласился выдать по 1 руб. на человека. Бурлаков это не удовлетворило. Среди работников распространился слух, что выборные просители подкуплены контрагентом. В пути на Коряков у села Долгоярова на одном из дощаников вспыхнул бунт. Рабочие потребовали у челобитчиков утаенные деньги, пытали их и отобрали 7 руб. 40 коп. и тулуп. Контрагент Казанцев не отрицал факт подкупа, признал возможность выдачи рабочим денег сверх обещанных 130 руб. Особенно активны были пятеро работников, нанятых в Ирбитском округе во главе с И.Ф. Плетневым. Он и был осужден за бунт и неповиновение⁸⁸.

В 1800 г. вновь судорабочие просили власти содействовать в получении денег за сверхконтрактные работы. Казенная палата распорядилась выдать 9 работникам контрагента Куткина по 1 руб. для того, чтобы приохотить их к найму⁸⁹. Более серьезные события произошли 10 июня 1801 г. у д. Ерковой Тюменского округа, когда рабочие двух дощаников (вероятно, около 50 чел.) оказали неповиновение караванному смотрителю, требуя отпустить их во время стоянки на берег. В чем состояло «великое буйство», смотритель в рапорте не указал⁹⁰. В 1802 г. судорабочий Загваздин с товарищами просил содействия у губернатора в получении заработанных денег.

Содействие было оказано⁹¹. Как можно судить по приведенным фактам, до нас дошли только те сообщения о конфликтах на судах, которые оказывались в поле зрения уездных и губернских властей. Вряд ли это была большая часть из них.

Не всегда губернское начальство поддерживало прошения судорабочих. В 1826 г. в крупном конфликте судостроителей с администрацией Коряковской казенной верфи губернатор трижды отказывал работникам в поддержке их требований справедливого расчета. Этот случай подробно описан Д.И. Копыловым⁹². Суть конфликта заключалась в том, что комиссионер Сыромятников нанял с 1 апреля 1825 г. по 30 июля 1826 г. 240 плотников с круговой порукой, обязанных по контракту построить 15 дощаников, взвести их с Подбельского (Подбелевского) плотбища до Коряковской пристани под погрузку соли, а затем провести дощаники до Подчувашской пристани в Тобольске⁹³. Явившись на плотбище, работники не нашли готового по условиям контракта леса и были вынуждены заготавливать его сами. Кроме того, их обязали построить 9 казенных паромов. Суровая зима усугубила условия труда и жизни, поэтому строительство дощаников задержалось. В день окончания контракта 30 июля 1826 г. 250 плотников отказались от дальнейшей работы, ссылаясь на нарушения контракта комиссионером. 160 забастовщиков были отправлены на 10 недостроенных дощаниках в Коряков, а затем – в Тобольск. 88 были оставлены на заготовку леса. На требования рабочих оплатить постройку паромов и сверхконтрактное время губернатор ответил отказом на том основании, что не были по контракту достроены дощаники⁹⁴.

История эта имела продолжение, поскольку власти признали работников должниками контрагента Сыромятникова и принудили к работам на сезон 1827 г. Прошение, поданное теми же работниками в мае 1827 г., было оставлено без последствий. Тем более что в самом Тобольске в мае – июне 1827 г. происходили куда более серьезные события. Поздняя маловодная весна совпала с необходимостью достройки тех самых 10 дощаников, пришедших в 1826 г. в Тобольск недостроенными из-за стачки плотников. Ввод судов в Коряков задерживался. Прибывшие в начале апреля контрактные работники были вынуждены выполнять неконтрактную работу по ремонту судов, проедать заработок, рискуя к осени опоздать на полевые работы. Первыми отказались от обязательной

низкооплачиваемой работы 11 апреля 1827 г. 6 рабочих-татар, за что подверглись наказанию⁹⁵.

За ними стали просить дополнительной оплаты простоя и не-контрактных работ, улучшения питания более 1200 русских и татарских рабочих. Получив отказ, рабочие подали 3 жалобы губернатору от имени 18 русских и 2 татарских артелей. Жалобы были направлены также сенаторам-ревизорам Западной Сибири Безродному и Куракину, находившимся как раз в Тобольске. Рабочие также просили выпустить из под стражи своего вожака Алексея Мелехина, который, судя по рапорту контрагента, «...с грубостью и настоятельно требовал денег и возмущал других крестьян». Сыромятников, естественно, отрицал обвинения, называя их наветами бунтовщиков и ленивцев⁹⁶.

Рабочие 15 мая вновь жаловались секретарю сенаторов, приехавшему на пристань, указывая на притеснения смотрителя, на превышение цен на одежду и питание, на задержку выплаты денег. Обнаружилась неприглядная картина, полностью подтверждающая слова рабочих. Выяснилось, что плохо одетые, худо кормленные бурлаки поголовно страдали цингой (скорбутом) и другими болезнями, 40 из них были положены в больницу, 6 умерли. Губернатор, под давлением очевидных доказательств бедственного положения рабочих, приказал комиссионеру выдать деньги на питание и вывести на судах цены на предметы первой необходимости.

После такого заступничества положение рабочих мало изменилось. Работник Степан Черкасов 31 мая подал жалобу от имени 200 рабочих еще не отправленных четырех судов⁹⁷. В ней сообщалось губернским властям, что работникам вместо обещанных 50 коп. в день платят 18–25 коп. и «наипаче того обидит нас приказчик Александр Сажин с солдатами, кои бьют нас беспощадно и посылают на работу и сего просителя Степана Черкасова оный приказчик бил по щекам за то, что он снес пищи говядины и хлеба товарищу больному находящемуся в городе Тобольске у священника. И держит нас под стражею и никуда не отпускает, дабы мы не донесли жалобы...»⁹⁸. С 1 по 11 июня 200 судорабочих отказывались снимать на воду оставшиеся 4 судна, поскольку их не устраивали условия найма. Комиссионер объяснял, что задержка в отправлении судов «произошла не от чего другого, как от нехотения лямочных рабочих участвовать в спуске на воду оставшихся четырех судов». Работники отказались даже от 50-копеечной поденной

оплаты⁹⁹. Из-за забастовки судорабочих дощаники спустили на воду солдаты. Выступление бурлаков закончилось с отправкой их 12 июня в Коряков.

Судорабочие в Тобольске в 1827 г. выступали против проявлений наиболее грубых форм раннекапиталистической эксплуатации, открытого обмана, произвола, насилия, кабальных контрактов. Добились они немногого – некоторых уступок в условиях найма. Однако эти стихийные протесты, переросшие в стачки, указывают на возросшую солидарность рабочих. Тобольск в первой четверти XIX в. являлся центром найма судорабочих и центром борьбы наемных рабочих Сибири.

Конфликты хозяев и судорабочих возникали не только на соляных караванах Тобольской губернии, были они и на свинечных судах, доставлявших свинец по Чулыму и Оби в Барнаул из Нерчинска. Доставка свинца являлась весьма прибыльным делом для подрядчиков Кабинета¹⁰⁰. В.Н. Разгон прислал по моей просьбе материалы о стачке рабочих на свинечных судах. В 1817 г. на свинечном караване контрагента К. Сибирякова возник конфликт между приказчиком Соколовым и бурлаками из-за ночных работ. Работники – ясашный Томского округа Павел Едиников и мещанин Терентий Сиязов с товарищами отказались вести судно ночью, «проносили ругательные слова, покушались на битье» приказчика. Судно остановилось на Оби близ д. Брагиной Богородской волости Томского округа. Поручик Пастухов, бывший при казенном свинце, попросил богородского комиссара арестовать зачинщиков стачки. Второй приказчик каравана – Тыжнов просил освободить их, на том конфликт и был исчерпан¹⁰¹. Можно считать этот случай первым из известных стачек в Сибири.

Третий период (1831–1860 гг.) значительно более насыщен событиями, чем предыдущий. На капиталистических мануфактурах, в основном на золотых промыслах, произошли 33 волнения и 27 стачек. Золотые прииски появились в Сибири в 1828 г. первоначально в Мариинском округе Томской губернии, затем – в Енисейской губернии. В первые два десятилетия существования золотопромышленности устанавливались традиции отношений между наемными рабочими, в основном из крестьян и ссыльнопоселенцев, и золотопромышленниками из дворян и купцов. Борьба приисковых рабочих этого периода анализировалась в трудах К.А. Пажитнова, В.И. Семевского, А.С. Нагаева¹⁰², однако изучение фондов

РГИА, Читинского, Хакассского, Бурятского, Томского Иркутского, Алтайского госархивов помогло значительно увеличить число известных фактов рабочего движения дореформенного времени.

В движении рабочих можно выделить три волны: 1831–1833 гг. – волнения в Мариинской тайге; 1836–1838 гг. – волнения и стачки на приисках Мариинской тайги и Енисейской губернии; 1841–1842 гг. – массовые стачки рабочих Енисейской тайги. После них вплоть до 1861 г. на приисках Сибири отмечались редкие, незначительные столкновения хозяев и работников.

Первое выступление рабочих на приисках Сибири произошло в 1831 г. на предприятиях купца Рязанова в Мариинской тайге. Часть работников из-за неустроенности быта и тяжести работ, притеснений со стороны хозяев и полиции ушла с промысла¹⁰³. В 1833 г. около 700 рабочих ушли с промыслов купцов Поповых в Мариинской тайге, протестуя против запрета старательских работ, которые они вели после отработки обязательных уроков для дополнительного заработка. В том же году ушли с Большеникольского прииска 78 рабочих из-за жестокости надзирателей, сокращения норм питания и стеснения в старательских работах. Ушли также большие партии рабочих с Бурлевского прииска компании Поповых, Воскресенского промысла компании Рязановых, с приисков Осипова, Верходанова и Черепанова¹⁰⁴. Всего на приисках Сибири в 1831–1833 гг. зафиксировано 10 случаев протеста. Главной причиной для таковых стало разное понимание рабочими и золотопромышленниками условий договоров о найме. Хозяева промыслов стремились установить обычные порядки оплаты труда для капиталистических предприятий – поденные или сдельные. Рабочие же главными для себя считали самостоятельные старательские работы, а обязательные уроки рассматривали как неизбежное зло.

Новая вспышка конфликтов на приисках Мариинской тайги относится к 1836–1837 гг. Здесь произошло 12 выступлений рабочих, из которых 7 носили характер стачек. Первая из них отмечена 10–12 сентября 1836 г. на Рождественском и Бурлевском приисках компании Поповых. Рабочие отказались работать после 10 сентября. Не дали арестовать зачинщика – Дегтерева. 95 работников из 300 ушли с прииска, остальных удалось уговорить. Дегтерева позднее арестовали¹⁰⁵.

Весной – летом 1837 г. по Мариинской тайге прокатилась невиданная ранее волна стачек и волнений. Начали ее 1–2 мая рабочие

Вознесенского прииска Мясникова, потребовав снизить дневную норму выработки (урок) с 50 до 40 тачек песка на человека. После отказа они избили штейгера и нарядчика, а 40 наиболее активных бунтовщиков ушли с прииска¹⁰⁶. Затем забастовали 1,5 тыс. работников крупнейшего в Сибири Воскресенского прииска компании Рязановых. По инициативе поселенца Захара Неборокова они 23 мая прекратили старательские работы, потребовав дать для этого более богатую часть прииска. По команде З. Неборокова: «Что нам промывать турф¹⁰⁷. Марш!» – рабочие покинули забои. Попытка арестовать зачинщика 26 мая была пресечена толпой его товарищей¹⁰⁸. Земский заседатель, прибывший для успокоения недовольных, выдрал розгами двух других зачинщиков и продолжал охотиться за Небороковым, чем вызвал новую стачку 8–9 мая. Рабочие отбили у казаков арестованного вожака Степана Малявина, а воинскую команду закидали камнями. Рабочие продолжали требовать справедливого расчета за старательское золото, прекратить обвесы при его приеме¹⁰⁹.

Кроме рабочих Воскресенского прииска в Мариинской тайге бастовали Большееникольский прииск компании Рязановых и Казанцевых, Бурлевский прииск компании Поповых, Промысел Пальгуева. Волнения охватили Митрофановский прииск Мясникова, Митрофановский прииск Хрисанфа Попова, Талаюльские прииски Поповых. В Ачинском округе бастовали работники приисков купца Бобкова. В Бирюсинской системе отмечено волнение на приисках Меджера¹¹⁰.

Эти волнения и стачки вызвали большую тревогу в Петербурге и у местной администрации, стали причиной острого конфликта между генерал-губернатором Западной Сибири кн. П.Д. Горчаковым и томским губернатором, старым служакой генерал-майором Шленевым. Шленев требовал ужесточения карательных мер против рабочих, введения для них военно-судных комиссий как для мастеровых горных заводов. Опытный усмиритель многих бунтов кн. Горчаков¹¹¹ видел причину бунтов не в лености и испорченности рабочих, а в алчности хозяев приисков, бездарности и продажности губернской администрации во главе со Шленевым. Назначенное им следствие вскрыло массу злоупотреблений со стороны приисковых управлений, земского заседателя Безрядова, губернатора Шленева. Все были отданы под суд. Такое случилось, пожалуй, впервые в российской истории. Зачинщики выступлений рабочих также были выявле-

ны, арестованы и наказаны. Военно-судные комиссии получили право рассматривать лишь уголовные дела¹¹². Главным же итогом стачек 1837 г. стало «Положение о частной золотопромышленности в Сибири» 1838 г., которое ввело нормы во взаимоотношения рабочих и предпринимателей. Это был первый в истории рабочего вопроса в Сибири случай, когда протест работников непосредственно вызвал реакцию законодательных учреждений России.

На фоне стачек в Томской губернии оказались не замеченными ни современниками, ни историками выступления рабочих-хакасов на промыслах Минусинского округа. В 1837 г. ушли до окончания контрактного срока 50 рабочих с Воскресенского прииска компании Рязанова, Тарасова и др. В июне 1838 г. три группы рабочих из хакасов ушли с прииска Бегера и Кузнецовых из-за жестокости управления. Представители вольнолюбивого народа не вынесли каторжного приискового режима. Эти выступления следует считать первыми самостоятельными протестами в истории рабочих Хакасии¹¹³. Предприниматели после событий 1837–1838 гг. больше не нанимали чисто хакасских артелей.

В начале 1840-х гг. центр золотопромышленности, а вместе с тем и рабочего движения переместился из Томской губернии в Енисейскую. Выступление более 2 тыс. рабочих Удере́йской системы Енисейского округа в 1841 г. по масштабам превзошло все предыдущие в истории Сибири. В отчете по приискам Восточной Сибири об этом событии написано кратко: «...с приближением сентября месяца, рабочие почти всех промыслов Удере́йской системы единогласно объявили, что с 1 сентября не будут работать и потому требовали окончательного расчета»¹¹⁴. Контрактный срок – 10 сентября, отказ рабочих продолжать работу следует классифицировать как стачку, при этом – организованную и победную, так как расчет был дан. Уверенность в таком выводе опирается на элементарный здравый смысл. Рабочим, разбросанным по тайге, невозможно одновременно прекратить работу и предъявить одно и то же требование без предварительного сговора. Это, в свою очередь, предполагает наличие организующего ядра, вероятнее всего, состоявшего из лидеров рабочих артелей. Количество бастовавших определить трудно, однако крупнейшими приисками по р. Удере́й были Спасский и Иннокентьевский почетного гражданина Никиты Мясникова, вместе на них находилось в 1841 г. около 1200 рабо-

чих. Причиной стачки, вероятнее всего, стали ранние морозы, давшие понять, что задерживаться в тайге дальше опасно.

Действительно, в том же году выход рабочих с промыслов дворянина Асташева закончился трагедией. Партии рабочих общей численностью 1,5 тыс. человек заблудились в тайге. До 120 рабочих погибли от холода и голода¹¹⁵.

В мае 1842 г. произошли волнение и стачка на самом большом в Сибири Великониколаевском прииске компании Асташева, Коробкова и Толкачева по р. Хорме, где было не менее 2 тыс. работников. О первом выступлении рабочих, когда они 10 мая потребовали выдачи масла к каше, отдельный заседатель Петровский даже не донес начальству, считая случай не стоящим внимания¹¹⁶. Однако к концу месяца положение стало вновь напряженным. Отдельный заседатель рапортовал, что «27 числа того мая рабочие люди находившиеся на Великониколаевском прииске компании Асташева, Коробкова и Толкачева в числе 1000 человек, не вышли по обыкновению на работу, и собрались на берегу реки Хормы, делали шум, постоянно требовали отвода им лучших мест для старательской работы с богатым содержанием золота и записки в расчетные листы каждому вперед по 200 руб. ассигнациями, и вооружив из среды себя несколько человек дубинами, поставили их на тропах ведущих к работам, с угрозами, что первому кто решится идти работать, раздроблена будет голова»¹¹⁷. На отказ управления прииска удовлетворить требования началась стачка. Расчет рабочие получить отказались, так как на другие прииски наняться было невозможно. В ответ на прекращение выдачи продуктов из приисковых амбаров были захвачены лавки с провиантом. 30 мая стачка прекратилась без видимых достижений обеих сторон, но дисциплина на прииске упала, рабочие по 50–120 чел. не выходили на работу¹¹⁸. Таким образом, давление на управление приисков продолжало оказываться. Хозяева вызвали войска.

Воинская команда под начальством капитана Сильвергельма произвела на рабочих сильное впечатление. Вступив в приисковый район, Сильвергельм навел порядок сначала на Великониколаевском прииске компании Рязановых и Асташева, где на свою беду забастовали 12 июня 180 из 400 рабочих, недовольные плохим качеством артельного кваса. Вид 30 казаков с ружьями, примерная порка 6 зачинщиков надолго успокоили их. Сильвергельм прибыл на Великониколаевский прииск на Хорме 13 июня и назначил засе-

дание комиссии военного суда. Главным зачинщиком майской стачки был определен Александр Иванов и наказан 2000 шпицрутен. Прочие зачинщики получили меньше: Алексей Иванов и Матвей Бобыкин – по 1000 палок, Потап Моковозов и Роман Жуковский – по 500 палок. Генерал-губернатор Восточной Сибири Руперт увеличил наказание Александру Иванову на 1000 палок, остальным на 500 палок и приговорил всех к ссылке на каторгу¹²⁰.

В конце лета 1842 г. обострилось положение на промыслах Северно-енисейской тайги. В отчете отдельного заседателя события изложены так: «В Северной части Енисейского округа на приисках поручика Малевинского, надворного советника Голубкова, флигель-адъютанта полковника Пашкова, компании купцов Красильникова и Бобкова и, наконец, купца Зотова, и в Южной части на приисках коммерции советника Мясникова по системе Удерея, с 10 ч. Августа рабочие, по предварительному совещанию, произвольно прекратили работы, и, собираясь толпами, требовали настоятельно расчет, и несмотря на убеждения местных управляющих и отдельных заседателей, рабочие остались непреклонными и ушли с промыслов прежде 1 сентября, нарушив тем и силу контрактов и 40 пункт приложения к 1465 ст. 7 Св. зак. Уст. Горн. Главные зачинщики беспорядка и соучастники их, открытые по произведенному следствию, схвачены, доставлены в Красноярск, и по обсуждению в особо составленной комиссии военного суда, наказаны по мере вины с отсылкою некоторых в каторжные работы»¹²¹. К сожалению, приведенным кратким рапортом исчерпываются известные сведения об этой, безусловно, крупнейшей стачке дореформенной России¹²². Ведомости приисков позволили уточнить, что у названных в рапорте предпринимателей в 1842 г. было на 13 приисках 3,2 тыс. годовых рабочих¹²³. В рапорте генерал-губернатора Восточной Сибири Военному министру от 6 мая 1844 г. названо и число рабочих, которые «сделали беспорядок и оставляли преждевременно работы» – 1,6 тыс. человек¹²⁴. А.С. Нагаев совершенно справедливо классифицировал выступления 1841–1842 гг. как стачки. Приведенные мной цитаты из документов, другая информация подтверждают, что события на енисейских приисках мало похожи на слепые яростные бунты, это скорее организованные массовые стачки профессиональных работников, солидарных в стремлении добиться лучших условий труда и быта, более высокой заработной платы, возможности разорвать контракт по

своему желанию. Жесткая позиция властей объясняется важным государственным значением золотых промыслов, участием в эксплуатации бастовавших приисков крупнейших предпринимателей России и сановных аристократов. Стачки были расценены как прямые убытки казне, а причинами были названы «буйный характер, испорченная нравственность и страсть к бродяжничеству рабочих на золотых промыслах». Вывод был традиционным: на приисках дополнительно разместили 310 горнополицейских стражников и учредили на приисках жандармский надзор¹²⁵.

Острота конфликтов на золотых приисках Сибири в 1830–1840-е гг. была связана с отсутствием норм и традиций в отношениях рабочих и предпринимателей в новой для края отрасли хозяйства. Они как раз и вырабатывались в конфликтах – устанавливались приемлемые для сторон сроки найма, формы расчета, устройство быта, доставки к месту работы и обратно. Владельцы приисков, поддерживаемые царской администрацией и ее карательными органами, были сильнее, но и сопротивление рабочих являлось в этом процессе важным фактором, показывая пределы возможной экономии на переменном капитале.

Впоследствии, в 1840–1850-е гг. стачки и волнения на золотых промыслах были почти ежегодными, но они утратили остроту и масштабность, организованность. Система отношений в основном устраивала обе стороны, конфликты вспыхивали при нарушении гласных и негласных правил наиболее алчными или недальновидными предпринимателями. Организованность сопротивления снизилась из-за постепенной замены ссыльнопоселенцев на крестьян, более индивидуалистичную категорию работников с установкой на временность статуса наемного рабочего и расчетом на заработок. Одновременно в Сибири снизились цены на хлеб с улучшением климата и в полтора раза выросли реальные заработки рабочих. Стоит отметить первые волнения и стачки на приисках Забайкалья, в Якутской области. Из наиболее значительных выступлений можно назвать волнение 22–23 сентября 1849 г. 300 рабочих с Иннокентьевского прииска Хрисанфа Кандинского и Максимовича в Баргузине, которые требовали хлеба и выдачи заработка¹²⁶, стачку летом 1858 г. 400 рабочих Онуфриевского прииска барона фон Гильзена в Мариинском округе, вызванную банкротством хозяина¹²⁷.

Кроме приисковых рабочих, в 30–50-е гг. XIX в. волновались рабочие стекольной фабрики Медведева в Ялуторовском округе,

которые часто и в большом количестве уходили с работ¹²⁸; создали «недоразумение» рабочие на графитовом руднике Алибера на Ботогольском гольце¹²⁹; три раза жаловались на притеснения чиновников вольные возчики кладей в Алтайском горном округе¹³⁰, бастовали рабочие на свинечном судне контрагента Мичурина близ с. Тогурского Томского округа на Оби¹³¹.

Анализ мотивов выступлений наемных рабочих Сибири вскрывает главные движущие причины их социальной активности (табл. 26).

Таблица 26

Мотивы выступлений наемных рабочих Сибири в 1672–1860 гг.*

Периоды	Мотивы протестов					
	Заработная плата	Условия труда и быта	Защита товарищей	Против кабальных контрактов	Антифеодальные	Прочие
1672–1774 гг.	1	–	–	–	4	–
1775–1830 гг.	10	4	3	9	1	1
1831–1860 гг.	21	10	5	29	–	10
Итого	32	14	8	38	5	11

*Источник: Зиновьев В.П. Рабочее движение в Сибири в мануфактурный период. Дис. д-ра ист. наук. Томск, 1992. Т. 1. С. 260–263.

Чаще всего рабочие выступали против кабальных условий контрактов, закрепощавших их на срок найма. Уход до срока, указанного в контракте, требование расторжения контрактов встречаются в 38 случаях. Рабочие боролись за право свободной продажи своей рабочей силы. К этому ведущему мотиву примыкает и мотив уважения человеческого достоинства, выражавшийся в защите товарищей от арестов и истязаний (8 раз). Все это можно расценить как борьбу с феодальными пережитками в сфере найма.

Прямых выступлений антикрепостнического характера учтено 5, в том числе бунт на заводе Тумашевых, участие рабочих трех винокуренных заводов в событиях крестьянской войны Е. Пугачева и требование рабочих-поселенцев железоделательного завода Пятюкова в 1826 г. перевести их в государственные крестьяне.

Пролетарские мотивы в выступлениях рабочих выражались, прежде всего, в требованиях увеличить заработную плату, на золотых приисках еще и в требовании дать более благоприятные места для старательских работ, составлявших тогда существенную часть заработка приискателей. Всего эти требования выдвигались 32 раза. Значительно реже протест вызывали условия труда и быта – 14 раз. Совсем не выступали приисковые рабочие против продолжительности рабочего дня. Он не был главным для рабочих золотых промыслов, где над всеми властвовала одна мысль – как можно больше времени урвать у короткого сибирского лета для добычи драгоценного металла. Вместе с тем нельзя сказать, что проблема рабочего времени совсем не волновала рабочих. Она проявлялась в требованиях сократить объем хозяйского урока, чтобы больше времени осталось на старательские работы. Позднее, в 1870–1880-е гг., когда обязательные хозяйские работы полностью поглотят старательское время по будням, эта проблема обнаружит себя и станет одной из главных в приисковой жизни.

Если к стачкам и волнениям наемных рабочих Сибири добавить волнения на крепостных мануфактурах и побеги тех и других¹³², то получится полная картина движения предпролетариата Сибири.

Анализ данных табл. 27 показывает, что рабочее движение в Сибири до реформы 1861 г. делится на два качественно различных этапа: XVII в. – 1820-е гг. и 1830–1850-е гг. В первый из них в крае численно преобладали работники феодальных мануфактур. Они и дали большую часть участников борьбы в индустриальной сфере – до 80 %. Они редко решались на открытое сопротивление, проявляя свое недовольство в пассивных формах – жалобах и протестах. Беглецы и жалобщики составили 96–98 % учтенных участников протестов крепостных работников. В XVII в. – 1820-х гг. две трети выступлений состоялись на крепостных мануфактурах. Главным районом движения была Тобольская губерния, где находились промышленные предприятия и осуществлялись перевозки водным транспортом. Но по мере развертывания горных предприятий в Томской губернии и в Восточной Сибири основные очаги социальных конфликтов перешли туда. Работники крепостных мануфактур боролись против обязательного труда, наемные работники – против феодальных пережитков в сфере найма, но то и другое было частью антифеодальной борьбы.

Таблица 27

Основные итоги рабочего движения в Сибири в XVII в. – 1860 г.*

Периоды и категории работников		Стачки		Волнения		Жалобы		Акты тер- рора	Число бе- жав- ших	Всего участ- ников
		Число	Кол-во уч-ков	Чис- ло	Кол-во уч-ков	Чис- ло	Кол-во уч-ков			
1650– 1700	Наемные	–	–	1(1)	23	–	–	–	–	23
1701– 1775	Наемные	–	–	3(3)	1000	1(1)	7	–	–	1007
	Крепостные	–	–	5(1)	100	3(3)	600	–	3474	4174
	Итого	–	–	8(4)	1100	4(4)	607	–	3474	5181
1776– 1830	Наемные	4(3)	456	4(1)	23	9(8)	2423	–	23	2925
	Крепостные	–	–	18(11)	357	16(6)	219	3	7936	8515
	Итого	4(3)	456	22(12)	380	25(15)	2542	3	7959	11440
1831– 1860	Наемные	27(20)	10350	33(20)	3699	3(1)	20	1	15992	30062
	Крепостные	–	–	4(2)	170	3(1)	44	4	24697	24915
	Итого	27(20)	10350	37(22)	3869	6(2)	64	5	40689	54977
1650– 1860	Наемные	31(23)	10806	41(25)	4645	12(10)	2450	1	16004	34006
	Крепостные	–	–	27(14)	627	22(10)	863	7	36118	37615
	Итого	31(23)	10806	68(39)	5372	34(20)	3313	8	52122	71621

*Источник указан к табл. 26.

Новый этап борьбы рабочих Сибири за свои права связан с развитием золотопромышленности, которая складывалась сразу как капиталистическая мануфактура и стала одной из наиболее заметных в России сфер приложения наемного труда. С 30-х гг. XIX в. работники капиталистических мануфактур стали главным субъектом социального протеста в индустриальном секторе Сибири (55 %). По форме движение осталось преимущественно пассивным. С приисков бежали, по неполным данным, в 1831–1860 гг. около 16 тыс. работников, что составило 55 % всех участников социального протеста, в то время как в стачках приняли участие 10,4 тыс. работников, или 34,3 % участников, в волнениях – 3,8 тыс. (12,6 %). Бежали ежегодно от 3 до 11 % всех приискателей. Именно пассивный протест остался самым эффективным и массовым средством борьбы.

Изменился и характер движущих мотивов выступлений работников. Значительными остались антифеодальные мотивы – против кабальных условий контрактов и крепостнического режима. Они были главными в 40 выступлениях, но специфические требования наемных работников выдвигались уже в 35 случаях. Иной характер стали носить и мотивы пассивного протеста. Если работники крепостных мануфактур побегами хотели изменить свой социальный статус, то наемные работники боролись за лучшие условия продажи рабочей силы.

Кратко основные выводы можно свести к следующему: в XVII в. – 1820-е гг. главная движущая сила социальной борьбы в индустриальной сфере Сибири – работники феодальных мануфактур, мотивы и средства борьбы – крестьянские; в 1830–1850-е гг. основная сила движения – наемные работники капиталистических мануфактур, основные мотивы – борьба с феодальными пережитками в сфере найма, основные средства борьбы – крестьянские (волнения, жалобы, побеги). Стачки как специфически пролетарский способ борьбы и пролетарские мотивы (зарплата, рабочее время, условия труда и быта) еще не стали главными. Сравнение рабочего движения в Сибири с другими районами страны показывает, что в 30–40-е гг. XIX в. эпицентр борьбы промышленных работников России находился на приисках Сибири. В 1850-е гг. пик социальных конфликтов здесь миновал, и Сибирь отошла в тень¹³³.

4.4. Обзор рабочего движения в пореформенный период

Период 1851–1894 гг. в рабочем движении Сибири принципиально являлся продолжением периода 1830–1850-х гг. Главным субъектом движения остались рабочие мануфактур, основными средствами борьбы по-прежнему были достачечные формы протеста – волнения, побеги и прошения, но мотивы борьбы стали постепенно специфически пролетарскими. Эти выводы опираются на подсчеты, проведенные мной по материалам хроники рабочего движения в Сибири и сведенные в табл. 28.

Анализ форм протеста показывает, что по массовости преобладали над активными способами борьбы пассивные формы (побеги и жалобы). В 1860-е гг. с промышленных предприятий Сибири, спасаясь от кабального найма, обязательных и каторжных работ, ежегодно бежали 5,2 % работников, участвовали в волнениях более 1,2 % работников, а бастовали – 0,1 %. Особенно часто бежали, как и в первой половине XIX в., каторжные Нерчинских предприятий Кабинета и рабочие частных золотых промыслов, казенных заводов Восточной Сибири, редко – мастерские кабинетских заводов и рудников. С упразднением обязательных работ на предприятиях Кабинета и сокращением применения каторжного труда на казенных и частных предприятиях, побеги здесь сократились до минимума. За 1870-е гг. нет сведений о побегах с Нерчинской каторги, но и сведений по золотым промыслам достаточно, чтобы доказать преобладание пассивных протестов в это время. В 1870-е гг. с приисков ежегодно бежали 1443 рабочих, а в волнениях и стачках участвовали втрое меньшее число работников.

Десятилетия 60-х и 70-х гг. XIX в. отличаются по составу участников движения. В 1860-е гг. в Сибири, как и в Европейской России, активизировались мастерские, освобожденные и переведенные в крестьянское сословие без достаточных для ведения хозяйства наделов. Мастерские отказывались платить налоги, исполнять денежные и натуральные повинности, писали прошения, жгли дома чиновников, оказывали вооруженное сопротивление чиновникам и войскам.

Динамика рабочего движения в Сибири в 1861–1894 гг.*

Годы	Стачки		Волнения**		Экономические организации		Коллективные обращения		Террористические акты	Количество бежавших	Всего участников рабочего движения
	Число	Кол-во участников	Число	Кол-во участников	Число	Кол-во участников	Число	Кол-во участников			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1861	–	–	2(2)***	370	–	–	1(1)	500	1	2518	3389
1862	3(3)	200	5(1)	27	–	–	–	–	–	2578	2805
1863	–	–	1(1)	4	–	–	–	–	–	2271	2275
1864	1(1)	100	5(4)	211	1(1)	180	1	–	8	2613	2932
1865	–	–	8(4)	835	–	–	7(3)	914	–	2137	3886
1866	2(2)	73	5(2)	71	–	–	–	–	1	2344	2489
1867	1(1)	125	1(1)	50	–	–	1	–	–	1896	2071
1868	–	–	5(3)	1254	–	–	2(1)	460	1	1679	3385
1869	1(1)	400	1(1)	500	–	–	–	–	–	1976	2876
1870	1	–	2(1)	97	2(2)	281	3(2)	1304	23	1974	3398
1871	1(1)	47	2	–	1(1)	74	2(2)	247	–	1608	1902
1872	1(1)	200	4(1)	40	–	–	1(1)	50	–	1495	1785
1873	6(6)	1130	8(3)	367	–	–	1	–	1	1350	2848
1874	4(4)	456	–	–	–	–	–	–	–	1318	1774
1875	–	–	3(2)	91	–	–	2	–	–	1402	1493
1876	3(2)	137	5(3)	1718	1(1)	95	–	–	3	1332	3190

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1877	–	–	–	–	1(1)	267	–	–	–	1728	1995
1878	4(2)	270	2	–	–	–	–	–	–	1123	1393
1879	1(1)	150	5(4)	662	–	–	2(1)	100	1	2229	3142
1880	2(2)	20	5(1)	900	–	–	1(1)	4	1	1707	2632
1881	6(1)	6	4	–	–	–	7	–	1	1097	1104
1882	3(3)	357	6(3)	1405	–	–	7(2)	11	–	1417	3190
1883	6(5)	1068	5(1)	100	1(1)	151	6	–	1	1436	2605
1884	12(12)	6650	7(4)	977	–	–	8(4)	75	–	1207	8909
1885	3(2)	250	10(4)	38	–	–	2	–	1	711	1000
1886	3(3)	300	5(5)	98	–	–	–	–	–	496	874
1887	6(5)	267	4(1)	55	–	–	1	–	2	421	745
1888	8(3)	480	2(1)	26	1(1)	24	2	–	–	667	1173
1889	7(4)	125	6(4)	643	1(1)	120	–	–	1	943	1712
1890	7(7)	926	15(8)	693	–	–	6(4)	367	1	881	2769
1891	2(2)	121	6(4)	365	–	–	2(2)	31	–	906	1423
1892	5(5)	205	6(5)	386	1(1)	151	1(1)	18	–	913	1522
1893	3(3)	332	5(3)	141	–	–	3(2)	34	1	847	1855
1894	21(19)	2683	15(10)	723	–	–	7(7)	454	1	1093	4954
Итого	123(101)	17078	165(87)	12738	10(10)	1343	76(34)	4569	50	50293	84729

* Зиновьев В.П. Рабочее движение в Сибири в мануфактурный период. Дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1992. Т. I. С. 322–323.

** В число волнений включены и выступления, характер которых не выявлен.

*** В скобках указано число выступлений и организаций с известным количеством участников.

Грандиозным даже по российским масштабам был Бердский бунт в октябре – ноябре 1869 г., охвативший 6 волостей Барнаульского округа – Ординскую, Бердскую, Легостаевскую, Чингинскую, Боровлянскую, Тальменскую с населением 25 тыс. человек, в том числе до 500 мастеровых. Крестьяне и мастеровые требовали освободить их от налогов на основании мнимого царского манифеста, за который они приняли циркуляр МВД от 20 марта 1868 г. «О мерах к обеспечению быта горнозаводского населения», отказывались исполнять повинности и оказали сопротивление войскам. Это восстание крестьян и мастеровых историки долгое время, вслед за Н. Савельевым, относили к 1861 г. Только подлинные документы, обнаруженные в РГИА А.Т. Топчием, позволили установить масштаб, характер и точные даты события¹³⁴. Борьба мастеровых была частью антифеодального движения и по форме и по содержанию. Менее массовыми, но более частыми в эти годы были выступления приисковых рабочих.

В 1870-е гг., как и в 1830–1850-е гг., основной очаг рабочего движения вновь переместился в приисковые районы. Здесь также преобладали волнения и другие крестьянские по форме методы борьбы. Однако мотивы движение были уже по большей части пролетарские. В 1860–1870-е гг. рабочие 13 раз требовали улучшить условия труда и быта, 20 раз – повысить заработную плату, 12 раз – сократить рабочий день, 18 раз требовали уважать их человеческое достоинство. Не в малой степени еще выступления были направлены против крепостнических пережитков в сфере найма – полицейского режима, кабалы (17 раз). Нередко стачки принимали упорный, организованный характер (на Петровском железоделательном заводе в 1864 г., на Ононских приисках братьев Сабашниковых в 1873 г., на Еленинском прииске Назарова в 1876 г.)¹³⁵. Организующим началом были артели.

К первым пореформенным десятилетиям относится создание первых объединений рабочих и служащих: кооперативов (в 1864 и 1871 гг.) и горнозаводского товарищества (в 1870 г.) на Петровском заводе, ссудосберегательных касс на Гурьевском заводе и Салаирском руднике. Это были административно зависимые хозяйственные объединения, мало что давшие для развития рабочей инициативы и экономической самостоятельности.

В 1880-е – первой половине 1890-х гг. продолжали усиливаться пролетарские черты в движении рабочих Сибири. Это проявилось

прежде всего в том, что активные формы протеста стали более массовыми, нежели пассивные (см. табл. 28). В 1880-х гг. в стачках и волнениях участвовали 13765 рабочих (2,4 % всех рабочих промышленности и транспорта Сибири), а бежали с предприятий и обращались с жалобами к властям – 110172 рабочих (1,8 %). В 1890–1894 гг. соответствующие цифры были следующими – 6475 (1,3 %) и 5544 (1,1 %). Из активных протестов и по числу и по массовости участников стали преобладать стачки. В 1880-х гг. рабочие Сибири бастовали 56 раз (9523 участника в 40 стачках с известным числом участников) В то же время отмечено 48 волнений с 4242 участниками в 24 из них. Характер 6 выступлений определить не удалось. Эта же тенденция сохранилась в первой половине 1890-х гг.: произошло 38 стачек с 4267 участниками в 36 из них и 34 волнения (1988 участников в 26 из них). Характер 13 выступлений не был определен.

Если обратиться к анализу мотивов движения, то обнаружится, что главными из них стали специфически пролетарские вне зависимости от формы протеста. Так в стачках, волнениях, коллективных обращениях к властям, актах террора в 1880-х – первой половине 1890-х гг. мотивы, связанные с размером заработной платы, были основными в 78 случаях, связанные с рабочим временем – в 33 случаях, с требованием уважения достоинства рабочего человека – в 40 случаях. В то же время против кабальных условий контрактов рабочие протестовали 19 раз, непролетарские мотивы встречались 6 раз¹³⁶.

На усиление пролетарского характера борьбы работников индустриального труда в Сибири показывает и динамика массовости непролетарских и пролетарских форм борьбы. В 1860-е гг. стачечники составляли 4,1 % всех участников движения, в 1870-е гг. – 13,7 %, в 1880–1889 гг. – 41 %, в 1890–1894 гг. – 36,7 %¹³⁷. Стачки в пореформенной Сибири еще не стали основным методом борьбы рабочих, но пролетарские требования уже стали главными для массы наемных работников края.

Анализ отраслевой структуры рабочего движения в 1861–1894 гг. показывает, что авангардом его были, как и в 1830–1860-х гг. приисковые рабочие. Этот отряд мануфактурного пролетариата дал 100 из 123 стачек, 131 из 165 других активных протестов, 75 % всех участников социальной борьбы. Рабочие металлургических заводов бастовали всего три раза и участвовали в 11 волнениях. Рабочие ману-

фактур в обрабатывающих отраслях бастовали 2 раза и 4 раза устраивали волнения. Один раз бастовали рабочие-ремесленники. Служащие и приказчики использовали легальные методы улучшения своего положения – прошения, организацию обществ и касс взаимопомощи. В других отраслях производства факты открытого сопротивления эксплуатации были единичны.

Географическое распределение событий рабочего движения в пореформенной Сибири показывает, что наибольшее их число падает на губернии и области с развитой горной промышленностью. В Забайкальской области произошли 92 волнения и стачки, в Енисейской губернии – 76, в Томской губернии – 54, в Якутской области – 42, Иркутской губернии – 20, а в Тобольской губернии 4. В городах произошли только два подобных события. В Тобольске один раз в 1880 г. бастовали сапожники, в Бийске в 1886 г. – строители тюрьмы.

Анализ стачечных выступлений приводит к выводу, что стачки были кратковременны (2,2 дня в среднем), стихийны (в 97 случаях из 123). В 24 случаях организованными стачками руководили артельные старосты. По своей целенаправленности стачки не имели четкой тенденции, в 47 случаях они носили оборонительных характер, в 55 случаях – наступательный, в 21 случае характер события определить не удалось. То же самое можно сказать о результативности стачек, в 48 случаях они были успешны, в 52 случаях окончились неудачно, в 23 случаях характер стачки определить не удалось. Можно отметить возрастание результативности к 1890-м гг.

Таким образом, обзор статистики рабочего движения в пореформенной Сибири показывает тенденцию к укреплению пролетарских черт в борьбе рабочих, вслед за тенденцией закрепления постоянных кадров. Увеличивалась от десятилетия к десятилетию доля активных протестов, доля пролетарских мотивов, доля специфически пролетарской формы борьбы – стачек.

Изучение динамики и характера рабочего движения в XIX в. также показывает, что период 1861–1894 гг. был продолжением периода 1830–1850-х гг. Прежним остался главный субъект движения – приискатель, т.е. работник централизованных мануфактур. По-прежнему главным способом борьбы остались непролетарские формы – побеги, волнения, прошения. Прежней осталась и основная цель борьбы работников – уничтожение крепостнических методов эксплуатации в сфере индустриального труда. Только с 80-х гг. про-

летарские мотивы стали главными. Содержание борьбы по темпам своей трансформации опережало формы борьбы, подобно тому, как вчерашний крестьянин, став наемным рабочим, еще не сменил армяка на поддевку.

В пореформенной Сибири вследствие ее социально-экономической отсталости от Европейской России, замедленных темпов промышленного переворота, не сложились еще кадры фабричных рабочих, не произошло и качественного перехода к преобладанию пролетарских методов борьбы – стачек. Это было характерно и для других регионов Азиатской России¹³⁸. В Европейской части империи этот переход совершился в 1870-х гг., когда фабричный рабочий (ткач) стал главным субъектом движения. Придав ему пролетарскую форму и смысл¹³⁹.

4.5. Политическая ссылка и рабочее движение в Сибири накануне революции 1905–1907 гг.

Политическая ссылка – сложный и многосторонний предмет исторического исследования. Историки изучают ее как карательный инструмент, измеряя ее эффективность и масштабы, как показатель динамики освободительного движения в стране, как школу мужества и воспитания революционных кадров, как средство экономического и культурного освоения Сибири и т.д. Среди этих аспектов представляет интерес изучение влияния ссылки на рабочее и революционное движение в местах ссылки до революции 1917 г.

Влияние политической ссылки на рабочее движение обстоятельно изучено применительно к 1905–1917 гг.¹⁴⁰ Политическая ссылка на рабочее движение во второй половине XIX в. рассматривались мной в специальных статьях¹⁴¹. Влияние ссылки на становление социал-демократических организаций в Сибири проследили многочисленные исследователи истории общественного движения в Сибири (см. труды М.К. Ветошкина, П.Н. Мешалкина, А.П. Мещерского, Н.В. Блинова, П.З. Курусканова, В.М. Самосудова, Н.И. Кабацкого, Н.Н. Щербакова, А.Е. Плотникова, А.А. Иванова, С.В. Макаrchука и др.). Участие же ссылных непосредственно в рабочем движении накануне революции 1905–1907 гг. изучено недостаточно. Этой теме и посвящена настоящая статья.

Тезис о том, что не только ссылные социал-демократы, но и ссылные народники вели активную пропаганду среди учащейся и

рабочей молодежи не нуждается в доказательстве. Только в монографии Н.В. Блинова называется более полутора десятка кружков среди учащихся, интеллигенции, рабочей молодежи¹⁴². Мне дополнительно к сведениям Н.В. Блинова удалось найти дело о пропаганде томского гимназиста И. Дорофеева¹⁴³, по материалам которого можно установить, что в конце 80 – начале 90-х гг. XIX в. в Енисейске действовал среди учащихся кружок ссыльных народовольцев А.А. и Н.А. Тихоцких, в 1993 г. – кружок В.М. Крутовского и Э. Красницкого, в Красноярске в 1993–1994 гг. – кружок К.А. Станкеева, среди гимназистов и рабочих Томска в 1994 г. – кружок И. Дорофеева. Они распространяли и обсуждали народническую и марксистскую литературу¹⁴⁴. В кружок Дорофеева входил рабочий Дмитрий Богданов, который потом вместе с В.Е. Воложаниным входил в один из трех народнических кружков Томска¹⁴⁵. Такие пропагандистские кружки в 90-е гг. XIX в. действовали среди молодежи в Омске, Тобольске, Барнауле, Иркутске, Чите, Тюмени, Тобольске. Они отражали тягу молодежи к политическим знаниям и к активной общественной деятельности, заражали ее оппозиционным духом. Определенность политических взглядов участников пришла позднее. Так, в ученических кружках Енисейска и Красноярска, в которых находились в основном дети золотопромышленников и их служащих, вместе просвещались будущий видный конституционный демократ, депутат Государственной Думы Степан Востротин, будущий крупный золотопромышленник Аверин Власов, будущий социал-демократ Леонид Скорняков¹⁴⁶.

Через народнические кружки прошли выдающиеся революционеры-марксисты Е. Ярославский (Губельман), И. Крамольников (Пригорный), В. Воложанин, Л. Скорняков и многие другие. Пополняли эти кружки также и эсеровские организации. Так, один из участников кружка И. Дорофеева Николай Березницкий отмечался полицией как социалист-революционер в 1903 г. и член городской милиции в революции 1905 г.¹⁴⁷ Народническая и польская политическая ссылка дала немало революционеров, пришедших к марксизму в Сибири. Достаточно назвать имена М.С. Ольминского, П.Н. Лепешинского, Ф. Кона, В.П. Арцибушева, В. Кудряшева, С.Н. Мартыновского, А.И. Зунделевича, Ф. Рехневского, И.Ф. Гусева, И.А. Гусева, Д.Г. Богданова, М. Кудряшевой и др.¹⁴⁸

Влияние политической ссылки на рабочее движение в Сибири возросло со второй половины 90-х гг. XIX в., когда приобрела массовый

характер марксистская ссылка, когда не редкостью стала политическая рабочая ссылка. Некоторое влияние на формирование политического мировоззрения сибирских рабочих оказали уже первые марксисты, попавшие в ссылку в конце 1880-х – начале 1890-х гг. – П. Шатко, М.И. Бруснев, Д. Странден, П.А. Красиков, Л.Н. Скорняков, Э.А. Абрамович и др. Э.А. Абрамович вел пропаганду среди рабочих Ленских приисков, работая там в 1892–1896 гг. врачом на Олекме. Окружной горный инженер называл одной из причин дружных стачек горняков в 1904 г. то, что в округе ранее «подпольной агитацией занимались служащий Ленского Т-ва Н.Н. Фрелих и врач Э.А. Абрамович, оба политические ссыльные», которые, по мнению горного окружного инженера, «Оставили в среде рабочих и служащих много учеников и их уроки не пропали даром»¹⁴⁹.

Ссыльные революционеры, как правило, стояли у истоков основания большинства рабочих социал-демократических организаций Сибири. В Красноярске ими были П.А. Красиков, В.П. Арцибушев, Л.Н. Скорняков (1898 г.). На создание первых марксистских кружков в Красноярске оказал В.И. Ленин, хотя его роль обычно преувеличивается¹⁵⁰. Затем участие в работе социал-демократов в Красноярске приняли также ссыльные И. Гусев, М.Ф. Кудряшева, организовавшие в 1899 г. на железнодорожной станции в мастерских социал-демократический кружок. В кружок, по донесению полицейского пристава 1 части, входили слесари В. Васльев, Ф. Шестпалов, плотник В. Шабанов, и другие рабочие. И.А. Гусев был выслан в Западную Сибирь в 1880 г. по делу о типографии «Северного рабочего союза». Именно этот кружок издал первую в Сибири социал-демократическую листовку «К паровозным бригадам депо Обь, Тайга, Боготол, Красноярск, Енисей, Илань, Нижнеудинск и Иркутск» с призывом к стачке тиражом несколько десятков литографических экземпляров за подписью «Ваши товарищи». Листовка была найдена в Красноярске и на ст. Зима¹⁵¹. Авторство этой листовки долгое время историки установить не могли¹⁵². Полиция приписывала авторство М.В. Кошелеву¹⁵³.

В Красноярске же вели революционную пропаганду среди рабочих ссыльные Г.И. Окулова, Д. Синицкий, Е.В. Степаненко, затем – Г.Э. Гуковский, Н.А. Ряховский, М.А. Сильвин, Н.П. Калабин, А.А. Богословский, Г.Д. Баранов, Н. Барабанщиков, М. Лаврова (1900–1902 гг.), Ф.Л. Шкредов, К.Ф. Лебедев (1902–1903)¹⁵⁴.

В Омске инициатором создания рабочего кружка в 1899 г. был пермский кузнец Е.А. Грозный (Грознов), приехавший из Челябинска, гонимый полицией на восток. Он вел пропаганду марксизма на ст. Обь, в Канске, Красноярске, на ст. Бокай. Кстати, точно так же Ф.А. Глинкин из Санкт-Петербургской «Группы рабочих для борьбы с капиталом» прошел через железнодорожные предприятия Омска, Канска, Красноярска, Иланской; А.А. Сачава из Екатеринослава прошел через фабричные заведения Томска, Красноярска, Иркутска, Верхнеудинска, Кругобайкальской ж.д.; И.С. Якутов из Уфы прошел предприятия Омска, Иркутска, Читы¹⁵⁵. Такие примеры можно продолжить.

Позднее в Омск были сосланы члены «Союзов за освобождение рабочего класса» В. Ванновский (Москва), К. Федорова (Санкт-Петербург). Еще позднее – И.С. Якутов, К. Калмыков.

В Иркутске пропаганду марксизма среди рабочих вели сосланный сюда в 1895 г. Л.Б. Красин, позднее – В. Мандельберг, И. Шиллингер, на ст. Иланской – Ф.В. Ленгник, В.Ф. Мучник, Ф.И. Глинкин (1900–1901 гг.), в Чите – Н.М. Ляховский (1899 г.), на ст. Иннокентьевская – В.А. Букшнис, Пшебыславский, К.Н. Самойлова (Громова) в 1901 г., на ст. Тайга – И.П. Тимофеев, П.К. Гудимов, И.Л. Проминский, Г.М. Кржижановский (1900 г.), на ст. Обь и в Новониколаевске – В. Солдатов, Н. Самойлович, М. Дубровина, высланные за революционную деятельность в Европейской России¹⁵⁶.

В Барнауле пропагандой марксизма среди рабочих занимался ссыльный П.Е. Семьянов, в Тобольске – В.Д. и С.Е. Новодворские (1899 г.), в Тюмени – В. Иванов, И. Тихов, Б. Петряков (1903 г.)¹⁵⁷.

Ссылные не играли существенной роли только в Томской социал-демократической организации. Здесь основным каналом распространения социалистических идей была учащаяся молодежь. Но и в Томске Н.В. Блинов отметил влияние на первых социал-демократов ссыльных революционеров И.М. Катона из Ковно, Д.Н. Богданова, А.М. Смирнова¹⁵⁸. Члены томской социал-демократической организации, сами высланные из Томска, способствовали созданию марксистских кружков в других городах Сибири: Егор Решетов – в Тайге, Иркутске, А. Сачава – в Красноярске, Иркутске, Николай Дербышев – в Харбине, Д. Калико – в Красноярске и т.д.¹⁵⁹ Можно только присоединиться к выводу, который сделан Н.В. Блиновым: «Десятки, а в 1901–1904 гг. уже сотни луч-

ших представителей российского пролетариата помогали сибирским рабочим в выработке классового сознания. Преследования жандармов лишь расширяли границы их деятельности»¹⁶⁰.

Кроме ссыльных народников и социал-демократов некоторое влияние на рабочее движение в Сибири оказали анархо-синдикалисты. Иван-Вацлав Махайский вместе с М.Ш. Розенблом написали в 1899 г. в якутской ссылке брошюру «Умственный рабочий», изданную затем на гектографе в Иркутске, в которой доказывалось, что рабочему классу противостоит все образованное общество, в том числе и интеллигенция, а также предсказывалось, что социал-демократы на Западе, достигнув власти, будут участвовать в эксплуатации рабочих. Махайским также была напечатана листовка «Товарищи» с призывом свергнуть самодержавие путем террора с подписью «Рабочая партия политического освобождения России»¹⁶¹.

В дальнейшем кружок Махайского расширился, в него вошли политические ссыльные Вера Гулари-Бучульская, Трофим Чуприн, Б.К. Миткевич, П.А. Вержотуров¹⁶². Группа занималась пропагандой своих взглядов среди булочников, промышленных и транспортных рабочих. В апреле 1902 г. группа Махайского выпустила две листовки – «К иркутским рабочим» и «Майская стачка» с призывом к борьбе с образованным обществом и к еврейским погромам. 15 апреля была проведена сходка булочников (человек 20), на которой выступали Иван Махайский, Трофим Чуприн, Бронислав Миткевич, Пантелеймон Верхотуров¹⁶³. Еще раньше – 4–7 апреля 1901 г. кружок Махайского организовал стачку в типографии «Конкуренция» Мронговиуса. Она оказалась неудачной, хозяин отказался сократить рабочий день, а В.Д. Гулари-Бучульская была уволена¹⁶⁴. Махаевская группа рабочего заговора существовала в Иркутске по крайней мере до 1907 г.

Надо сказать, почва для пропаганды махаевщины в Сибири существовала благоприятная. Антиинтеллигентские настроения были широко распространены среди сибирских рабочих. Так, рабочий-революционер В. Осепчугов, вспоминая о первых шагах своей революционной юности в пропагандистских кружках Томска, писал: «... прорабатывая в кружках «Капитал», мы убеждались, что буржуазия и интеллигенция живут за счет прибавочной стоимости, которую создает рабочий класс.

Мы сделали вывод, если интеллигенция живет с нашего труда, ей невыгодно наше освобождение. Она будет идти с нами до того момента до какого ей выгодно.

Мы чувствовали своим рабочим нутром большевистский лозунг: Освобождение рабочих – дело рук самих рабочих»²⁵. Как видим, взгляд юного социал-демократа В. Осепчугова на борьбу рабочих не особенно отличался от взглядов анархиста Махайского. И если махаевщина не получила широкого распространения в Сибири, то в этом заслуга борющейся с этим явлением революционной социал-демократии¹⁶⁵.

Пропаганда политссыльных среди рабочих носила порой характер антисамодержавный, без проявления какой-либо конкретной политической окраски. Например, в 1904 г. столярный подмастерье из ссыльных М. Петухов призывал рабочих железнодорожного завода в с. Абаканском Минусинского округа к свержению существующего строя путем восстания и читал им стихи такого рода:

Нас давит, товарищи, власть капитала,
Царящая мощно повсюду.
Давно уж, товарищи, время настало
Проснуться рабочему люду.
На бой нас давно вызывает
Буржуй – враг, царящий повсюду.
Пусть красное знамя собой означает
Идло рабочего люда.
Нас грабят нещадно, увечат, штрафуют,
Толпами нас гонят в могилу,
Недолго однако наш враг поликует
Уж наша пора наступила.
Полиция к порядку штыком призывает.
Поп чушь нам городит с амвона.
Царь батюшка только головкой качает
..... и трона
Долой же позорную власть капитала.
Пусть рухнет мир старый повсюду
К оружию, товарищи, время настало
Проснуться рабочему люду¹⁶⁶.

Определенное влияние на рабочее движение в Сибири имели ссыльные социалисты-революционеры, хотя назвать много примеров пропаганды эсеров я не могу. Группы и комитеты ПСР всего лишь 6 раз обращались с листовками к сибирским рабочим до 1905 г.¹⁶⁷ Однако традиционно прочными были позиции социали-

стов-революционеров в приказчиных обществах взаимопомощи, которые создавались в значительной мере с участием ссыльных народников. Имели вес социалисты-революционеры и в рабочих организациях, созданных в начале XX в. Так, Сергей Порфирьевич Швецов в феврале 1902 г. был избран председателем Общества книгопечатников в Томске. Кроме него в общество входили видные социалисты-революционеры М.И. Вознесенский и П.В. Вологодский¹⁶⁸.

Таким образом, влияние политической ссылки на рабочее движение в Сибири было чрезвычайно разноидейным. Социалистические идеи приходили к сибирским рабочим в марксистских, анархистских и народнических нарядах. Преобладающим все же надо признать влияние социал-демократов.

Ссылные рабочие влияли на своих сибирских товарищей не только идейно. Когда возникала необходимость, они становились руководителями массовых действий. В мае – июле 1899 г., например, когда на Николаевских железоделательных заводах обанкротившегося Саввы Мамонтова около 2 тыс. рабочих естались с семьями без продуктов и заработной платы, ссыльный рабочий, член Санкт-Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса В.А. Князев возглавил депутацию рабочих на переговорах с властями. Депутаты наладили самоуправление на заводе, распределение продуктов, добились выдачи заработной платы голодающим рабочим¹⁶⁹.

В 1904 г. выдающуюся роль в стачке на Андреевском прииске Компании Промышленности в Витимской тайге сыграл ссыльный рабочий П.Д. Поладьев (Палладиев), который своими решительными действиями и авторитетом предотвратил подготовленный властями расстрел рабочих. Ленский расстрел мог случиться на 8 лет раньше. Интересно, что другим человеком, постаравшимся предотвратить кровавое преступление, которое готовили администрация компании и приисковая стража, был горный исправник Петров, выполнивший свой человеческий, а не чиновный долг¹⁷⁰.

Ряд стачек в Сибири организовали политические ссыльные. Так, стачку 18–27 марта 1899 г. в кузнечном цехе Омских железнодорожных мастерских устроил Е.А. Грозный¹⁷¹. В том же году в токарном цехе Красноярских железнодорожных мастерских под руководством кружка ссыльного социал-демократа Л.Н. Скорнякова прошла стачка с требованием выплатить к Пасхе заработную пла-

ту¹⁷². Среди организаторов стачки в типографии Орловой в Томске 14–22 января 1903 г. полиция назвала С.П. Швецова¹⁷³. Организаторами знаменитой «Билетной стачки» в Красноярске были ссыльные социал-демократы Александр Пайкес (из Вильно), металлисты И.В. Княжев и И.И. Даник¹⁷⁴.

Политическая ссылка в целом имела исключительно важное, а для ряда промышленных центров Сибири – решающее значение в распространении социалистических идей среди рабочих, в организации пропагандистских кружков, групп и комитетов РСДРП, ПСР и других политических течений. Политические ссыльные играли меньшую роль в стачечном движении, но в некоторых случаях руководили выступлениями рабочих.

Политические ссыльные оставались значительным фактором социальной активности индустриальных рабочих Сибири и в период революции 1905–1907 гг., и в межреволюционный период, однако в данной монографии затрагивать этот сюжет подробно не имеет смысла, он очень хорошо изучен Н.В. Блиновым, Н.Н. Щербаковым, Э.Ш. Хазиахметовым, Л.П. Сосновской, А.П. Толочко, В.М. Самосудовым, Д.М. Зольниковым, П.З. Курускановым и другими историками.

4.6. Экономические организации рабочих Сибири во второй половине XIX – первые годы XX в.

Основой так называемого гражданского общества является способность населения к самоорганизации и самостоятельности помимо государственной политической системы, существующей за счет общества и регулирующей его жизнь. Сейчас много и горячо говорят о гражданском обществе, при этом, внимательно изучая опыт стран Запада, считают зазорным поинтересоваться собственной историей, в частности опытом русской общины, артели, из которых выросли экономические организации нового индустриального мира России.

Существует богатейшая дореволюционная литература по истории русской артели. В советской и современной историографии эта тема совершенно забыта. Две моих статьи не в счет¹⁷⁵. Больше повезло кооперативам, обществам и кассам взаимопомощи, которые изучались как часть рабочего движения (см. труды И.А. Корякова, В.И. Зиновьевой и др.).

В разделе 4.6. обобщена информация об экономических рабочих организациях Сибири до революции 1905 г., в период которой они стали массовым явлением.

Исторически первой традиционной формой организации труда и общественной жизни в России являлась артель. Она была настолько широко распространена, что перед государством рано встала задача ее законодательного оформления. Впервые артель встречается как юридический термин в цеховом уставе 1799 г. Первые официально признанные артели действовали по особым правилам. Это артели грузчиков в портах, торговых перевалках и таможах в XVIII – начале XIX в. – биржевые, дрягилей в Санкт-Петербурге, балластные и купорные в Архангельске, ширельные и совошные в Кяхте. Официально регистрировались земские артели сыроваров, кузнецов, сапожников в 60–70-е гг. XIX в. Однако этот опыт государственного формирования артелей оказался неудачным. Официально были признаны рабочие горнозаводские артели – Нижнетуринская в 1867 г., Екатеринбургская артель «Братство» в 1871 г., артель слесарей с. Павлово.¹⁷⁶ В начале XIX в. на Красносельской писчебумажной фабрике артель рабочих из 200 человек договорилась с владельцем – генералом Хлебниковым о самоуправлении предприятием¹⁷⁷.

Подобная же артель существовала и в Сибири. По особому артельному договору действовал в 1889–1899 гг. Абаканский металлургический завод в Енисейской губернии. Артель была образована вследствие уникальной ситуации, в которую попал рабочий коллектив. В 1888 г. выяснилось, что владельцы завода – известные уральские предприниматели Пермикины оказались несостоятельны и задолжали рабочим около 14 тыс. руб., а служащим – 4,7 тыс. руб. жалования. Рабочие просили для возвращения долга передать им завод в аренду. Пять раз с 31 марта по 28 декабря 1888 г. через своего доверенного Макарова они обращались по этому поводу к губернским властям и к генерал-губернатору. Генерал-губернатор Восточной Сибири А.П. Игнатьев прошение мастеровых поддержал, поскольку желающих купить завод или взять его в аренду не находилось. Конкурсное правление по делам несостоятельного должника Г.М. Пермикина передало 14 декабря 1888 г. завод в аренду артели из 127 рабочих и служащих на основании артельного договора от 22 ноября 1888 г. Артель подписала контракт об аренде завода с полицейским управлением Минусинского округа 12 мая

1889 г.¹⁷⁸ Артель нанимала рабочих и служащих, которых числилось от 500 до 900 человек. Дела артели вел староста. Им были служащий завода Косованов, поручик в отставке Зенгбуш, бывший Минусинский исправник Куменков, а в 1894 г. артель постановила передать управление заводом в руки 12 выборных¹⁷⁹.

Сведения об успехах артели противоречивы. Рупор частного капитала «Сибирский вестник» постоянно сообщал о неумении артели управлять предприятием, об ее зависимости от поставщиков, о доверчивости к проходимцам, о пьянстве рабочих¹⁸⁰. Более компетентная горная печать сообщала о хорошем состоянии производства¹⁸¹. Очевидно, артель имела достаточно сил и умения поддерживать завод 10 лет в рабочем состоянии, но не имела средств выкупить завод, его переоборудовать. В итоге в 1899 г. завод за 150 тыс. руб. купил известный уральский заводчик В.А. Ратьков-Рожнов. Следует согласиться с мнением бывшего управляющего заводом инженера Д. Степанова: «Абаканско-заводская артель показала, что мастеровые и рабочие не могут управлять сами таким сложным делом, им нужны руководители-специалисты»¹⁸². Действительно, артель во все время своего существования нанимала техников и управленцев.

В 1899 г. Департамент торговли и мануфактур разработал проект закона об артелях. 1 июня 1902 г. было утверждено «Положение о трудовых артелях». Закон делил артели на уставные и договорные, определял права членов артелей и их обязанности. Артель объявлялась отдельным юридическим лицом, собрание членов которой составляло ее главное управление. Оформление артели требовало длительной процедуры, утверждения министерством финансов, поэтому они создавались квалифицированными рабочими и ремесленниками в отраслях со стабильными заработками. Образцовый устав для примера и руководства был издан 30 сентября 1904 г.¹⁸³

В Сибири уставные артели не получили широкого распространения. До 1905 г. образовались только 5 артелей. Первой из них 18 мая 1903 г. открыла действие «Первая столярная ремесленная артель» в Томске из 10 человек¹⁸⁴. Осенью того же года открылись еще три артели: маляров, кровельщиков и строителей на станции Обь¹⁸⁵. В 1904 г. стала действовать Первая томская артель портных из 10 человек¹⁸⁶. Они являлись объединениями ремесленников, пытавшихся избежать конкуренции в условиях узости рынка.

Большую часть артелей Сибири, как и Европейской России, составляли традиционные договорные артели, которые официально не регистрировались. Их внутренняя организация зависела от сложности, масштабов, длительности самого промысла, от степени его интеграции в капиталистические отношения.

Обычно артель возглавлял староста – рядчик или подрядчик у строителей, грузчиков, «шишка» у бурлаков, «башлык» у рыбаков. Староста заключал договор с нанимателем, составлял письменный контракт, в котором оговаривались условия найма или поставки (у лесорубов, углежогов, смолокуров, возчиков кладей). В контрактах такая артель юридически выглядела разделенной на подрядчика и нанятых от его имени работников. Юридическую ответственность за выполнение условий договора нес подрядчик-староста. В первой половине XIX в. обычным в контрактах был пункт о круговой поруке нанятой артели.

Староста участвовал в работе личным трудом не всегда, а лишь в свободное от организационных забот время. Он был всегда наиболее развитым, грамотным, опытным специалистом. Вот впечатление современника от подрядчика-каменщика: «... старший у каменщиков всегда чрезвычайно светлая личность, он непременно грамотен, для артели даже образован, всегда трезв и рассудителен, а если к этому мы прибавим еще то, что у него всегда найдутся гроши для того чтобы помочь при случае артельному, то вот все, что необходимо для того чтобы иметь достаточное влияние на артель»¹⁸⁷. Староста вел финансовые дела. Обычно его выбирала сама артель, однако в ширельных, совошных, бурлацких, пристанских, горных артелях требовалось согласие нанимателя.

Заработок в артелях распределялся поровну только между полноправными членами, староста получал два пая, новички – от четверти до трех четвертей пая. Прием и увольнение из артели происходили по решению общего собрания. Увольнялись из артели за вредительство товарищу, за прогулы, за слабосильность, из-за продолжительной болезни. В ширельных артелях Кяхты во время болезни рабочему платили от четверти до половины пая в течение месяца, покалеченному на работе – в течение трех месяцев. Старики получали полный пай до тех пор, пока были в силах приходить на работу. Можно сказать, что артель не доплачивала молодым холостым работникам и переплачивала старым, обремененным семьями. Хорошим работникам артель прощала прогулы и пьян-

ство, но требовала отработки. На похороны артельных имелись особые деньги. Деньгами артели распоряжался староста, но для проверки его действий назначались счетчики, своеобразная ревизионная комиссия из грамотных и знающих дело работников. При большом объеме работы артель нанимала от себя временных работников с той же или с несколько меньшей, чем у артельных, платой. Артельные, как правило, жили лучше, чем неорганизованные рабочие той же профессии, что давало им законный повод козырять перед прочими, проявлять артельную гордость, вроде цехового патриотизма средневековых ремесленников¹⁸⁸.

Артельный уклад труда и быта был основным и на капиталистических предприятиях горнодобывающих отраслей, на стройках, пристанях, извозе, судоходстве, то есть в тех отраслях производства, в которых было затруднительно формальное подчинение труда капиталу, и последний был вынужден использовать докапиталистические формы организации работы. Чем выше была механизация труда, детальнее формальный контроль, тем меньше наниматели нуждались в услугах артели. Артельные принципы самоорганизации рабочих, однако, сохранились до сих пор. Порядные бригады советского времени, например, строились на артельных порядках.

Обычно артели брались за сдельные работы, жили и питались вместе. Формировались часто они из земляков (широко в Сибири были известны артели «семейских» – забайкальских староверов, артели нижегородских и вятских плотников, казанских татар-грузчиков) либо из работников, равных по силе. Лучшие артели на приисках получали самую срочную, наиболее выгодную работу, лучшие места в казармах, лучшее питание, больше порций водки. Им прощались прогулы. Их ненавидели и им завидовали остальные артели. Они были бедой и выручкой на прииске. Эти приисковые аристократы, грубые самоуверенные молодцы быстрее других изнашивались на работе, быстрее других пропивали здоровье и «ханули», то есть становились негодными для интенсивной работы¹⁸⁹. Лучшие артели выделялись и среди плотников, грузчиков, землекопов.

Используя артельную организацию труда и быта, предприниматели не только извлекали пользу за счет экономии на издержках управления и надзора, о чем писал Ф. Энгельс, анализируя книгу В.В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России»¹⁹⁰,

но он должен был считаться с возможным сопротивлением артели. Круговая порука, спайка и казна артели нередко оборачивались против хозяев, хотя артель тоже должна была считаться с возможным подкупом своих вожakov. Артель была первой формой организации рабочего движения в России задолго до возникновения у российских пролетариев профессиональных союзов и партий европейского типа. Чувство солидарности проявлялось в том, что считалось доблестью порадеть и пострадать за «общество», то есть за артель. Артель, в свою очередь, старалась защитить вожakov, жестоко расправлялась с хозяйскими холуями и соглядатаями. Практически все стачки мануфактурного периода, имевшие организованный характер, обязаны артельной традиции, артельной дисциплине. Даже в начале XX в., когда в Сибири стали культивироваться современные формы объединения рабочих, артельные традиции продолжали жить и использовались рабочими в случаях организации крупных стачек. Например, основой центрального забастовочного комитета Ленской забастовки 1912 г. были артельные старосты и старосты барачков. Непременной составной частью организующей структуры стачек на каменноугольных копях Сибири были артели забойщиков во главе с артельщиками. Они выполняли ту же роль, что и знаменитые фабричные старосты в Англии.

На принципах договорной артели формировались нелегальные промысловые артели золотоискателей. Артели старателей получили широкое развитие в Сибири с 70-х гг. XIX в., когда была разрешена мелкая золотопромышленность, и когда в среде таежного населения закрепились промысловые навыки, накопился слой выброшенных с приисков по разным причинам работников. Старательским артелям с числом рабочих не менее 10 разрешалась аренда промыслов, сдельная работа с оплатой с золотника добытого золота. Старательские золотничные работы приобрели широкие масштабы, а накануне Первой мировой войны старательские артели добывали почти 60 % официально зарегистрированного золота в России¹⁹¹.

Однако это было не все артельное золото России. Золотое обращение в стране в значительной мере питалось еще и нелегальными промысловыми артелями. Когда гигантские размеры утечки золота заставили правительство пойти на вольную торговлю драгоценным металлом в стране, тогда обнаружилось, что около 30 % всей реальной добычи проходило мимо официальной регистрации в шну-

ровых книгах приисков¹⁹². Это и было по большей части вольно-старательское золото. Вольное старание в Сибири являлось таким же распространенным промыслом, как и другие, только нелегальным. «Вольный старатель-хищник вовсе не бездомный бродяга... а полноправный гражданин, домовый крестьянин или мещанин...» — писал П. Надин¹⁹³. Артели старателей снаряжались по тем же принципам, что и охотничьи, уходя в тайгу с инструментами, припасами. Небольшие артели вольностарателей проникали в самые отдаленные уголки тайги, преодолевали невероятные лишения в поисках золота. За ними следовали отчаянные люди — таежные торговцы с грузами провизии, оборудования, спирта, скупавшие за все это добро золото. По окончании сезона вольностаратели, если не сбывали золото в тайге легальным промышленникам и торговцам, искали скупщиков или сами продавали металл в Китай.

Трудно переоценить значение вольной артельной золотопромышленности в истории освоения Сибири. Вольные старатели («летучка» или «хищники») открыли наиболее богатые месторождения золота во второй половине XIX — начале XX в. в Северном Китае, на Среднем Витиме, на Зее, на Охотском побережье, в Олекминском округе, на Чукотке, где встретились с такими же вольными золотоискателями из США — протекторами. Находка богатых россыпей вызывала большое стечение старательских артелей со всей тайги. Старатели успевали выбрать как можно больше золота до официальной заявки местности каким-либо золотопромышленником.

Наиболее известна Желтугинская «республика» старателей в Маньчжурии в 1885–1886 гг., которая насчитывала до 12,5 тыс. старателей — русских, китайцев, бурят, корейцев. Все они делились на артели по 10–12 человек. Прииском, растянутым по реке на 15 км, управляли 8, а затем 12 выборных старшин из русских и китайцев во главе с главным старшиной, казначеем, судьей. Был выработан и строго соблюдался «Устав вольных промышленников». Основные вопросы жизни прииска решались на сходке старателей на площади «Орлиное поле». Там же вершились суд и наказание. Совет старшин ведал налогами, решал споры между артелями, устанавливал цены на золото и товары, организовывал оборону прииска от бандитов (хунхузов) и войск. Желтугинская «республика» старателей была разгромлена китайскими войсками с помощью русских властей. Подобные же старательские «республики» обра-

зовались в то же время на реках Аркан и Сапожок – по 500–700 работников¹⁹⁴.

Разогнанные старатели в 1892–1893 гг. основали новые прииски на реках Бом и Селемжа в Амурской области, откуда также были изгнаны полицией. В 1896 г. на Миллионном ключе по р. Гилую собралось «Общество вольных старателей Зейской и Гилуюской систем» числом до 3 тыс. человек с порядками, как на Желтуге. Работы велись артельно, прииском управляли старшины, трое из которых составляли высший совет¹⁹⁵. В 1898 г. на р. Королон в Баргузинской тайге работали до 500 вольностарателей (90 артелей) до той поры, пока прииск не заявил Я.Д. Фризер. Мировой судья, посетивший Королонскую «республику», описал работы и устройство старательского общества: «... хищники работали отдельными артелями, а для порядка ими заведено было свое самоуправление: на общей сходке был избран староста и двое десятских, получавших более чем приличное вознаграждение; на уплату им жалования, на вспомоществование больным и другие нужды хищнического общества хищники-торговцы были обложены особым сбором в размере от 2 до 4 золотников золота»¹⁹⁶. В Амурской тайге в том году, по сведениям горной полиции, бродили не менее 13 тыс. вольных старателей¹⁹⁷.

В начале XX в. старатели перенесли центр своей деятельности в район р. Жуя в Олекминском округе, где обнаружили богатейшие россыпи золота и где добились от властей фактической легализации¹⁹⁸. В обжитых районах Сибири горная полиция также постоянно и безуспешно воевала со старательской вольницей. Старательские артели были легализованы в 1923 г., когда А.И. Рыков подписал «Правила разработки золотосодержащих участков старателями в Дальневосточной области»¹⁹⁹.

Артели рабочих, как уставные, так и договорные, исследователи справедливо считают производственными кооперативами. Относятся к таковым и артели вольностарателей²⁰⁰.

Довольно рано познакомились сибирские рабочие и с другими экономическими объединениями – потребительскими кооперативами. Первой попыткой такого рода была организация кооперативной потребительской лавки на Петровском металлургическом заводе в 1864 г. Декабрист И.И. Горбачевский, имевший большое влияние на местное население, ознакомил кузнеца А. Першина, избранного волостным головой, со статьями Добролюбова в журнале

«Современник» о рабочих ассоциациях в Западной Европе. А. Першин предложил на волостном сходе открыть коллективную лавку для торговли продуктами. Несмотря на высокий пай – 5 руб. сразу был составлен капитал в тысячу рублей, а значит, нашлось около 200 пайщиков. Остальные работники завода тоже не были лишены права покупать продукты в лавке. Мясная общественная лавка просуществовала на заводе с апреля по октябрь 1864 г. Рабочие сами выбрали маркитантов, закупили и пустили в продажу мясо по 5 коп. фунт, а затем – по 2,72 коп. за фунт вместо прежних 8 коп. за фунт у частных торговцев. Управление завода поощряло действия рабочих, но осенью рабочие не смогли набрать 20 тыс. руб. для зимней закупки мяса, и вернулись прежние порядки. Неудача объяснялась не только неопытностью кооператоров, не создавших запасной капитал, но и господством крупных оптовых сделок в Забайкалье того времени²⁰¹.

Петровский завод также оказался единственным предприятием в Сибири, рабочие которого не отказались от устройства горнозаводского товарищества, разрешенного положением от 8 марта 1961 г. В отличие от таковых на Урале, оно не получило официального утверждения. До 1970 г. оно существовало без устава и правления. Деятельность его выражалась в сборе взносов и выработке правил. Нерчинское заводоуправление разрешило открыть товарищество 13 января 1870 г., но лишь в начале 1873 г. было избрано правление – горнозаводской приказ и назначен председатель. Кассиром был избран мастер И. Филонов. Целью общества была выдача пенсий и пособий. Сравнительно высокий взнос – 3,6 руб., а для пудлинговых и формовых мастеров – 2,4 руб. ограничил круг участников товарищества квалифицированными рабочими и служащими. В 1875 г. в товариществе состояли 196 чел., в 1881 г. – 148 чел., то есть половина рабочих завода. По положению полная пенсия (120 руб.) должна была выдаваться за 35–40 лет работы. Дожить до этого было мало надежды, рабочих привлекала возможность получить ссуду, товары и продукты в кооперативной лавке. Организация потребительского кооператива «Общая польза» в 1871 г. (74 члена) не была предусмотрена официальным положением о горнозаводских товариществах и была плодом самостоятельности работников завода. В 1874 г. товарищество закупило и продало своим членам продуктов на 3 тыс. руб. с 7 % надбавкой против оптовых закупочных цен. Обычная надбавка частных торговцев составляла до 100 %. В

1881 г. капитал товарищества составлял уже 20 тыс. руб. Но в целом для трехтысячного населения поселка деятельность кооператива была недостаточной²⁰².

В начале 1890-х гг. были предприняты попытки создания потребительских обществ на Риддеровском и Зыряновском рудниках и Гурьевском заводе в Алтайском округе Кабинета. Дела об их учреждении долго ходили по разным министерским канцеляриям. В 1897 г. открылось Зыряновское общество, в 1898 г. – Гурьевское со стереотипными уставами²⁰³. Такое же общество было образовано на Головинских каменноугольных копиях Черемховского бассейна по инициативе управляющего копиями инженера П.И. Пальчинского. В него вошли 26 учредителей из числа служащих и рабочих. Сведений о его деятельности не обнаружено. Вероятно, оно, как и Зыряновское, прекратило свои действия в связи с временным закрытием предприятия²⁰⁴.

Другой отраслью народного хозяйства, где существовали потребительские кооперативы, являлась железная дорога. В 1895 г. на станции Тюмень было открыто отделение потребительского общества служащих Пермской железной дороги²⁰⁵. С 7 мая 1898 г. по 1907 г. действовало Общество потребителей почтово-телеграфных чинов г. Читы²⁰⁶. В том же году открыло свои действия Общество потребителей Сибирской железной дороги. Первоначально функционировало Томское отделение, затем – Омское, Иланское, Красноярское, Иннокентьевское, Зиминское, Боготольское, Каинское, Карачинское, Тайгинское, Нижнеудинское, Тайшетское, Тулуновское. В 1904 г. оборот общества составил 16 тыс. руб. Общество было административно зависимым, получало ссуды от управления Сибирской железной дороги, много задолжало и было объявлено несостоятельным до 1 января 1912 г.²⁰⁷

Другая судьба ждала открывшееся 16 октября 1899 г. Общество потребителей служащих Забайкальской железной дороги. Оно превратилось в крупнейший в России потребительский кооператив. В 1899 г. общество имело 2 отделения – в Сретенске и Чите. Оборот его составлял 27,5 тыс. руб. В 1913 г. оборот операций общества достиг 3250 тыс. руб. в 16 отделениях на станциях Иркутск, Мысовая, Верхнеудинск, Петровский завод, Маритуй, Сретенск, Оловянная, Борзя, Слюдянка, Адриановка, Хвойная, Шарыжалгай, Дровяная, Маньчжурия, Харбин, Глазково²⁰⁸. В обществе состояло 24,3 тыс. членов. Кроме этого кооператива, непродолжительное

время в 1904–1907 гг. в Чите на железной дороге действовал потребительский кооператив рабочих, который был членом-пайщиком Московского союза потребительских обществ. Он не имел поддержки администрации железной дороги и скоро закрылся²⁰⁹.

Общими чертами всех потребительских кооперативов Сибири было их возникновение на казенных или кабинетских предприятиях, то есть там, где администрация как распорядитель дела была заинтересована в их существовании. Слабость инфраструктуры и торговой сети в Сибири заставляла предпринимателей, хотели они того или нет, заниматься снабжением рабочих всем необходимым. Управления казенных предприятий, не имевшие материальной заинтересованности в организации системы снабжения за счет Казны, предпочитали препоручить это самим рабочим и служащим, поддерживая инициативу ссудами. Общество на Сибирской железной дороге оказалось неспособным конкурировать с частной торговлей. Забайкальское общество не имело сильных конкурентов и получило возможность стать мощной монополией. Единственное потребительское общество на частном предприятии – Головинских копиях обязано своим недолгим существованием либерализму П.И. Пальчинского. Потребительские общества по сравнению с хозяйскими лавками предполагали минимум торговой прибыли, поэтому существенно облегчали положение пайщиков. Основной массе рабочих Сибири потребительские кооперативы стали знакомы после первой русской революции, а широкое развитие получили в период Первой мировой войны.

Другим типом экономических организаций, легальных и административно зависимых, были кассы взаимопомощи. Первые из них открылись в Салаирском крае. На Гурьевском заводе Кабинета в 1870 г. образовалась касса взаимопомощи служащих из 85 членов. В 1876 г. в с. Гурьевском образовалось сельское ссудосберегательное товарищество, куда входили и рабочие завода. Другое товарищество образовалось в с. Салаирском в 1877 г. В него входили и рабочие Салаирского рудника²¹⁰. Позднее, в 1888 г. на Гурьевском заводе открылась ссудосберегательная касса служащих и рабочих. Она имела 24–34 члена и занималась благотворительностью и выдачей возвратных ссуд²¹¹.

Легальные кассы взаимопомощи организовывались только приказчиками и типографскими рабочими, то есть наиболее развитыми в культурном отношении профессиональными группами рабочих.

Немалую роль в этом играла и прогрессивность, либерализм хозяев. Так, 5 июля 1897 г. открылась касса Торгового дома Бадмаева в Чите, 17 апреля 1900 г. – Томское отделение ссудосберегательной кассы фирмы «Печатня С.П. Яковлева» при типографии с 70–80 членами²¹². в 1903 г. П.И. Макушин открыл в своей Томской торговой фирме ссудосберегательную кассу, а в 1904 г. так же поступила фирма Смирновых в Барнауле²¹³.

Более распространенными среди городских рабочих, чем кассы, были общества взаимопомощи, особенно у приказчиков. Первое узкокорпоративное Общество взаимного вспоможения приказчиков в г. Иркутске открыло действие 20 марта 1883 г. Оно оставалось и наиболее многочисленным (1883 г. – 151 член, 1903 г. – 369 членов), наиболее влиятельным обществом взаимопомощи в Сибири. Кроме выдачи ссуд оно занималось культурной, благотворительной деятельностью. В 1884 г. при обществе была открыта библиотека, а в 1895 г. – клуб, в 1899 г. – бесплатная начальная школа для детей. Реальным достижением общества было установление в 1889 г. воскресного отдыха для приказчиков. Общество не соблюдало классового принципа при формировании, членами его были и хозяева фирм, и доверенные, и приказчики. Идиллия разрушилась к концу 1890-х гг., когда усилился классовый антагонизм, а в общество вошли политические ссыльные. В 1904 г. конфликт с хозяевами, нарушившими договор о воскресном отдыхе приказчиков, принял острый характер: 244 приказчика подали в Совет общества петицию с протестом против нарушения договора 1889 г., а 18 декабря 1904 г. Общество подало правительству России петицию с требованием восьмичасового рабочего дня и признания права на создание профессиональных союзов²¹⁴. Эта петиция получила поддержку многих обществ приказчиков России и приобрела всероссийских резонанс²¹⁵.

Вторым в Сибири образовалось общество приказчиков Томска – в 1892 г. Затем последовало открытие обществ в Кяхте и Тюмени (1895 г.), в Омске (1896 г.), в Барнауле (1901 г.), в Чите (1902 г.), Сретенске (1903 г.), Тобольске (1904 г.). Общество взаимопомощи личного труда, созданное в Барнауле по инициативе ссыльных народников в 1901 г. и состоявшее первоначально из торгово-промышленных служащих, в 1904 г. преобразовалось в общество взаимопомощи приказчиков и ремесленников²¹⁶.

Общества приказчиков, как правило, были немногочисленны, возникали в крупных торговых центрах, охватывали 10–20 % общего

числа служащих и рабочих. В них не принимались чернорабочие. Деятельность обществ ограничивалась просветительской работой, а главным образом – выдачей ссуд и пособий своим членам. Чтобы дать представление о составе и деятельности таких обществ, приведу пример Томского общества приказчиков. Учредителями его были 42 приказчика торговых и промышленных заведений, подавших прошение об открытии общества 16 октября 1890 г. Почти год проект рассматривался в Томском губернском управлении и Министерстве внутренних дел, 24 сентября 1891 г. в исправленном виде проект был представлен губернатору. Устав был утвержден лишь 21 января 1892 г., а 19 апреля общество начало свою деятельность. Типовой устав, взятый за основу, предусматривал, что цель общества заключалась в распространении полезных знаний, в выдаче пособий и ссуд, в поиске мест для безработных членов общества, в оказании врачебной помощи, в воспитании детей. Общество также могло по уставу открыть приют для престарелых, лечебницу, библиотеку, школу, организовать уроки бухгалтерии, устраивать чтения, открыть клуб. Десятый параграф устава предусматривал действительное, почетное членство и членов-соревнователей. Одиннадцатый параграф исключал членство в обществе простых рабочих и ремесленников. Взносы делились на три разряда – от 10 до 25 руб. в год. Членами-соревнователями становились уплатившие более 100 руб. единовременно, тем самым в общество привлекались богатые, тщеславные люди. Вспомогательная касса предполагалась к открытию через 15 лет после начала действия общества по мере накопления капитала.

По отчету за 1892/93 г. общество имело 151 члена; в том числе доверенных, конторщиков и прочих служащих – 78, мастеров промышленных заведений – 2, приказчиков – 71, членов-соревнователей – 28, почетных членов – 4, среди них – томского губернатора, епископа Макария. Капитал общества составлял 14,5 тыс. руб. В 1894 г. при обществе открылась библиотека, а в 1903 г. – касса взаимопомощи на случай смерти, выдавались пособия, была организована врачебная помощь²¹⁷.

В Томске же была предпринята попытка создания Общества взаимопомощи женщин-служащих торгово-промышленных заведений. В октябре 1898 г. 29 учредительниц подали прошение об утверждении устава. Общество открыло действие 10 ноября того же года, но устав его не был утвержден министром внутренних дел, что автоматически влекло за собой закрытие общества²¹⁸.

В Томске действовало и единственное в Сибири Общество взаимопомощи типографских рабочих. Особенностью его было то, что оно образовалось по инициативе социал-демократов города и ими контролировалось, хотя в общество входили и социалисты-революционеры и областники. Выросло общество из кассы взаимопомощи типографских рабочих, которая возникла в конце 1899 г. В 1900 г. касса действовала как общегородская стачечная касса и насчитывала сотню членов. Председателем ее был социал-демократ Николай Иванович Дербышев, секретарем – социал-демократ Николай Баранов (Урубков)²¹⁹. Есть упоминания о том, что стачечная касса действовала также в столярной мастерской Тренцова²²⁰.

В 1901 г. стачечная касса была легализована в виде Общества взаимопомощи книгопечатников, куда кроме рабочих и служащих типографий вошли журналисты, интеллигенция города. В обществе состояли в 1901 г. – 85 членов, в 1902 г. – 116, в 1903 г. – 70 членов. Первое правление общества состояло из одних социал-демократов: председатель – служащий управления Сибирской железной дороги В.П. Булыгин, кассир – наборщик И.М. Барашков, заместитель председателя – наборщик Д.М. Калико, секретарь – Н.В. Баранов, члены правления – В.Е. Воложанин и В.И. Федоров. В феврале 1902 г. председателем правления был избран политический ссыльный эсер С.П. Швецов, членами правления – социал-демократы В.П. Булыгин, И.М. Барашков, Н.С. Колмаков, Д.М. Калико, Е.Е. Кононов, в ревизионную комиссию вошли либерал, частный поверенный и журналист В.А. Долгоруков, социалист-революционер, адвокат М.И. Вознесенский, социал-демократ, чиновник по особым поручениям И.Е. Овсянкин, а также В.И. Федоров, политическую принадлежность которого полиция определить затруднилась. В членах общества числились 56 политически неблагонадежных личностей, в том числе 29 социал-демократов, 4 социалиста-революционера, один либерал и областник Г.Н. Потанин²²¹.

В июле 1902 г. общество стало чисто рабочей организацией. Причиной разрыва интеллигентов и рабочих послужил конфликт в типографии П.И. Макушина. Рабочие 19 июля потребовали сократить рабочий день накануне воскресных и праздничных дней и явочным порядком ушли с работы на два часа раньше положенного. П.И. Макушин уволил организаторов стачки – социал-демократов А.М. Дробышева и Е.Е. Кононова. В ответ Общество книгопечатников исключило из своих рядов П.И. Макушина и вернуло ему взнос члена-соревнователя – 100 руб. В

знак солидарности с П.И. Макушиным из общества ушли Г.Н. Потанин, С.П. Швецов и другие общественные деятели Томска²²².

Дело получило широкий резонанс в Сибири, чему способствовала длительная газетная война между Обществом книгопечатников и П.И. Макушиным. Е.Е. Кононов и А.М. Дробышев через мировой суд добились отмены незаконного увольнения. В газетных фельетонах немало писалось о лицемерии Макушина и эксплуататорской сущности либерала-просветителя, у которого был самый продолжительный рабочий день, самые плохие условия труда в типографии и в значительных масштабах применялся труд детей²²³. Надо сказать, что П.И. Макушин был прижимистым, аскетичным человеком, он экономил на всем, что не касалось просвещения, в том числе и на рабочей силе. Общество книгопечатников Томска было наиболее радикальным из рабочих организаций Сибири.

Общество взаимного вспомоществования занимающихся ремесленным трудом в г. Томске, наоборот, было наиболее консервативным. Оно было создано в 1903 г. на месте упраздненной ремесленной управы и унаследовало имущество и капитал управы – 35,5 тыс. руб. Бывший ремесленный голова Г.И. Медведчиков стал председателем общества. В нем состояли в 1903 г. 130 членов, в 1905 г. – 200 членов – хозяев ремесленных заведений, наемных мастеров. Основной функцией общества была выдача ссуд, пособий по бедности, по безработице. Общество имело школу, нанимало врача, акушерку, организовывало покупку товаров со скидкой, содержало кружок драматического искусства. Пример общества ремесленников показывает, как была модернизирована старая сословная средневековая корпорация. В годы первой русской революции Общество ремесленников активно поддерживало «Союз 17 октября» и «Партию народной свободы»²²⁴.

Всего в Сибири было создано рабочими за вторую половину XIX в. и в первые годы XX в. 39 экономических объединений с 2,4 тыс. членов, в том числе 17 уставных производственных и потребительских кооперативов, 9 касс и 13 обществ взаимопомощи²²⁵. Таким образом, организованное экономическое движение в Сибири в это время лишь зарождалось, охватывало менее 1 % работников и не могло оказать существенного влияния на положение рабочих. Значительно большее влияние на экономическую жизнь Сибири имели договорные артели, составлявшие организационную основу процесса труда в строительстве и добывающей промышленности. Государственные учреждения и

предприниматели в своих действиях были вынуждены считаться с этой народной формой организации труда и быта.

4.7. Обзор рабочего движения в Сибири в 1895 – феврале 1917 г.

Третий этап рабочего движения в Сибири (этап борьбы фабричного пролетариата) хронологически совпал с пролетарским этапом освободительного движения в стране и связан с вступлением Сибири в эпоху индустриального развития, с процессом промышленного переворота, главным событием которого в Сибири было строительство Транссибирской магистрали. Железнодорожный транспорт ускорил аграрную и промышленную колонизацию региона, созревание индустриального общества и обострил классовые противоречия.

В предреволюционный период стачки стали основной формой борьбы рабочих. Из 72217 участников движения 44723, или 61,9 %, были стачечниками, кроме того, в кратковременных формах рабочих ассоциаций демонстрациях, митингах, собраниях участвовали 5086 или 7 % участников движения; в 70 организациях 1186 рабочих (1,6 %). В 74 волнениях участвовали 10959 рабочих или 15,1 % активных рабочих. Пассивные протесты – жалобы и побеги отошли на третий план – 13,2 % участников движения. В начале XX в. горная инспекция перестала фиксировать побеги из-за их маловажности во взаимоотношениях рабочих и предпринимателей. Таким образом, в Сибири рабочее движение обрело пролетарский характер и по форме, и по содержанию.

Выступления рабочих стали более организованными. Наиболее крупные 89 выступлений руководились выборными, артельщиками, стачечными комитетами или политическими организациями. Они дали половину стачечников. По движущим мотивам, вне зависимости от формы протеста, движение рабочих стало преследовать специфические цели наемных рабочих: требованием половины стачек было увеличить заработную плату, в четверти случаев – сократить рабочий день или улучшить условия труда.

Против кабальных контрактов и с требованиями уважения человеческого достоинства рабочие выступали 42 раза или в каждой десятой стачке. Стачки имели преимущественно наступательный характер, волнения – оборонительный. Однако большинство стачек, волнений оканчивались поражением, прошений – отказом.

Серьезно изменился состав участников движения: если в конце XIX в. активны были, как и прежде, горнорабочие, то в начале XX в. –

они уступили место лидера железнодорожникам. В 1902–1904 гг. 55 % участников борьбы были железнодорожниками и рабочими городских фабрик. Таким образом, роль лидера рабочего движения от мануфактурных рабочих перешла к рабочим машинной индустрии. Центр рабочего движения впервые переместился из тайги в города.

Качественно новым элементом рабочего движения стали политические требования, они зафиксированы в 22 стачках. Политическая активность рабочих и служащих проявилась в их участии в политических организациях, в митингах и демонстрациях. Наибольшим влиянием среди рабочих Сибири пользовались социал-демократы (см. табл. 29). Общественный резонанс от выступлений рабочих стал более значительным, а пролетариат Сибири – влиятельной политической силой, как и в России в целом²²⁶.

В период первой русской революции рабочее движение в Сибири, как и во всей России, достигло небывалого ранее масштаба. Рабочие края в целом следовали в русле движения всех рабочих страны (табл. 30). Главное отличие состояло в меньшей его интенсивности. Из 370 тыс. рабочих Сибири в 1905 г. бастовали 30 %, в 1906 г. – 7,8 %, в 1907 г. – 3,3 %. В России же в целом аналогичные показатели составляли 163,8, 65,8 и 41,9 %²²⁷. Большая часть стачек произошла в городах – 90 %, в период высшего подъема революции преобладали политические стачки – 89 % участников. Подсчеты показывают, что рабочие в основном находились под влиянием социал-демократов и их союзника – Партии социалистов-революционеров.

Рабочие Сибири играли важнейшую роль в событиях революции 1905–1907 гг., однако их значение в советской историографии явно преувеличено. Далеко не во всех городских центрах Сибири рабочим досталась роль первой скрипки в революционном оркестре. Несомненно, что они были главными в Чите, Красноярске, Тюмени, однако в Томске, Иркутске главными действующими лицами были служащие железнодорожных управлений, торговых заведений, учащиеся и интеллигенция. Здесь организующей силой революционного движения стали не комитеты политических партий и стачечные комитеты рабочих, а профсоюз интеллигентов и служащих в Иркутске – «Союз союзов» и городская дума в Томске. Роль так называемых средних городских слоев в общественной жизни Сибири изучать только начали²²⁸. М.В. Шиловский совершенно правильно ставит вопрос о том, что революцию 1905–1907 гг. в Сибири нужно изучать заново²²⁹.

Статистика рабочего движения в Сибири в 1895–1904 гг.*

Годы	Стачки		Волнения		Коллективные обращения		Создано политических организаций		Создано экономических организаций		Демонстрации	
	Число	Кол-во участников	Число	Кол-во участников	Число	Кол-во участников	Число	Кол-во участников	Число	Кол-во участников	Число	Кол-во участников
1895	30(24)	2811	11(9)	1755	7(4)	666	–	–	3(2)	229	–	–
1896	40(38)	2370	8(6)	160	4(2)	405	1(1)	13	1(1)	122	–	–
1897	23(15)	607	6(4)	657	4(2)	114	1(1)	20	1(1)	150	–	–
1898	18(17)	2363	7(4)	643	1	–	3(3)	27	4(2)	56	–	–
1899	23(18)	2949	5(4)	2055	4(2)	71	5(5)	20	3(1)	19	–	–
1900	18(10)	4291	9(5)	444	6(2)	109	1(1)	7	1(1)	69	–	–
1901	35(30)	5851	7(7)	2414	4(1)	126	7(3)	21	2(2)	114	–	–
1902	32(26)	7595	6(2)	2590	7(2)	90	11(9)	60	2(1)	26	3(1)	1700
1903	63(54)	3836	12(8)	91	6	–	8	–	7(5)	178	3(3)	500
1904	41(36)	12050	3(2)	150	5	–	–	–	5(4)	110	–	–
Итого	323(208)	44723	74(51)	10959	48(15)	1581	37(23)	168	29(20)	1073	6(4)	2200

Годы	Митинги		Массовки		Конференции		Акты тер- рора	Кол- во бежав- ших	Всего участни- ков движения	Кол-во нелегальных изданий		
	Число	Кол- во участ- ников	Число	Кол- во участ- ников	Число	Кол- во участ- ников				Соц.- демо- краты	ПСР	Анар- хисты
1895	–	–	–	–	–	–	1	782	6201	–	–	–
1896	–	–	–	–	–	–	–	1065	4135	–	–	–
1897	–	–	–	–	–	–	–	637	2185	–	–	–
1898	–	–	–	–	–	–	1	977	3992	–	–	–
1899	–	–	2(2)	35	1	17	1	294	5460	3	–	2
1900	–	–	3(2)	600	–	–	–	446	5966	–	–	–
1901	–	–	–	–	–	–	–	1574	10100	5	–	–
1902	–	–	6(5)	285	–	–	2	633	12953	61	–	2
1903	2(2)	800	4(1)	50	1	8	–	808	6271	107	3	–
1904	1(1)	500	14(8)	616	–	–	–	786	14112	35	3	4
Итого	3(3)	1300	39(18)	1586	2	25	5	8002	72217	211	6	8

* Источник: *Зиновьев В.П.* Рабочее движение в Сибири в мануфактурный период: Дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1992. С. 379–380.

Таблица 30

**Статистика рабочего движения в Сибири
в годы первой русской революции**

Активные массовые выступления и др. формы воздействия. Организации		Периоды революции	Начало (январь – сентябрь 1905 г.)	Высший подъем (октябрь – декабрь 1905 г.)	Отступление (1906 г. – 3 июня 1907 г.)	Итого
1			2	3	4	5
Восстания			–	2	–	2
Стачки	Число		599 (356)	1064 (691)	426 (239)	2089 (1286)
	Количество участников		59665	50423	36852	146940
Волнения	Число		9 (2)	3 (1)	8 (3)	20(6)
	Количество участников		330	100	948	1378
Демонстрации	Число		18 (17)	52 (27)	27 (16)	96(61)
	Количество участников		18720	73900	12634	105254
Митинги	Число		21 (14)	172 (91)	91 (46)	284 (151)
	Количество участников		11590	145203	38180	194973
Собрания	Число		95 (76)	127 (40)	203 (97)	425 (213)
	Количество участников		30235	49842	18168	98245

Продолжение табл. 30

1			2	3	4	5	
П а р т и й н ы е О р г а н и з а ц и и А н а р х и с т ы	Р С Д Р П	Съезды (конфе- ренции)	Число	1	1	16(14)	18(16)
			Количес- тво участ- ников	32	16	393	441
		Коми- теты	Число	6(6)	1	—	7(6)
			Количес- тво участ- ников	1161	—	—	1161
		Группы	Число	4(4)	4(4)	13(12)	21(20)
			Количес- тво участ- ников	190	263	368	821
		Кружки	Число	3(3)	—	3(1)	6(4)
			Количес- тво участ- ников	41	—	10	51
	П С Р	Коми- теты	Число	5(3)	—	—	4(3)
			Количе- ство участ- ников	180	—	—	180
		Группы	Число	1	2	10(5)	13(5)
			Количес- тво участ- ников	—	—	129	129
		Полити- ко- профес- сиональ- ные союзы	Число	—	5(3)	4(3)	9(6)
			Количес- тво участ- ников	—	632	488	1120
	А н а р х и с т ы	Группы	Число	—	1	1	2(1)
			Количес- тво участ- ников	—	—	16	16

Продолжение табл. 30

1			2	3	4	5
Органы власти	Советы рабочих депутатов	Число	–	3(2)	–	3(2)
		Количество участников	–	60	–	60
	Стачечные комитеты	Число	–	16(10)	–	16(10)
		Количество участников	–	187	–	187
	Ж.-д. комитеты	Число	–	22(16)	–	22(16)
		Количество участников	–	111	–	111
Экономические организации	Профсоюзы	Число	3(3)	34(11)	29(21)	66(35)
		Количество участников	2633	2338	3917	8888
	Об-ва взаимопомощи	Число	1(1)	2(1)	5(2)	8(4)
		Количество участников	101	70	104	275
	Кооперативы	Число	–	2(1)	5(1)	7(2)
		Количество участников	–	174	7	181
	Клубы	Число	–	1(1)	–	1(1)
		Количество участников	–	400	–	400
	Кассы взаимопомощи	Число	2	–	–	2
		Количество участников	–	–	–	–

Окончание табл. 30

1	2	3	4	5
Коллективные обращения	21(7)	47(8)	31(4)	99(19)
	1189	531	1284	3004
Акты террора	–	–	9(6)	9(6)
	–	–	32	32
Жалобы в редакции газет	3	–	5(1)	8(1)
	–	–	13	13

* Источник: Рабочее движение в Сибири: Историкография, источники, хроника, статистика: В 3 т. / Под ред. В.П. Зиновьева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. Т. 2. 1905 – июнь 1907 г. С. 8–11.

В межреволюционный период, как следует из данных табл. 31, главным оружием рабочих Сибири в борьбе за свои экономические и политические права была стачка.

Статистика рабочего движения в Сибири в июне 1907 – феврале 1917 гг.*

Годы и периоды		3 июня – 31 дек. 1907 г.	1908	1909	1 янв. – 31 мая 1910 г.	Период реакции	1 июня – 31 дек. 1910 г.	1911	1912
1		2	3	4	5	6	7	8	9
Стачки	Число	60(22)	49(38)	38(24)	23(19)	170(103)	29(9)	63 (43)	218(176)
	Количество участников	3001	5237	2735	3104	14077	696	7377	18329
Демон- страции	Число	–	2(2)	1	1(1)	4(3)	–	–	3(3)
	Количество участников	–	400	–	50	450	–	–	1880
Митинги	Число	3(1)	4(1)	1	1	9(2)	–	–	18(8)
	Количество участников	4000	125	–	–	4125	–	–	14105
Сходки	Число	7(6)	15(11)	5(2)	2	29(19)	–	9 (4)	11(5)
	Количество участников	575	355	57	–	987	–	61	176
Собрания	Число	1	3(2)	–	–	4(2)	2	–	23(8)
	Количество участников	–	46	–	–	46	–	–	910
Волнения	Число	5(1)	3(1)	2	–	10(2)	3(3)	4(2)	4(1)
	Количество участников	800	400	–	–	1200	530	330	300

Годы и периоды Статистика активных массовых выступлений, организаций, обращений, актов		1913	1 янв. – 18 ию- ля 1914 г.	Период нового рево- люци- онного подъема	18 ию- ля – 31 дек. 1914 г.	1915	1916	Янв. – февр. 1917 г.	Пери- од Первой миро- вой войны	Всего
1		10	11	12	13	14	15	15	17	18
Стачки	Число	121(98)	93(73)	524(399)	38(27)	84(72)	125(92)	19(14)	266(205)	960(707)
	Количество участников	9492	7911	43805	8465	8332	20459	2929	40637	98067
Демон- страции	Число	2(1)	2(1)	7(5)	1(1)	–	–	–	1(1)	12(9)
	Количество участников	150	400	2430	1000	–	–	–	1000	3880
Митинги	Число	–	–	18(8)	1(1)	–	–	–	1(1)	28(11)
	Количество участников	–	–	14105	1000	–	–	–	1000	19230
Сходки	Число	14(9)	9(6)	43(24)	14(7)	3(1)	11(5)	1	29(13)	101(56)
	Количество участников	259	219	715	61	53	161	–	275	1977
Собрания	Число	32(19)	5(1)	62(28)	1	17(15)	12(7)	1	31(22)	97(52)
	Количество участников	3515	60	4485	–	1784	307	–	2091	6622
Волнения	Число	1(1)	6(3)	18(10)	–	3(3)	30(6)	1(1)	34(10)	62(22)
	Количество участников	1000	350	2510	–	807	3352	40	4199	7909

Продолжение табл. 31

1			2	3	4	5	6	7
Политические организации, действовавшие среди рабочих и служащих	РСДРП	Число	17(11)	4(2)	—	—	21(13)	6(5)
		Количество участников	1207	—	—	—	1222	112
	ПСР	Число	2	2	—	—	4	—
		Количество участников	—	—	—	—	—	—
	Либеральные	Число	—	—	—	—	—	—
		Количество участников	—	—	—	—	—	—
	Монархические	Число	—	—	—	—	—	—
		Количество участников	—	—	—	—	—	—
Коллективные обращения		Число	6(1)	8(3)	3(1)	3(1)	20(6)	5(2)
		Количество участников	7	162	500	3	672	285
Акты террора		Число	5	—	—	1	6	—

Продолжение табл. 31

1			8	9	10	11	12
Политические организации, действовавшие среди рабочих и служащих	РСДРП	Число	2(1)	6(5)	2(1)	–	30(24)
		Количество участников	30	96	15	–	768 ¹
	ПСР	Число	2	–	1(1)	2(1)	5(2)
		Количество участников	–	–	20	9	29
	Либеральные	Число	–	–	–	–	–
		Количество участников	–	–	–	–	–
	Монархические	Число	–	–	–	1	1
		Количество участников	–	–	–	17	17
Коллективные обращения		Число	48	31(10)	13(5)	13(3)	110(20)
		Количество участников	–	6290	391	361	7327
Акты террора		Число	–	–	–	–	–

1			13	14	15	16	17	18
Политические организации, действовавшие среди рабочих и служащих	РСДРП	Число	8(1)	8(5)	11(4)	1	43(20)	65(35)
		Количество участников	17	106	344	—	911 ²	1942 ³
	ПСР	Число	—	—	1	—	1	10(2)
		Количество участников	—	—	—	—	—	29
	Либеральные	Число	—	2(2)	1(1)	—	—	3(3)
		Количество участников	—	13	5	—	—	18
	Монархические	Число	—	—	—	—	—	3(1)
		Количество участников	—	—	—	—	—	17
Коллективные обращения		Число	4	12(4)	16(8)	6	38(12)	168(38)
		Количество участников	—	506	421	—	927	8926
Акты террора		Число	—	—	—	—	—	6

1			2	3	4	5	6	7
Экономические организации, действовавшие среди рабочих и служащих	Профессиональные союзы	Число	10(5)	3(1)	6(20)	—	47(36)	3
		Количество участников	572	14	292	—	2996 ⁴	—
	Кооперативы	Число	8(1)	8(4)	1(1)	3(2)	49(11)	1(1)
		Количество участников	800	381	211	72	25564 ⁸	32
	Общества взаимопомощи	Число	—	3(1)	2	—	16(9)	1(1)
		Количество участников	—	103	—	—	1540 ¹²	130
	Кассы взаимопомощи	Число	3(1)	1	2(2)	—	6(3)	—
		Количество участников	100	—	28	—	128	—

Продолжение табл. 31

1			8	9	10	11	12
Экономические организации, действовавшие среди рабочих и служащих	Профессиональные союзы	Число	1	–	10(6)	1	22(12)
		Количество участников	–	–	867	–	1302 ⁵
	Кооперативы	Число	3(1)	1(1)	6(6)	3(3)	47(32)
		Количество участников	30	302	2176	607	28861 ⁹
	Общества взаимопомощи	Число	2(1)	2(1)	4	–	24(12)
		Количество участников	30	600	–	–	2131 ¹³
	Кассы взаимопомощи	Число	3	6(3)	10	1	21(4)
		Количество участников	–	406	–	–	414

Окончание табл. 31

1			13	14	15	16	17	18
Экономические организации, действовавшие среди рабочих и служащих	Профессиональные союзы	Число	5(3)	4	10(2)	–	28(11)	81(47)
		Количество участников	132	–	410	–	1669 ⁶	4405 ⁷
	Кооперативы	Число	6(5)	12(7)	13(9)	2	59(37)	96(44)
		Количество участников	4994	9692	9254	–	61982 ¹⁰	5265 ¹¹
	Общества взаимопомощи	Число	1	1	–	–	11(4)	26(12)
		Количество участников	–	–	–	–	986 ¹⁴	2300 ¹⁵
	Кассы взаимопомощи	Число	2	3(1)	3(1)	–	11(4)	34(8)
		Количество участников	–	130	126	–	624 ¹⁷	790 ¹⁸

⁵ Учтены 10 организаций с 531 членом, образованные до 1 июня 1910 г.

⁶ Учтены 13 организаций с 379 членами, образованные до 19 июля 1914 г.

⁷ Учтены все организации, действовавшие в период с 3 июня 1907 г.

- ⁴ Учтены 28 профсоюзов с 2118 членами, открывшие действия до 3 июня 1907 г.
- ⁵ Учтены 4 профсоюза с 265 членами, открывшие действия до 1 июня 1910 г.
- ⁶ Учтен один профсоюз, открывший действия до 19 июля 1914 г.
- ⁷ Учтены все профсоюзы, действовавшие с 3 июня 1907 г. по 28 февраля 1917 г.
- ⁸ Учтены 35 кооперативов с 24100 членами, открывшие действия до 3 июня 1907 г.
- ⁹ Учтен 31 кооператив с 24362 членами, открывший действия до 1 июня 1910 г.
- ¹⁰ Учтены 18 кооперативов с 23188 членами, открывшие действия до 19 июля 1914 г.
- ¹¹ Учтены все кооперативы, действовавшие с 3 июня 1907 г. по 28 февраля 1917 г.
- ¹² Учтены 11 обществ с 1537 членами, образованных до 3 июня 1907 г.
- ¹³ Учтены 15 обществ, образованных до 1 июня 1910 г.
- ¹⁴ Учтены 11 обществ с 986 членами, образованных до 19 июля 1914 г.
- ¹⁵ Учтены все общества, действовавшие с 3 июня 1907 г. по 28 февраля 1917 г.
- ¹⁶ Учтена 1 касса с 8 членами, действовавшая до 1 июня 1910 г.
- ¹⁷ Учтены 3 кассы с 368 членами, открывшие действия до 19 июля 1914 г.
- ¹⁸ Учтены все кассы, действовавшие с 1 июня 1907 г. по 28 февраля 1917 г.
- ^{**} Источники: Рабочее движение в Сибири: Историография, источники, хроника, статистика: В 3 т. / Под ред. В.П. Зиновьева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. Т. 3. Июнь 1907 г. – февраль 1917 г. С. 7–11.

Лидером стачечного движения вновь стали горнорабочие, которые бастовали 3766 раз (57 тыс. участников). Рабочие обрабатывающих отраслей бастовали 287 раз, строители – 89 раз, работники торговли – 78 раз, водники – 60 раз, а железнодорожники – 48 раз (8 тыс. стачечников). Это связано со стабилизацией состава работников, увеличением числа семейных, постоянных работников, весьма инертных в плане социальной активности. Не способствовали участию в борьбе полувоенный режим и хорошие заработки.

Вновь рабочее движение переместилось за городскую черту: 56 % стачек произошли в горных районах и на реках. Политические мотивы работников вновь отошли на второй план. Главным требованием стало повышение заработной платы. Появились новые мотивы – признания профессиональных союзов и солидарности с рабочими России и других стран.

Непролетарские формы борьбы потеряли какое-либо значение. На общественную жизнь Сибири влияли лишь голодные бунты 1916 г., в которых участвовали работницы.

Заметную роль стали играть постоянные организации рабочих – профессиональные союзы, кооперативы и общества взаимной помощи.

Политические организации, действовавшие в среде рабочих и служащих, в период реакции и нового революционного подъема были чрезвычайно слабы вследствие репрессивной политики властей²³⁰. Однако уже не пропаганда партий определяла политические настроения рабочих, а опыт прошлых лет. Социальная активность рабочих проявлялась в участии не только в политических и экономических, но и в досуговых, просветительских, благотворительных организациях²³¹.

Общие итоги рабочего движения в 1895 – феврале 1917 г. сведены в табл. 32. Главной фигурой рабочего движения стал рабочий машинной индустрии – механизированного транспорта, горнозаводской и фабрично-заводской промышленности. Рабочие фабричного производства в 1895 – феврале 1917 г. дали 52 % стачечников, а с шахтерами угольных копей и золотых промыслов, переживавших переходную стадию от мануфактуры к фабричному предпринятию, – четыре пятых участников стачечного движения. Специфическое средство борьбы наемных работников – стачка стало главным орудием борьбы сибирских рабочих.

Таблица 32

Основные итоги рабочего движения в Сибири в 1895 – феврале 1917 г.*

Формы рабочего движения	Периоды рабочего движения			
	1895–1904	1905 – май 1907	Июнь 1907 – февраль 1917	1895 – февраль 1917
Стачки Кол-во участников	321(207) 45036	2089(1286) 146940	960(707) 98667	3370(2200) 290643
Демонстрации Кол-во участников	6(4) 2200	96(61) 105254	12(9) 3880	114(74) 111334
Собрания Кол-во участников	29(18) 1586	425(214) 97707	198(108) 8599	652(340) 107892
Митинги Кол-во участников	3(3) 1300	282(151) 194973	28(11) 19230	313(165) 212503
Волнения Кол-во участников	73(51) 10959	20(6) 1378	62(22) 7909	155(79) 20276
Общества взаимопомощи Число членов	10(8) 675	8(4) 275	15(4) 863	33(16) 1813
Профсоюзы Число членов	– –	66(35) 8888	53(19) 2287	119(59) 11175
Кооперативы Число членов	12(7) 235	7(2) 181	61(41) 25156	80(50) 25572
Кассы взаимопомощи Число членов	5(3) 108	2 Неизв.	34(8) 790	41(11) 898

*Источник подсчета: Рабочее движение в Сибири: Историография, источники, хроника, статистика: В 3 т. / Под ред. Н.В. Блинова и В.П. Зиновьева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. Т. 1. XVII в. – 1904 г. 374 с.; 1990. Т. 2. 1905 – июнь 1907 г. 377 с.; 1991. Т. 3. Июнь 1917 г. – февраль 1917 г. 345 с.; Зиновьев В.П. Рабочее движение в Сибири в мануфактурный период: Дис. ... д-ра ист. наук. Т. 1. 461 с.; Т. 2. 217 с.

Интенсивность рабочего движения возросла многократно. Если в 1830–1894 гг. ежегодно в активных протестах участвовали 1,7 тыс. работников, то в 1895 – феврале 1917 г. – 34,3 тыс. человек, а в период первой русской революции – 235,6 тыс. человек.

Рабочие выступления стали преимущественно организованными, то есть имеющими цели, планы, продуманные требования, организационные штабы. В 1895–1904 гг. в таких протестах участвовали 50,1 % стачечников, в период первой русской революции – 71,6 %, в межреволюционный период – 62,1 %. Накануне 1917 г. в экономических организациях (профсоюзах, обществах и кассах взаимопомощи, потребительских кооперативах) в Сибири состояли 65,3 тыс. рабочих, или каждый седьмой работник несельскохозяйственной сферы.

По сравнению с рабочими Европейской России рабочие Сибири отставали и в социальной зрелости и в классовой активности лет на 30. Рабочие машинной индустрии стали главным субъектом стачечного движения в Европейской России уже в 1870-е гг., тогда как в Сибири – во второй половине 90-х гг. XIX в. (железнодорожники и горняки). Города Сибири стали центрами рабочего движения только в период первой русской революции.

Рабочие Сибири приобрели свой политический авангард в виде организаций РСДРП, хотя среди рабочих действовали и организации ПСР, либеральных и правых партий. Первая социал-демократическая рабочая организация – пропагандистский кружок во главе с В.Е. Воложаниным образовался в марте 1896 г. среди печатников и металлистов Томска. В предреволюционный период в Сибири действовали 10 комитетов и групп РСДРП, в период первой русской революции – 29 с 2685 членами (ПСР – 18 с 129 членами), в межреволюционный период – 65 с 1942 членами, в то время как организаций ПСР – 10, Партии народной свободы – 3, монархических партий – 3. Накануне 1917 г. в Сибири было 43 организации РСДРП с 911 членами. Организации РСДРП руководили наиболее крупными выступлениями рабочих в Сибири, имевшими всероссийский резонанс, в том числе Октябрьской политической стачкой в 1905 г., восстаниями в Чите и Красноярске, Ленской стачкой 1912 г.

Политическая активность сибирских рабочих в целом была невысокой. В 1895–1904 г. в политических стачках участвовали около 3 % стачечников, в период первой русской революции – 56 %, в

июне 1907 – феврале 1917 г. – 26 %. На рабочих были направлены основные агитационные усилия социал-демократов: 210 листовок и брошюр в 200 тыс. экз. в предреволюционный период, 637 изданий в 1665 тыс. экз. в период первой русской революции (изданий ПСР – 82 в 60 тыс. экз.) и в межреволюционный период, когда расширились возможности легальной агитации, 152 издания в 100 тыс. экз. Политически активные рабочие Сибири находились в основном под влиянием социал-демократов без ярко выраженного предпочтения какой-либо фракции РСДРП. Слой рабочих социал-демократов был тонок – 1–2 тыс. человек, или 0,2–0,4 % рабочих Сибири. Слой экономически активных рабочих Сибири составлял 50–60 тыс. участников стачечного движения, то есть около десятой части наемных рабочих²³². Основная часть рабочих Сибири накануне революционных событий 1917 г. представляла пассивную массу. Однако в целом рабочие Сибири были наиболее активным социальным слоем населения края накануне 1917 г.

Примечания

¹ Немецкие демократы XVIII века. М., 1956. С. 593.

² Мауль В.Я. Харизма и бунт. Психологическая природа народных движений в России XVII–XVIII веков. Томск, 2003. 217 с.

³ Рабочее движение в Сибири: Историография, источники, хроника, статистика: В 3 т. Т. 1. XVII в. – 1904 г. / Под ред. Н.В. Блинова и В.П. Зиновьева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 374 с.; Т. 2. 1905 г. – июнь 1907 г. / Под ред. В.П. Зиновьева. Томск, 1990. 377 с.; Т. 3. Июнь 1907 г. – февраль 1917 г. / Под ред. В.П. Зиновьева. Томск, 1991. 345 с.; Зиновьев В.П. Рабочее движение в Сибири в мануфактурный период: Дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1992. Т. 1. 461 с. Т. 2. 217 с.

⁴ Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб., 1871. Ч. 1–3; Крахалев А.И. Побег приисковых рабочих // Вестник золотопромышленности. 1894. № 5. С. 109–111; Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб., 1898. Т. 1–2.

⁵ Передовая статья // Амур. 1860. 12 янв.; Н. С-л-матов. Убытки золотого дела // Санкт-Петербургские ведомости. 1874. 1 нояб.; Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865. С. 194–195; Лопатин А. Заметки о положении рабочих на золотых промыслах // Известия Сибирского отдела императорского русского географического общества (СОИРГО). 1871. Т. 2, № 4. С. 32–48; Уманьский А. Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге. СПб., 1888; Кулибин В.А. Наша золотопромышленность // Вестник золотопромышленности. 1894. № 9. С. 171–173; и др.

⁶ Шемелев В.И. Горняки Сибири до революции: труд и борьба горнорабочих Сибири до 1917 г. Новосибирск, 1927; Он же. История Кузбасса с древ-

нейших времен до отмены крепостного права. Кемерово, 1998. 368 с.; В фонде В.И. Шемелева хранятся неопубликованные материалы о побегах горнорабочих с заводов и рудников Алтая с 1840 по 1862 гг. (ГАНО. Ф. 869-Р. Оп. 1. Д. 35. Л. 139, 145–151); *Шарапов И.П.* Очерки по истории Ленских золотых приисков. Иркутск, 1949. С. 155–160; *Карпенко З.Г.* Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860 годах. Новосибирск, 1963; *Комогорцев И.И.* Рабочее движение на металлургических заводах Восточной Сибири в XIX в. // Ангара. Иркутск, 1961. № 2. С. 101–108; *Карцов В.Г.* Металлургическая промышленность Средней Сибири в XVIII – начале XIX вв. // Ученые записки Хакасского НИИ языка, литературы и истории, 1963. Вып. 9. С. 114–117; *Кудрявцев Ф.А.* Борьба горнозаводских рабочих в конце XVIII и первой половине XIX вв. // 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов. Чита, 1972. С. 118–130; *Шмулевич М.М.* Очерки истории Западного Забайкалья. XVII – середина XIX в. Новосибирск, 1985. С. 181–189; *Мухин А.А.* Из истории рабочего движения в Сибири (1861–1895 гг.) // Экономическое и общественно-политическое развитие Сибири в 1861–1917 гг. Новосибирск, 1965. Вып. 2. С. 133–164.

⁷ *Мамсик Т.С.* Побег как социальное явление. Приписная деревня Западной Сибири в 40–90-е гг. XVIII в. Новосибирск, 1978; *Она же.* Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX века. Новосибирск, 1987. С. 79–97.

⁸ *Мамсик Т.С.* Побег... С. 45.

⁹ ГАНО. Ф. 2025. Оп. 1. Д. 157. Л. 194.

¹⁰ *Комогорцев И.И.* Очерки истории черной металлургии Восточной Сибири. Новосибирск, 1965. С. 122–123; *Райский В.* Исторический очерк Якутского Тамгинского железоделательного завода и Юндыбальского серебряного рудника в Верхоянском округе (по данным областного Якутского архива. 1735–1782 гг.) // Известия СОИРГО. Иркутск, 1863. Кн. 6. С. 26–27.

¹¹ *Комогорцев И.И.* Очерки истории... С. 123.

¹² РГАДА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 114. Л. 1–2.

¹³ *Райский В.* Исторический очерк... С. 36.

¹⁴ *Карпенко З.Г.* Формирование рабочих кадров в горнозаводской промышленности Западной Сибири (1725–1860 гг.) // Исторические записки. М., 1961. № 69. С. 226–227.

¹⁵ *Мамсик Т.С.* Побег... С. 35.

¹⁶ РГАДА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 285. Л. 382, 430–439; Д. 287. Л. 109, 133, 197.

¹⁷ ГАИО. Ф. 245. Оп. 10. Д. 55. Л. 1–14.

¹⁸ *Шмулевич М.М.* Очерки истории Западного Забайкалья ... С. 184.

¹⁹ *Любомиров Н.* Первые десять лет существования Иркутской казенной суконной фабрики // Труд в России. Л., 1925. Кн. 1. С. 69.

²⁰ ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 276. Л. 40–298; Д. 909. Л. 119; Д. 913. Л. 1; Д. 929, 930, 935, 937; 939, Л. 1–2; Д. 940–942; 978, 983, 990, 1006, 1017.

²¹ РГАДА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 285. Л. 382.

²² Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 20. Оп. 1. Д. 2818. Л. 11.

²³ *Мамсик Т.С.* Побег... С. 37; *Карпенко З.Г.* Горная и металлургическая... С. 182; *Черкасова Л.С.* Социальная борьба на заводах Урала в первой половине XVIII века. Пермь, 1980. С. 57.

- ²⁴ ГАОО. Ф. 367. Оп. 1. Д. 766. Л. 169, 195
- ²⁵ ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 930. Л. 1, Д. 978. Л. 212
- ²⁶ РГИА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 1247. Л. 32
- ²⁷ *Зиновьев В.П.* Керевское село // *Земля Кожевниковская* Томск, 2006 С. 381–390.
- ²⁸ *Максимов С.В.* Сибирь и каторга. Ч. 2. С. 99; *Мухин А.А.* Из истории рабочего движения... С. 138.
- ²⁹ ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 44. Л. 38–40.
- ³⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 25. Д. 1142. Л. 11
- ³¹ *Максимов С.В.* Сибирь и каторга. Ч. 1. С. 185.
- ³² Там же. Ч. 2. С. 96
- ³³ *Зиновьев В.П.* Побег рабочих Сибири в XVIII в. – первой половине XIX в. // *Проблемы классовой борьбы и общественного движения в Сибири в дооктябрьский период.* Омск, 1992. С. 14–15
- ³⁴ Там же. С. 19.
- ³⁵ *Мамсик Т.С.* Побег... С. 68
- ³⁶ ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 5100. Л. 1,5; Ф. 51. Оп. 1. Д. 1206. Л. 21; ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1933. Л. 85.
- ³⁷ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 320. Л. 54, 55.
- ³⁸ *Мамсик Т.С.* Побег... С. 71–72; *Она же.* Крестьянское движение в Сибири. С. 94.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 285. Л. 439.
- ⁴⁰ *Максимов С.В.* Сибирь и каторга. Ч. 1. С. 194–195.
- ⁴¹ Там же. С. 212–213.
- ⁴² ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 44. Л. 78.
- ⁴³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 36. Д. 172. Л. 13–14, 613–614.
- ⁴⁴ ГАТО. Ф. 421. Оп. 1. Д. 24. Л. 218, 224.
- ⁴⁵ ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 409. Л. 3, 5
- ⁴⁶ *Мамсик Т.С.* Побег... С. 43
- ⁴⁷ *Карпенко З.Г.* Горная и металлургическая... С. 95–98.
- ⁴⁸ НАРБ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 89. Л. 88.
- ⁴⁹ Там же. Д. 261. Л. 18, 34.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2818. Л. 5–12; ГАИО. Ф. 246. Оп. 10. Д. 91. Л. 3–6; ГАТО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 6. Л. 5–38
- ⁵¹ ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 276. Л. 228–229.
- ⁵² *Максимов С.В.* Сибирь и каторга. Ч. 1. С. 176.
- ⁵³ *Карпенко З.Г.* Горная и металлургическая... С. 180–181.
- ⁵⁴ *Степанов [А.П.]* Енисейская губерния. СПб., 1835. Ч. 2. С. 280.
- ⁵⁵ *Максимов С.В.* Сибирь и каторга. Ч. 1. С. 278.
- ⁵⁶ ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 44. Л. 56; ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 607. Л. 3.
- ⁵⁷ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 611. Л. 587.
- ⁵⁸ ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 3. Д. 1339. Л. 2–7.
- ⁵⁹ *Рабочее движение в Сибири: Историография, источники, хроника, статистика:* В 3 т. Т. 1. XVII в. – 1904 г. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988.
- ⁶⁰ *Зиновьев В.П.* Сибирь в экономике России XVIII – начала XX вв. // *Сибирь в составе России XIX – начала XX вв.* Томск, 1999. С. 10–14.

⁶¹ Черкасова Л.С. Социальная борьба на заводах Урала в первой половине XVIII века. Пермь, 1980. С. 57.

⁶² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 7. Д. 4999. Л. 1–13.

⁶³ Волнения рабочих людей и приписных крестьян на металлургических заводах России в первой половине XVIII в. М., 1975. Ч. 3. С. 438, 444, 452, 453, 501.

⁶⁴ ЦГА Бур.Респ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2618. Л. 5, 10–21.

⁶⁵ Шмулевич М.М. Очерки истории Западного Забайкалья. XVII – середина XIX в. Новосибирск, 1985. С. 181–189.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 277. Оп. 14. Д. 1492. Л. 6–7; ГАТО ТФ. Ф. 329. Оп. 545. Д. 88. Л. 30; Рабочий класс Сибири... С. 66.

⁶⁷ РГИА. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 54. Л. 7, 9, 13; Ф. 1405. Оп. 8. Д. 33. Л. 1.

⁶⁸ Тыжнов И. Из истории горнозаводского населения на Алтае // Алтайский сборник. 1907. № 6. С. 7–8.

⁶⁹ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Л. 374. Л. 2, 3, 14, 70.

⁷⁰ Шемелев В.И. Закрепощенный Кузбасс // ГАНО. Ф. 2025. Оп. 1. Д. 157. Л. 179–180.

⁷¹ Зобнин Н. Мастерские Алтайских горных заводов до освобождения // Сибирский сборник. СПб., 1892. Кн. 2. С. 9; Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. Л., 1925. Т. 1. С. 126.

⁷² Очерки Рудного Алтая. Усть-Каменогорск, 1970. С. 82–83.

⁷³ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 2. Д. 28; Пажитнов К.А. Указ. соч. С. 96.

⁷⁴ Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860 годах. Новосибирск, 1963. С. 180–181; ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1523. Л. 41–42.

⁷⁵ Зобнин Н. Указ. соч. С. 44; Семевский В.И. Рабочие на Сибирских золотых промыслах. СПб., 1998. Т. 1. С. 129, 291; ГААК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 64. Л. 2, 3, 7; ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 70.

⁷⁶ ГАИО. Ф. 246. Оп. 10. Д. 91. Л. 3–22.

⁷⁷ ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 913. Л. 229.

⁷⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 625. Л. 1–27; Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб., 1871. Ч. 3. С. 476.

⁷⁹ ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1951. Л. 513–514, 551; История рабочего класса Восточного Забайкалья. (1707–1922 гг.). Иркутск, 1981. С. 75–76.

⁸⁰ РГИА. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 606. Л. 16.

⁸¹ История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 440–447.

⁸² Рабочее движение в Сибири. Т. 1. С. 71–72.

⁸³ Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. 2-е изд. М., 1989.

⁸⁴ Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII вв. М., 1972. С. 337.

⁸⁵ История рабочего класса Восточного Забайкалья (1707–1922 гг.): Сб. документов и материалов. Иркутск, 1981. Т. 1. С. 23–26.

⁸⁶ Пугачевщина в Сибири. М., 1898. С. 64.

⁸⁷ Копылов Д.И. Тюмень и ее уезд в 1773–1775 гг. // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973. С. 276–278.

⁸⁸ ГАТюмО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 370. Л. 1–10.

⁸⁹ ГАТО ТФ. Ф. 329. Оп. 541. Д. 30. Л. 181.

- ⁹⁰ ГАТюмО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 376. Л. 2–5.
- ⁹¹ ГАТО ТФ. Ф. 329. Оп. 541. Д. 105. Л. 1–3.
- ⁹² *Копылов Д.И.* Судостроение Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири. Новосибирск, 1978. С. 83–84.
- ⁹³ ГАТО ТФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 6. Л. 2–3.
- ⁹⁴ РГИА. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 6. Л. 27, 35–39.
- ⁹⁵ ГАТО ТФ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 479. Л. 1–9.
- ⁹⁶ РГИА. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 6. Л. 26.
- ⁹⁷ Там же. Л. 49–54.
- ⁹⁸ Там же. Л. 51.
- ⁹⁹ Там же. Л. 60, 66.
- ¹⁰⁰ *Разгон В.Н.* Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Барнаул, 1999. С. 430–432.
- ¹⁰¹ ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1933. Л. 84–85.
- ¹⁰² Рабочее движение в Сибири: Историография, источники, хроника, статистика: В 3 т. Томск, 1988. Т. 1. XVII в. – 1904 г. С. 9–23.
- ¹⁰³ История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 2. С. 440–441.
- ¹⁰⁴ *Семевский В.И.* Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб., 1898. Т. 1. С. 25–28.
- ¹⁰⁵ Там же. Т. 1. С. 36–37.
- ¹⁰⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 255. Л. 33, 107.
- ¹⁰⁷ «Турф» или «торф» по приисковой терминологии означает пустую породу, лежащую над золотоносным пластом.
- ¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. 1827. Д. 158. Л. 17.
- ¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. 1827. Д. 158. Л. 17; РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 255. Л. 35–40, 85, 109; Ф. 44. Оп. 2. Д. 1310. Л. 13–180.
- ¹¹⁰ *Семевский В.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 40; РГИА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 1310. Л. 187–195; ГАТО. Ф. 3. Оп. 54. Д. 130. Л. 1.
- ¹¹¹ См. о нем: Власть в Сибири XVI – начало XX в. Новосибирск, 2005. С. 606–607.
- ¹¹² *Семевский В.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 36–43; *Гессен Ю.* Военно-судные комиссии для рабочих на золотых приисках в Сибири // Архив истории труда в России. Пг., 1921. Кн. 5. С. 71–73; РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 255. Л. 35–109; По поводу суда над генерал-майором Шленевым // ГАРФ. Ф. 44. Оп. 2. Д. 1310. Л. 17–109.
- ¹¹³ ЦГА РХ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 254. Л. 136; Д. 271. Л. 21–23, 30, 36, 40.
- ¹¹⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 73. Д. 1. Л. 76.
- ¹¹⁵ *Аргунов П.* Таежная трагедия // Архив истории труда в России. Пг., 1921. С. 54–55; *Семевский В.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 151.
- ¹¹⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 73. Д. 1. Л. 55.
- ¹¹⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 40. Д. 641. Л. 44.
- ¹¹⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 73. Д. 1. Л. 55–60.
- ¹¹⁹ Там же. Л. 54.
- ¹²⁰ Там же. Л. 62.

- ¹²¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 73. Д. 1. Л. 122–123.
- ¹²² А.С. Нагаев приводит сведения об аресте 70 зачинщиков и считает, что на бастовавших приисках было 4 тыс. рабочих. (Нагаев А.С. Из истории золотопромышленности и приисковых рабочих Сибири // Уч. зап. Енисейск. пед. ин-та. 1964. Т. 7. С. 54–55).
- ¹²³ Горный журнал. СПб., 1842. № 12. С. I–VI.
- ¹²⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 40. Д. 21. Л. 15.
- ¹²⁵ Там же. Л. 2–6.
- ¹²⁶ ГАЧО. Ф. 1(П). Оп. 2. Д. 12. Л. 3–6.
- ¹²⁷ Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 103–104.
- ¹²⁸ ГАТО ТФ. Ф. 329. Оп. 545. Л. 88, 158–166, 263, 264.
- ¹²⁹ Амур. 1860. 23 авг.
- ¹³⁰ Рабочее движение в Сибири. Т. 1. С. 134, 139.
- ¹³¹ Зиновьев В.П. Дополнение к хронике рабочего движения в Сибири. С. 113.
- ¹³² См.: Зиновьев В.П. Побег рабочих Сибири в XVIII – первой половине XIX в // Проблемы классовой борьбы и общественного движения в Сибири в дооктябрьский период. Омск, 1992. С. 6–19; Он же. Волнения на крепостных мануфактурах Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв.: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 2005. С. 86–92.
- ¹³³ Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1989. С. 192–193; Стачки: история и современность. М., 1978. С. 72.
- ¹³⁴ Зиновьев В.П., Топчий А.Т. «Бердский бунт» 1869 г. // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1989. С. 188–198.
- ¹³⁵ Рабочее движение в Сибири. Т. 1. С. 84, 145, 156–157, 159–160.
- ¹³⁶ Там же. С. 84, 85.
- ¹³⁷ Там же. С. 97.
- ¹³⁸ Там же. Прил. 2, 3.
- ¹³⁹ Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. С. 417.
- ¹⁴⁰ Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг. (Облик, организация, революционные связи). Томск, 1978; Он же. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1988; Щербаков Н.Н. Ссылные пролетарские революционеры и стачечное движение в Сибири (итоги и задачи исследования) // За советскую социалистическую Сибирь. Иркутск, 1982. Ч. 1. С. 50–53; Он же. Влияние политической ссылки на классовую борьбу, общественно-политическую жизнь в Сибири в 1906–1917 гг. Советская историография проблемы // Ссылные революционеры в Сибири. Иркутск, 1983. Вып. 8. С. 3–21; Иванов А.А. Влияниесылных социал-демократов на рабочее движение в Восточной Сибири (1910 – февраль 1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1990; Макаручук С.В. Политическое подполье в Восточных регионах России (июнь 1907 – февраль 1917 гг.). Кемерово, 1994; Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в I-й четверти XX века. Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Ч. 1. (1900–1918). Омск, 1996; и др.

¹⁴¹ *Зиновьев В.П.* Влияние политической ссылки на рабочее движение в Сибири. Историографический аспект // Политическая ссылка в Сибири XIX – начало XX в. Историография и источники Новосибирск, 1987, С. 54–63; *Он же.* Политическая ссылка и рабочее движение в Сибири в 70–90-е гг. XIX в. // Политическая ссылка и революционное движение в России. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск, 1988 С. 73–80.

¹⁴² *Блинов Н.В.* Распространение марксизма и формирование социал-демократических организаций в Сибири. Томск, 1972. С. 65–67

¹⁴³ *Зиновьев В.П.* Новые данные о распространении социалистических идей в Сибири в конце XIX – начале XX в. // Проблемы общественно-политической и культурной жизни Сибири (XIX в.). Барнаул, 1992. С. 120–132.

¹⁴⁴ ГАТО. Ф. 22. Оп. 2. Д. 132а. Л. 129–131, 173–174, 221, 242–245.

¹⁴⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4. Оп. 2. Д. 40. Л. 3.

¹⁴⁶ ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 22. Л. 35, 55, 78, 84.

¹⁴⁷ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 12. Д. 1532. Л. 12.

¹⁴⁸ *Блинов Н.В.* Распространение марксизма... С. 69, 83, 101; *Мещерский А.П.* Первые марксисты в сибирской ссылке. Иркутск, 1966. С. 13–24, 29.

¹⁴⁹ ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 353. Л. 47.

¹⁵⁰ *Блинов Н.В.* Распространение марксизма... С. 103–107.

¹⁵¹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 8. 1899 г., Д. 49. Л. 1–19; ГАИО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 210. Л. 1; Рабочее движение в Сибири: Историография, источники, хроника, статистика: В 3 т. Т. 1. XVII в. – 1904 г. С. 224.

¹⁵² Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 221.

¹⁵³ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 8. 1899 г. Д. 49. Л. 16.

¹⁵⁴ *Блинов Н.В.* Распространение марксизма... С. 83, 108–109; *Кабачкий Н.И., Самосудов В.М.* Первые марксистские рабочие кружки в Сибири и формирование ядра революционной социал-демократии // Рабочие партийцы и их роль в освободительной борьбе трудящихся Сибири против царизма. Омск, 1986. С. 21–23.

¹⁵⁵ *Блинов Н.В.* Распространение марксизма... С. 100–101; *Кабачкий Н.И., Самосудов В.М.* Первые марксистские рабочие кружки... С. 23–24; Рабочий класс Сибири... С. 216.

¹⁵⁶ *Блинов Н.В.* Распространение марксизма... С. 101–113.

¹⁵⁷ *Тофорова Г.С.* Из истории Барнаульской организации РСДРП накануне и в годы первой русской революции (1903–1907 гг.) // Большевики Сибири и Дальнего Востока в борьбе за массы (1903–1917 гг.). Томск, 1976. С. 44; Рабочий класс Сибири... С. 221.

¹⁵⁸ *Блинов Н.В.* Распространение марксизма... С. 83, 97–98.

¹⁵⁹ Рабочий класс... С. 216, 223.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 9. 1900 г. Д. 523. Л. 20–22.

¹⁶² РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 454. Л. 362–363; Искра. 1902. № 22.

¹⁶³ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 11. Д. 1004. Л. 21; ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 10. Л. 53–73.

¹⁶⁴ ГАО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 40. Л. 5.

- ¹⁶⁵ Борьба большевиков Сибири против оппортунизма за создание и укрепление партийных организаций (1894–1917 гг.) Омск, 1980. С. 42–46.
- ¹⁶⁶ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 13. Д. 1715. Л. 1–2.
- ¹⁶⁷ Рабочее движение в Сибири: Историография, источники, хроника, статистика: В 3 т. Т. 1. XVII в. – 1904 г. Томск, 1988. С. 96.
- ¹⁶⁸ ГАРФ. Ф. ДП-00. 1904 г., Д. 2025. Л. 7–8.
- ¹⁶⁹ ГАРФ. Ф. ДП-00. 1889. Д. 4. Ч. 4. Литера «А». Л. 1–73.
- ¹⁷⁰ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 1071. Л. 95–96.
- ¹⁷¹ РГИА. Ф. 7446. Оп. 80. Д. 11. Л. 59–60.
- ¹⁷² *Рогов А.* Рабочее движение в Красноярских мастерских в 1901–1904 гг. // Материалы по рабочему движению на железных дорогах до 1905 года. М., 1925. С. 114–128.
- ¹⁷³ ГАРФ. Ф. ДП-00. 1904 г. Д. 2025. Л. 4.
- ¹⁷⁴ ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 3684. Л. 1–82.
- ¹⁷⁵ *Зиновьев В.П.* Традиции артельного труда в Сибири в XIX – начале XX в. // Организация труда и трудовая этика. Древность. Средние века. Современность. М.: ИВИ РАН, 1993. С. 241–252; *Он же.* Артель в дореволюционной Сибири // Проблемы социально-экономического развития и общественной жизни России (XIX – начало XX вв.). Омск, 1994. С. 26–38.
- ¹⁷⁶ *Исаев А.А.* Артели в России. Ярославль, 1881. С. 55, 83–95.
- ¹⁷⁷ *Китанина Т.М.* Рабочие Петербурга в 1800–1861 гг. Л., 1991. С. 273–274.
- ¹⁷⁸ ГАКК. Ф. 595. Оп. 17. Д. 7787. Л. 1–297.
- ¹⁷⁹ *Корженевский В.* Итоги Абаканской артели // Восточное обозрение, 1894. 8, 13 апр.; В. А-въ. На Абаканском заводе // Сибирская жизнь. 1900. 27 июня.
- ¹⁸⁰ Сибирский вестник. 1894. 24 апр.
- ¹⁸¹ Вестник золотопромышленности и горного дела вообще. 1895. № 14. С. 288; 1896. № 1. С. 15.
- ¹⁸² *Степанов Д.* Абаканский чугуно-плавильный и железоделательный завод // Вестник золотопромышленности. 1893. № 2. С. 127.
- ¹⁸³ *Краснокутский В.* Артель // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. 2-е стереотип. изд. М., б. г. Т. 3. С. 577–579.
- ¹⁸⁴ ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 2713. Л. 162–163.
- ¹⁸⁵ ГАНО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–2.
- ¹⁸⁶ Восточное обозрение. 1904. 8 авг.
- ¹⁸⁷ *А.А.* Пароходно-рабочая артель в Западной Сибири // Сибирь. 1877. 27 нояб.
- ¹⁸⁸ *Птицын В.* Кяхтинские рабочие артели // Русская мысль. 1891. Май. С. 133–136; Артели совошников // Сибирская газета. 1888. 28 февр.; Белковязь // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Иркутск, 1889. Т. 20, № 1. С. 70–71.
- ¹⁸⁹ *Коренев Е.Н.* Очерк санитарно-экономического положения рабочих на золотых промыслах Витимско-Олекминской системы Якутской области. СПб., 1903. С. 66–67.
- ¹⁹⁰ *Энгельс Ф.* Эмигрантская литература // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. С. 542.

- ¹⁹¹ Общий обзор главных отраслей горной и горнозаводской промышленности. Пг., 1915. С. 21.
- ¹⁹² Золото и платина. 1916. № 3–4. С. 55.
- ¹⁹³ *Надин П.* Хищники и золотопромышленники на Амуре // Русская мысль. М., 1898. № 2. С. 150.
- ¹⁹⁴ *Лебедев А.* Желтугинская республика в Китае // Русское богатство СПб., 1896. № 9. С. 143–172.
- ¹⁹⁵ *Васильев Е.И.* Миллионный ключ // Горный журнал. 1897. Т. 1. С. 109–112.
- ¹⁹⁶ РГА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 126. Л. 97–98.
- ¹⁹⁷ Там же. Л. 101.
- ¹⁹⁸ *Садовников И.Ф.* Систематический указатель к карте золотопромышленного района Олекминского горного округа. СПб., 1909. С. 25–33.
- ¹⁹⁹ Горный журнал. 1923. № 12. С. 884.
- ²⁰⁰ *Мухин А.А.* Рабочие Сибири в эпоху капитализма. М., 1972. С. 102–103;
- Ушаков А.В.* Борьба за единство рабочего класса России. М., 1981. С. 102–103.
- ²⁰¹ *Першин А.* Воспоминания старожила // Забайкалье. 1902. 3, 26 апр.
- ²⁰² *Герасимов М.* Горнозаводское товарищество в Нерчинском горном округе // Горный журнал, 1975. Т. IV. С. 95–116.
- ²⁰³ РГИА. Ф. 468. Оп. 22. Д. 1013. Л. 2–18; Оп. 23. Д. 37. Л. 2–3; ГАТО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 4219. Л. 2–18; ЦХАФ АК. Ф. 160. Оп. 5. Д. 26. Л. 132.
- ²⁰⁴ ГАРФ. Ф. 3348. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–6.
- ²⁰⁵ Список всех потребительских обществ России как действующих, так и закрытых на 1 янв. 1912 года. СПб., 1913. С. 169.
- ²⁰⁶ *Коряков И.А.* Общество потребителей почтово-телеграфных чинов (1898–1907 гг.) // Проблемы краеведения. Чита, 1966. Вып. 3. С. 52–53.
- ²⁰⁷ *Зиновьева В.И.* Хроника создания рабочих организаций Западной Сибири (1876–1907 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода Капитализма. Томск, 1985. С. 176–191.
- ²⁰⁸ ГАЧО. Ф. 1(О). Оп. 1. Д. 4437, Л. 244, 247, 253–254, 355–356; Список всех потребительских обществ... С. 165–166; *Коряков И.А.* Общество потребителей служащих Забайкальской железной дороги // Проблемы краеведения. Чита, 1966. Вып. 3. С. 48–51.
- ²⁰⁹ *Коряков И.А.* Общество потребителей служащих... С. 50–51.
- ²¹⁰ ЦХАФ АК. Ф. № 3. Оп. 1. Д. 64. Л. 1; *Поникаровский Д.* Сельские общества Салаирской волости // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Омск, 1880. Кн. 4. С. 1–58.
- ²¹¹ ГАКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5. Л. 12–54; ЦХАФ АК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–37.
- ²¹² Сибирский вестник. 1901. 19 сент.; ГАЧО. Ф. 1(О). Оп. 1. Д. 3668 Л. 5.
- ²¹³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 5607. Л. 6; ГАНО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 29. Л. 9.
- ²¹⁴ Очерк движения служащих Иркутска. 1883–1924. Иркутск, 1927. С. 4–8.
- ²¹⁵ *Иванова Н.А., Шелухаев В.В.* Торговые служащие в революции 1905–1907 гг. // Исторические записки. 1973. № 101. С. 171–172.
- ²¹⁶ Рабочее движение в Сибири: Историография, источники, хроника, статистика: В 3 т. Т. I. XVII в. – 1904 г. С. 197–310.
- ²¹⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2337. Л. 1–29.
- ²¹⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4212. Л. 1–2.

- ²¹⁹ ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 35. Л. 1–78; Томский печатник. Томск, 1926. С. 2–3.
- ²²⁰ ГАНО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 5. Л. 19; Д. 63. Л. 19.
- ²²¹ ГАРФ. Ф. ДП-ОО, 1904. Д. 2025. Л. 5–46.
- ²²² Восточное обозрение. 1902. 24 авг.; ГАРФ. Ф. ДП-ОО, 1904. Д. 2025. Л. 1–16.
- ²²³ Сибирский вестник. 1902. 8 авг., 4 сент.
- ²²⁴ ГАТО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 574. Л. 1–574; Д. 571. Л. 8–49; Сибирская жизнь. 1905. 11 авг.; Сибирский вестник. 1903, 13 нояб.
- ²²⁵ Рабочее движение в Сибири... С. 80–81, 114–115.
- ²²⁶ См.: Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г.: Хроника. Вып. 1. 1895 год – Вып. 9. 1903 год. М.: Институт российской истории РАН. 1992–2005.
- ²²⁷ Ленин В.И. О статистике стачек в России // Ленин В.И. Поли. собр. соч. М., 1961. Т. 19. С. 380.
- ²²⁸ См.: Порхунов Г.А. Городские демократические слои населения Сибири в общественно-политическом движении (1905–1914 гг.). Омск, 1993. 194 с.
- ²²⁹ Шиловский М.В. Итоги и перспективы изучения событий революции 1905–1907 гг. в Сибири // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в. Томск, 2007. С. 13–19.
- ²³⁰ См.: Макаrchук С.В. Политическое подполье в восточных регионах России (июнь 1907 – февраль 1917 гг.). Кемерово, 1994. 299 с.
- ²³¹ Дегальцева Е.А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.). Барнаул, 2002. 288 с.; Попов Д.И. Культурно-просветительские общества в Сибири в конце XIX – начале XX вв. Омск, 2006. 512 с.
- ²³² Рабочее движение в Сибири: Историография, источники, хроника, статистика. Т. 3. С. 6–67.

Заключение

Рабочий класс Сибири до 1917 г. прошел те же ступени формирования, что и пролетариат России: предпролетариат (ремесленники и подневольные работники: XVII – первая треть XIX в.), мануфактурный пролетариат (вторая треть XIX – конец XIX в.) и пролетариат машинной индустрии (начало XX в.).

История индустриализации Сибири и формирования отряда рабочего класса разделяется также на следующие этапы: 1) XVII – первая четверть XVIII в. – начало частного раннекапиталистического предпринимательства в весьма скромных масштабах; 2) вторая четверть XVIII в. – первая четверть XIX в. – рост, а затем господство феодального предпринимательства казны, Кабинета, дворянства в мануфактурной промышленности; 3) вторая четверть XIX в. – 1861 г. – кризис феодальной промышленности, рост и победа частного капиталистического предпринимательства в транспорте, промышленности, господство капиталистической мануфактуры в золотодобыче, начало промышленного переворота в водном транспорте; 4) 1861 г. – первая половина 90-х гг. XIX в. – крах феодального предпринимательства, господство капиталистической мануфактуры во всей промышленности, начало промышленного переворота в ней, утверждение пароходства, начало железнодорожного строительства; 5) вторая половина 90-х гг. XIX в. – 1930-е гг. – промышленный переворот во всех отраслях экономики, начало индустриализации. Особенностью сибирского варианта становления индустрии и формирования отряда рабочих были отставание по

времени от аналогичных российских процессов, зависимость темпов и масштабов модернизации края от капитала центра страны и от экономической политики государства, решающая роль транспорта, сырьевая направленность развития, дефицит рабочей силы, особенно квалифицированной, который покрывался за счет промышленной колонизации.

Степени индустриального освоения Сибири соответствовало качество применяемой рабочей силы. На XVII в. – это немногочисленные кадры гулящих людей. В XVIII – первой половине XIX в. – феодально зависимые работники и жертвы штрафной колонизации (каторжники и ссыльнорабочие разных категорий) с нарастающей долей наемных работников сначала из ссыльнопоселенцев, затем из крестьян и мещан, во второй половине XIX – начале XX в. – наемные рабочие. Особенностью состава сибирских рабочих была большая доля выходцев из Европейской России – не менее 68,4 %, судя по данным переписи 1897 г. В начале XX в. из Европейской России пришли в Сибирь более 80 % железнодорожников, до 60 % речников, до половины рабочих обрабатывающих отраслей промышленности и около трети горнорабочих. Сибирь при формировании слоя индустриальных рабочих пользовалась готовыми кадрами из промышленных центров Европейской России и Урала. Существовали здесь и свои источники профессиональных промышленных рабочих – заводы Кабинета на Алтае и в Забайкалье, казенные фабрики.

Была высока сезонность в строительном деле, добывающих и обрабатывающих отраслях производства, в транспорте. В XIX в. в Сибири преобладали рабочие-сезонники из крестьян и мещан-отходников. Перепись 1897 г. учла зимой 104 тыс. несельскохозяйственных рабочих, видимо, это и были постоянные рабочие. Ведомственная статистика учла на это же время 228 тыс. наемных работников, то есть вдвое больше. В начале XX в. слой постоянных рабочих составлял более половины на железных дорогах, на пароходах, в фабрично-заводской промышленности, около трети – на горных промыслах, в строительном деле, при этом на крупных приисках и на каменноугольных копях кадровые рабочие составляли около 40 %. Авангард российского пролетариата – металлисты – был представлен в Сибири рабочими депо и мастерских горных предприятий, речных затонов, железных дорог, редких заводов. Их насчитывалось около 25–30 тыс. или 5–6 % всех индустриальных рабочих. Кадровый пролетариат составлял, вопреки мнению ряда историков, суще-

ственную часть рабочих Сибири. Он был сосредоточен в центрах социально-экономической жизни региона, имел возможность при должной организации контролировать основные хозяйственные артерии и центры огромной окраины. Рабочие Сибири выделились в особый слой населения и осознали свое особое положение.

На сибирские предприятия и стройки рабочих манили более высокие заработки, хотя здесь были хуже условия труда и быта, более продолжительный рабочий день, чем на фабриках в России. Более высокие заработки были следствием дефицита труда и высокой интенсивности сезонных работ. Наиболее неустроенным был быт рабочих во временных поселках на приисках, стройках, рыбных и лесных промыслах, где рабочие ютились в бараках и землянках. Бедствовали рабочие и в ночлежках по приходу на заработки в города. В промышленных селах и поселках, на железнодорожных станциях, на пристанях, в рабочих предместьях городов рабочие и служащие жили в своих или хозяйских домах семейно, обзаводились скотом и огородами, имели постоянный заработок. Реальная заработная плата рабочих Сибири росла, в то время как рабочий день сокращался, а условия быта улучшались. В заводских и приисковых поселках строились больницы, школы, церкви. Конечно, позитивные изменения в положении рабочих происходили медленно, недовольство вызывали высокие цены и низкое качество товаров в хозяйских лавках, недостаток медицинских услуг, но рабочие в среднем имели более высокий уровень жизни, чем крестьяне. Квалифицированные рабочие имели доход выше мелкого хозяйчика или низшего чиновника. Это и был тот социальный насос, который выкачивал из деревни и ремесленных цехов рабочую силу.

Несмотря на быстрые темпы модернизации в конце XIX – начале XX в., Сибирь имела сравнительно развитое сельское хозяйство, слабую промышленность, средние по уровню развития транспорт и сферу обращения. В 1917 г. Сибирь при 7 % всего населения империи дала шестую часть валового сбора хлебов, около 2 % стоимости промышленного производства, в том числе 13 % стоимости продукции горного дела. На долю Сибири приходилось 8,3 % длины железных дорог, 6,5 % количества пароходов, 5,5 % числа торговых заведений, 4 % наемных рабочих России. На Сибирь с ее десятиллионным населением приходилось всего 230 тыс. индустриальных работников (горная промышленность, фабрично-заводская и транспорт), или 2,3 % населения. В городах Сибири жило 11,9 % насе-

ния. За годы Первой мировой войны количество рабочих в Сибири увеличилось, усилилась их концентрация, но более слабым стал кадровый состав из-за мобилизаций, притока новых рабочих из деревни, из иностранцев (особенно китайцев в Восточной Сибири), из беженцев и военнопленных. В период войны снизились реальные заработки рабочих, стал более продолжительным рабочий день, усилилась эксплуатация, с 1916 г. стал ощущаться дефицит продовольствия.

Сибирский отряд рабочего класса имел накануне революционных событий второе меньший процент от всего населения, чем в целом по стране, более слабый кадровый состав, меньшую концентрацию, уже слой квалифицированных специалистов, низкую грамотность (30 %), был сильнее связан с сельским хозяйством.

Рабочее движение в Сибири со второй половины XVII в. по февраль 1917 г. прошло три этапа, связанные с тремя ступенями формирования пролетариата: 1) борьба предпролетариата (вторая половина XVII в. – 20-е гг. XIX в.); 2) борьба мануфактурного пролетариата (30-е гг. – первая половина 90-х гг. XIX в.); борьба пролетариата машинной индустрии (вторая половина 90-х гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Этапы отличались не только по основным движущим силам, но и по преобладающим методам, формам и целям протеста. На первом этапе главным субъектом движения были подневольные работники феодальных мануфактур, основной пассивный способ борьбы – побег, цель борьбы – избавление от обязательных работ. На втором этапе рабочего движения основным субъектом выступали работники централизованных мануфактур (золотых промыслов), главным методом борьбы стали активные массовые выступления – волнения, основные цели движения – устранение феодальных пережитков в сфере найма, повышение оплаты труда, сокращение рабочего дня и улучшение условий труда и быта. На третьем этапе главным субъектом движения стал рабочий механизированной промышленности и транспорта (железнодорожники, водники, рабочие фабрично-заводской и горной промышленности), главным средством борьбы являлась стачка, цели борьбы – улучшение экономического положения и участие в политической власти.

Социальная активность сибирских рабочих была ниже, чем в европейской части страны. В экономических стачках участвовали не более 10 % всех несельскохозяйственных рабочих, в политических выступлениях – не более 2,5 % рабочих. В политических партиях состояли 1–2 тыс. рабочих, или меньше чем 0,5 % рабочих. Таким образом, нака-

нуне революции 1917 г. не более десятой части рабочих имели опыт социальной борьбы, один из сорока проявил свои политические симпатии. Однако в Сибири это был наиболее активный социальный элемент, стремящийся к эмансипации и готовый поддержать рабочих промышленных центров страны в борьбе за политическую власть.

Полагаю, что нет оснований сомневаться в том, что до революции 1917 г. в Сибири существовали значительные кадры индустриальных рабочих и служащих, которые внесли решающий вклад в промышленное освоение края на раннеиндустриальной стадии его развития. Они сформировали особый социальный слой, выделявшийся по социокультурным характеристикам из аграрного населения.

Список сокращений

ГАИО – Государственный архив Иркутской области

ГАКК – Государственный архив Красноярского края

ГАКО – Государственный архив Кемеровской области

ГАНО – Государственный архив Новосибирской области

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАТО – Государственный архив Томской области

ГАТО ТФ – Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области

ГАЧО – Государственный архив Читинской области

ЗСОИРГО – Записки сибирского отдела императорского русского географического общества

НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГА ДВ – Российский государственный архив Дальнего Востока

РГИА – Российский государственный исторический архив

ЦГА РХ – Центральный государственный архив республики Хакасия

ЦХАФ АК – Центр хранения архивного фонда Алтайского края

Научное издание

Василий Павлович ЗИНОВЬЕВ

ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ КАДРЫ СТАРОЙ СИБИРИ

Редактор *А.И. Корчуганова*
Оригинал-макет *Д.М. Кижнер*

Подписано в печать 25.11.2007.

Формат 60х 84¹/₁₆. Бумага офсетная №1. Печать офсетная.
Печ. л. 16,1; усл. печ. л. 15,0; уч.-изд. л. 15,5. Тираж 300. Заказ № 1669

ОАО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ОАО «Издательство Асиновское», г. Асино, ул. Проектная, 24

